

**ЭТО БЫЛО В ЦАРСТВЕ ЧУ
В 3 ВЕКЕ ДО Н.Э.**

**ХАТКА
БОБРА**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

**КНИГА 1
ЧАСТЬ 1**

**НАЛОЖНИЦА ГЕНЕРАЛА
ПРИНОСЯЩЕГО МИР**

18+

Хатка Бобра
Это было в царстве Чу
в 3 веке до н.э. Книга 1.
Наложница генерала,
приносящего мир. Часть 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68804778
SelfPub; 2023*

Аннотация

Река времени, как Млечный Путь – нет пути с одного берега на другой. Перерождение оказалось жестокой шуткой Небесного Дао! Зачем ей вторая жизнь, если она никогда больше не увидит тех, кого любила? Потеряв самого нежного и преданного мужчину, она оказалась лицом к лицу с самым жестоким человеком древнего Китая. Который возненавидел ее с первой секунды!

Содержание

ГЛАВА 1. Ограбление и погоня	5
ГЛАВА 2. Я вас сварю живыми в кипятке	14
ГЛАВА 3. Пристанище на склоне холма, откуда не хочется уходить	27
ГЛАВА 4. Блеск и ужас героев древности	37
ГЛАВА 5. Нападение и смерть.	49
ГЛАВА 6. Ритуальное совокупление	59
ГЛАВА 7. Госпожа, вы не хотите рассердить господина!	69
ГЛАВА 8. Бай Юй, зови меня дядей	78
ГЛАВА 9. Ей просто надо полежать под капельницей пару недель	92
ГЛАВА 10. Бай Юй, зови меня цзе-цзе	100
ГЛАВА 11. Госпожа была такая злая, потому что была сексуально неудовлетворенная	112
ГЛАВА 12. Слава худая идет о том, что муж мой со мной жесток.	127
ГЛАВА 13. Что, если я никогда больше не увижу Чан ЯньЮаня?	134
ГЛАВА 14. Чэнь Ин, наглый крестьянин	142
ГЛАВА 15. За крапивой	151
ГЛАВА 16. Доктор Фэн изгоняет из Бай Юйшу нечистых демонов	161

ГЛАВА 17. Предостережение замужним женщинам от близкого общения с младшим братом отца супруга	170
ГЛАВА 18. Сестричка, мы мертвые!	179
ГЛАВА 19. Она вошла в их семью, но никого из них скоро не будет в живых	187
ГЛАВА 20. Дорогой отец, я живу хорошо...	195
ГЛАВА 21. Кузнец Суэй и его непутевый старый отец	203
ГЛАВА 22. Если ты родишь господину детей, он сделает тебя фужэнь	215
2) Юнь Шоупин, Пионы, источник:	229

Хатка Бобра

Это было в царстве Чу
в 3 веке до н.э. Книга 1.

Наложница генерала,
приносящего мир. Часть 1

ГЛАВА 1. Ограбление и погоня

Бай Юйшу шагала по тропинке.

Бай Юйшу шагала через бамбуковую рощу.

Бай Юйшу шагала через поле.

В поле усердные крестьяне в полинялых шухэ разбивали комья земли.

– Здравствуйте, молодая госпожа! – кричали они и, опершись на свои мотыги, смотрели ей вслед.

– Здравствуйте-здоровствуйте, добрые землепашцы! – кричала Бай Юйшу в ответ. – Пашите-пашите, нечего на меня пялиться, а то без премии останетесь.

Бай Юйшу шагала вдоль реки, откуда ветер нес прохладу.

Там прозрачные стрекозы трепетали над кувшинками.

На воде качались лодочки-плоскодонки с загнутыми но-

сами.

– Здравствуйте, молодая госпожа! – кричали рыбаки в широких бамбуковых шляпах.

– Мао Чэнвэнь, подними-ка голову. Ты, там, наверняка, рожи мне под шляпой строишь, – сказала Бай Юйшу.

– Госпожа такая пронизательная, – сказали рыбаки.

Бай Юйшу, как огонек, мелькала среди плакучих ив в своей любимой юбке из желтых и малиновых клиньев, на которых тон-в-тон были вытканы чашечки хурмы. Юбка была завязана на груди красивым малиновым бантом, она переливалась и струилась до самых пяток.

В руке Бай Юйшу несла плетеную корзиночку. В корзиночке был секрет.

Над Бай Юйшу синело небо, под Бай Юйшу зеленела земля.

Это был ее прекрасный мир, в котором все ей улыбались.

По холмам поднимались живописные террасы с игрушечными полями и цветущими яблонями, а дальше был виден лазурный простор озера Тайху.

Бай Юйшу весело шагала по мощеной дороге мимо приветливых пешеход...

– Это ограбление!

Пока она считала ворон в своем прекрасном мире, кто-то выхватил у нее из руки плетеную корзиночку и, нагло крикнув прямо в ухо "Это ограбление!" ускакал по широкой дороге.

– Ха-ха-ха! Удачное! – донеслось на прощанье.

– Помогите! – трагически закричала Бай Юйшу.

Придурки-пешеходы все тут же остановились, разинули рты и стали наблюдать, как ее грабят.

В мире, где царят равнодушие и жестокость, никто не может быть уверен в своей безопасности. Некому помочь бедной девушке.

Все сама, все сама.

– Стой, скотина! – заорала Бай Юйшу и, подхватив юбки, ринулась в погоню.

Грабитель испугался и начал усиленно лупить пятками своего осла, но зря старался: это было неповоротливое мохнатое животное с белыми подпалинами, склонное к меланхолии и совсем не годившееся для преступной стези. У осла были короткие толстые ножки и пузо, свисающее до колен, где ему было ровняться с Бай Юйшу. Бай Юйшу занималась альпинизмом и бегала по утрам.

В три минуты она настигла похитителей и прыгнула на всадника, как пантера! Она сшибла его с осла и подмяла под себя.

– Будешь знать, как воровать! – повторяла Бай Юйшу, метя крепким маленьким кулачком обидчику между глаз.

– Молодая госпожа, пощадите! – кричал грабитель, валяясь в придорожной глине. – Я больше не буду! Я пошутил! Не бейте меня, госпожа!.. Камень положи, ты что, с ума сошла?!

В зеленой долине на берегу лазурного озера Тайху день начался очень оживленно.

Бай Юйшу думала, у нее впереди еще много таких солнечных дней.

Она ошибалась.

Люди не могут знать, что их ждет.

Ей это было хорошо известно.

Здесь она тоже ошибалась.

Когда мебель в комнате подпрыгнула, Мао СинЮнь, сонно листавшая новости, подумала, что на них напали кочевники.

Но это была просто Бай Юйшу со своей корзиночкой.

Бай Юйшу хлопнула дверью, гордо прошествовала через комнату и водрузила корзинку на стол.

В своей малиновой и золотой, немного помятой, юбке, она стояла, уперев руки в бока, и была похожа на феникса, распростершего крылья над родным гнездом. Черные глаза гордо сияли на измазанном глиной лице.

Пылинки танцевали в солнечных лучах, проникавших в помещение сквозь щели в ставнях. С улицы было слышно, как ссорятся воробьи.

Маленький двор на склоне холма прятался в цветущих кустах. Внизу сновали и шумели люди, а здесь всегда было тихо.

Мао СинЮнь немного помолчала.

Своим спокойным темпераментом подруга иногда напо-

минала Бай Юйшу недавнего осла. У нее были такие же печальные миндалевидные глазки, обведенные черным ободком из коротких густых ресниц.

– Ты что, дралась? – наконец спросила она.

– Госпожа такая проникательная! – радостно ответила Бай Юйшу, утвердительно тряхнув головой. Из ее растрепанных волос вывалилась ленточка и упала на пол.

– Сегодня вечером в Сучжоу будут казнить убийцу и маньяка, какого-то Цоу... Чжоу... сейчас найду... где это было... очень интересно... – Мао СинЮнь снова уткнулась в свои новости.

У дверей раздался стон.

– Аа... они не того казнят... – жалобно сказал кто-то входя в комнату. – Главный маньяк все еще на свободе.

Знакомый грабитель, покрытый грязью и пылью еще хуже, чем Бай Юйшу, обессилено грохнулся на стул напротив и начал многозначительно на нее смотреть. Он прижимал к виску мокрый платок.

(Грабитель:) – Она меня избила!

(Бай Юйшу:) – Он у меня корзиночку отнял!

(Мао СинЮнь, смотрит сонно и печально:) – ...

– Там крючок для одежды! – с пафосом сказал Бай Юйшу.

– Крючок?!

Меланхоличные глазки Мао СинЮнь вдруг проснулись, злобно сощурились и уставились на молодого человека. Он тревожно заерзал на стуле, взглядом ища пути к отступле-

нию.

– Но-но-но! Я же не знал. Какой еще крючок для одежды? Что, за крючок можно убивать человека?... Черт, кого я спрашиваю! Я же в отделе древностей! Вы за любой старый черепок удавить можете! Что за крючок? Покажите!

Бай Юйшу, придерживав широкий рукав, с торжественным видом открыла корзиночку и вынула из нее лакированную шкатулку. В шкатулке лежал шелковый мешочек. Она развязала тесемку, осторожно разогнула ткань, и три головы сдвинулись над таинственным предметом.

(Все трое:) – Ааах...

Это была сказочная тварь из бронзы с хищным загнутым клювом, который служил крючком, и длинной шеей. На шее были вырезаны постепенно сужающиеся ряды чешуек, как у рыбы. В резьбу по бронзе были вдавлены прожилки золота, так что казалось, что сетчатый рисунок нанесен кистью. Глаза были треугольные, злобные, тоже украшенные тонким золотым рисунком. Зрачки были обозначены округлыми узкими углублениями, поэтому взгляд у твари был очень сосредоточенный, словно она поджидает момент, чтобы ожить и вцепиться своим хушным клювом в шею хозяину вместо воротника. Несколько загнутых назад узких перьев венчали макушку.

(Мао СинЮнь, шепотом:) – Голова птицы и шея змеи...

(Чан ЯньЮань:) – Феникс?

(Бай Юйшу, нежно глядя на свое сокровище:) – Ммм...

– Откуда оно у вас? – тихо спросил Чан ЯньЮань, как будто боялся разбудить хищную тварь.

– Его нашли в развалинах в старом Пэнчэне. Там было заведение под названием "Дружеский винный дом", он сгорел, – объясняла Бай Юйшу, доставая из стола чистую карточку. – Вот там было много всего... пряжки... ножи...

– ...и обгорелые скелеты, – страшным шепотом сказала Мао СинЮнь.

– Пьяные посетители сгорели?

– Ммм... не знаю. Этот "Дружеский винный дом" был интересным местом. Он упоминается по разным случаям в поздних источниках. Похоже, там собирались непростые люди...

– Разбойничий притон?

– Скорее, секретный пункт для ханьских шпионов... во время войн между Чу и Ханем.

– Их, наверно, рассекретили, заперли и сожгли заживо, – сообщила Мао СинЮнь.

Маленькая толстенькая тихоня Мао СинЮнь больше всего на свете любила рыться в руинах после пожаров и грабить древние могилы. В отделе древностей они все такие. Если нет подходящей могилы, копаются на помойке.

Бай Юйшу со значением кивнула, завязала мешочек, написала несколько слов на карточке и спрятала все в один из сотен выдвижных деревянных ящичков, заполнявших стены комнаты.

Из-за этих ящичков помещение было похоже на даосскую аптеку.

Избитый грабитель поднял с пола ленточку и своим мокрым платком подхалимски вытирал глиняные полосы со щеки Бай Юйшу.

– Молодая госпожа так энергично дерется, – приговаривал он. – Дракон и феникс, молодой талант... хотя теперь больше похожа на поросенка...

– Я с тобой не разговариваю, – сказала Бай Юйшу, подставляя грязную щеку и глядя в потолок. – Воровская харя.

– Я же не знал. Я думал, там рулетики с ветчиной... не вертись...

Мао СинЮнь безнадежно закатила глаза и издала пухлыми губами презрительное "пффф". Эти двое были ей противны.

В комнату без стука вошел статный старец в одежде слуги.

– Молодежь, – сказал он. – Вас зовет господин Лоу.

– Всех зовет? – спросила Мао СинЮнь.

Она вяло подвигала под столом короткими толстыми ножками, надеясь, что вставать не придется.

– Конечно, нет, – злорадно ответил статный старец. – Конечно, вот этих двоих.

Бай Юйшу и Чан ЯньЮань посмотрели в пол.

– Зачем? – спросили они.

– Вы сами не знаете? – пожал плечами старец. – Конечно, он хочет выпить вашу кровь.

В мире, где царят равнодушие и жестокость, никто не может быть уверен в своей безопасности.

ГЛАВА 2. Я вас сварю ЖИВЫМИ В КИПЯТКЕ

Ясный день в Восточном У нес ароматы лотосов и сладкой ваты.

На подоконнике прыгал воробей и клевал крошки.

Господин Лоу, заложив руки за спину, смотрел в голубое небо и улыбался.

Господин Лоу по виду был похож на злобную высохшую мумию без губ, поэтому от его улыбки воробей чуть не свалился с подоконника. Когда господин Лоу улыбался, появлялось опасение, что он сейчас кого-то сожрет.

Просторная комната была наполнена антикварной мебелью и резными ширмами. В ней присутствовала атмосфера богатства и художественного вкуса.

Господин Лоу любил полумрак, старинную бронзу, погребальные статуэтки, лакированные саркофаги и скелеты. Он ненавидел солнечный свет, детей, собак и вообще все живое. Больше всего он ненавидел Чан ЯньЮаня. Этот стервец безвозвратно испортил ему лучшие годы жизни, с шестидесяти трех до семидесяти двух!

Им двоим не было места под одним небом.

Но сегодня наглый щенок наконец-то у него в руках!

– Хороший сегодня день, – думал господин Лоу.

Он очень ошибался.

Человек не может знать судьбу, так уж устроен мир.

Господин Лоу постоял еще немного и повернулся к двум неблагодарным щенкам, которые старательно кланялись и бубнили "Директор Лоу, мы пришли, здравствуйте, директор Лоу."

Господин Лоу улыбнулся им отеческой улыбкой.

Улыбка испускала месседж "Вам не жить, негодяи."

– И вам не стыдно смотреть мне в глаза? – спросил господин Лоу.

– Стыдно, стыдно, директор Лоу, мы лучше не будем смотреть вам в глаза, – сказали неблагодарные щенки и потупились.

– Я взрастил вас вот этими руками! – господин Лоу показал свои хищные морщинистые лапки и попытался выжать из высохшего организма слезу незаслуженной обиды.

– А вы опозорили мои седины...

(Чан ЯньЮань, Бай Юйшу:) – ... а?

– ... и весь Восточный У! Его вы тоже опозорили!

– Осмелюсь уточнить, директор Лоу, – осторожно сказал Чан ЯньЮань. – А как мы опозорили весь Восточный У?

Ничего не ответил ему господин Лоу.

Он только усмехнулся горькой усмешкой, вынул из кармана дистанционный пульт и нажал на кнопку.

Красно-черные расписные панели в стиле эпохи Чжоу разъехались в стороны и открыли плоский LCD-монитор

диагональю в полстены.

Узкие глазенки директора Лоу победно сверкнули.

Он нажал на другую кнопку.

На экране появился каталог черепаших панцирей с гадальными надписями.

– Нет... сейчас... где оно... где эта чертова ссылка?! Чан ЯньЮань, где была ссылка?!

– У вас в почте, господин директор или в вичате? – спросил Чан ЯньЮань, забирая у него пульт.

– В вичате, – буркнул господин Лоу. – Не закрывай, не закрывай, я потом не найду, где смотрел!.. Вот оно! Ага! Тебе конец, Чан ЯньЮань, тебе конец! На этот раз даже твой всемогущий папаша тебя не спасет!.. Сделай "проиграть видео".

– Господин Ло... гм...

Маленький сад опустел,

Царит во дворе тишина.

Только из динамиков иногда доносится жалобный крик "Молодая госпожа, не бейте меня!"

(Чан ЯньЮань, Бай Юйшу:) – ...

Звездой эпизода была, несомненно, Бай Юйшу, в своей желто-малиновой яркой юбке, из-под которой торчали красные "конверсы" и отвороты джинсов. Она с воодушевлением трясла и валяла по земле Чан ЯньЮаня, и было уже непонятно, живой он там под ней или уже нет.

Туристы вокруг кивали, улыбались, тянули шеи и снимали шоу на телефоны.

Никому в голову даже не пришло остановить смертоубийство, которое происходило у них на глазах. Все, думали, это аниматоры стараются для их развлечения. В какой-то момент, казалось, у одного человека проснулся здравый смысл – в кадре появилась рука, тянущаяся к Бай Юйшу, которая легла ей на плечо. Бай Юйшу обернулась – и туристы начали активно фотографировать ее раскрасневшееся в потасовке лицо. Все одобрительно засмеялись, рука похлопала по плечу Бай Юйшу и убралась, Бай Юйшу стала бить Чан ЯньЮаня дальше.

Толстый осел низко опустил мохнатую голову и притворился, что ему стыдно смотреть на то, что творится в парке Восточный У.

(Бай Юйшу, кричит страшным шепотом:.) – ЯньЮань, не делай этого!...

Поздно.

Чан ЯньЮань уже по привычке нажал на "похожие видео", и на экран выехала лента предпросмотров, на которых дюжина Бай Юйшу в разных интересных ракурсах прыгала по Чан ЯньЮаню.

Эти туристы с их телефонами.

Надменные, полуприкрытые глаза директора Восточного У, выражающие обычно коварство и презрение к миру ян* (## "ян цзиен", мир живых), медленно расширились, пока не приняли идеальную круглую форму и не стали похожи на старинные медные монеты. С квадратным зрачком посере-

дине.*[1]

– Убийцы! Предатели! – закричал он, хватаясь за сердце. – Я сварю тебя живым в кипятке, Чан ЯньЮань! Я обоих вас сварю в кипятке! Я вас обоих уволю! Вы кончите свои дни в сточной канаве, а я буду смотреть с небес и радоваться. Восточный У – научное учреждение с образовательной программой! Такой шпане, как вы, здесь не место!

– Директор Лоу, – с чувством сказала Бай Юйшу, – именно! Это был научный спор! По вопросу реставрации бамбуковых рукописей. Он сказал, что можно скотчем замотать и все дела... ну, понимаете, я и не выдержала...

Нарисовала змею и пририсовала ноги.* (#### /hua she tian zu/ т.е. перестаралась)

(Директор Лоу, багровея:) – Чан ЯньЮань! Ты!.. (находит последнее утешение) Хвала небу, хотя бы никто не знает, кто вы такие...

(Чан ЯньЮань, пультом:) – Тык! (на рандомном видео)

(Диктор Синьхуа новостей:) – ... девушка – заведующая отделом хранения и консервации фондов музея Бай Юйшу, личность мужчины установить не удалось, распознавание не срабатывает из-за слоя грязи на лице...

(Чан ЯньЮань:) – ... (улыбается и торжествует, что он такой неуловимый)

(Диктор Синьхуа новостей, прижимая ладонью ухо с мини-коммуникатором:) – ... минуточку... только что сообщили... Мужчина, подвергшийся нападению в археологиче-

ском заповеднике Восточный У, – это Чан ЯньЮань, руководящий отделом художественных публикаций заповедника. Судя по всему, под обманчивым респектабельным фасадом научного учреждения идет непримиримая война мнений... бла-бла-бла...

(Директор Лоу, безнадежно:) – Только бы они не связали фамилию "Чан" с нашими спонсорами...

(Комментарии под видео, весело едут и меняют друг друга): – Какой Чан? Это не из Чан Констракшен Корпорейшн?.. Не может быть! Он слишком молодой... Это Чан ЯньЮань, сын владельца!..

(Диктор Синьхуа новостей, оживляется:) – На вопрос, какое отношение имеет к происшествию господин Чан ЦзяЦзюнь, владелец Чан Констракшен Корпорейшн, главного акционера парка Восточный У, можем сообщить, что молодой мужчина, которого жестоко избила заведующая отделом музейного хранения, является младшим сыном господина Чан ЦзяЦзюня, это второй наследник семейного бизнеса, талантливый историк и художник Чан ЯньЮань. Не хотел бы я быть сейчас на месте заведующей Бай! Страшно даже представить, какое наказание господин Чан-старший будет требовать для обидчицы своего... бла-бла-бла...

(Директор Лоу, молчит и смотрит, ему уже все равно) – ...

(Чан ЯньЮань, осторожно:) – Лоу-лаоши* ... шицзунь*!... Цзунчжу, глава секты*!

---

*## /lao shi/ учитель, профессор

* ## /shi zun/ наставник

* ## /zong zhu/ глава секты

—

Позорное пятно на биографии директора Лоу: этот стервец был его студентом.

Один день учитель, на всю жизнь – отец. * (#####)

В случае с Чан ЯньЮанем: пять семестров студент, а потом он поганит тебе всю жизнь своим дурацким юмором и безответственными теориями, которые не соответствуют принципам марксистско-ленинской археологии и научного атеизма!

Когда президент Чан Корпорейшен Чан ЦзяЦзюнь предложил профессору Лоу руководить только что учрежденным природно-историческим заповедником Восточный У, профессор быстро согласился. Зарплата в три раза выше, чем на историческом факультет в Шанхайском университете, и готовность музея публиковать статьи сотрудников в крупнейших научных изданиях были решающими факторами.

Кто же знал, что первым, что он услышит, ступив на территорию нового музея, будет счастливое:

– Лоу-лаоши! Шицзунь!

Директор Лоу отрешенно сунул в рот таблетку валидола.

– Чан ЯньЮань, посмотри на себя, – сказал он наконец.

В голосе старика слышались тоска и безнадежность. Никогда больше профессор Лоу не поверит, что в этом мире есть

добро и счастье. Он никогда и не верил.

– Чан ЯньЮань, посмотри на себя. Какое жалкое зрелище... Тебе двадцать семь лет, а ты еще не защитил диссертацию.

(Чан ЯньЮань:) – Лоу-лаоши...

Чан ЯньЮань знал много людей, которым было двадцать семь лет и даже больше – и они до сих пор не защитили диссертацию! – но Бай Юйшу активно сигналила глазами, чтобы он заткнулся.

– А ты, Бай Юйшу, в кого ты превратилась? – с отвращением спросил директор Лоу.

(Бай Юйшу, неуверенно:) – Э-э... в начальника отдела хранения и консервации?..

(Директор Лоу:) – ... (смотрит)

(Бай Юйшу, очень тихо:) – Директор Лоу спросил...

(Директор Лоу:) – ... (смотрит)

(Бай Юйшу:) – ... (замолкает)

(Директор Лоу, в ненависти к врагам обретая новые силы:) – Пустили по миру!.. Опозорили!.. Восточный У теперь посмешище!... Наши посетители – культурные, образованные люди! По твоему мнению, Чан ЯньЮань, кто пойдет в природно-исторический заповедник, в котором научные сотрудники дерутся и... (слезы на глазах)... заматывают бамбуковые дощечки скотчем?!

(Телефон в кармане директора Лоу, с патриотическим подъемом:) – Жаворонки слетаются с небес!.. Жаворонки

слетаются с небес!.. Жаворонки слетаются с небес!.. Жа..*[2]
(Директор Лоу, злобно:) – Профессор Лоу у аппарата!..
(быстро добрея) Чан-чжуси*? (## /zhu xi/ председатель, президент компании) Смотрите новости? (заботливо, но немного нервно) Чан-чжуси, не смотрите новости, это вредно для здоровья!.. Уже посмотрели? Черт... А? Кого вы поздравляете? Меня поздравляете?.. (радостное бульканье в трубке) Все только о нас и говорят? М-да, могу поверить... Акции взлетели на тридцать пунктов?.. (трубка хохочет и что-то булькает дальше)... Сейчас... (растерянно отдает телефон Чан ЯньЮаню)...

(Чан ЯньЮань:) – Пап? Чего?

(Телефон:) – Буль-буль-буль! Ха-ха-ха!

(Чан ЯньЮань:) – Никогда не верил в идиотскую затею с арх... пап, "археологический" называется, а не "анархический"!

(Телефон, орет и радуется:) – Ха-ха-ха! Какая разница?!

(Чан ЯньЮань:) – Не верил в затею с археологическим заповедником?.. Признаешь, что был неправ? (оживляется) Я молодец? (подмигивает Бай Юйшу) Тебе привет... А? Ага... Ну, конечно, продуманная до мелочей рекламная стратегия, что же еще... Серьезно?.. Ну ладно... Ну, давай... (нажимает на "отбой" и отдает телефон директору Лоу)

(Чан ЯньЮань, радостно:) – Шицзунь! Отец сказал, что туристические агентства со всего мира стоят в очереди... О! Бай Юйшу, открой свой музейный блог, посмотри на ком-

ментарии.

И они оба уткнулись в свои телефоны:

– Хи-хи... Суровые будни археологии... Они женаты?.. Он ей, наверно, изменяет!.. Ха-ха-ха!.. Девочки, ловите фотки!.. (Где они достали мои школьные снимки?!).. Какой симпатичный! (Бай Юйшу закатила глаза)... Чан ЯньЮань женись на мне я не буду тебя бить... свободу женщинам социалистического Китая...

Неблагодарные щенки веселились и думали, им это все так сойдет с рук.

Но на стороне профессора Лоу Сюэли были мудрость, опыт, неистребимый запас злобы и знание истории Поднебесной, включая убийства, казни и изощренные пытки.

Директор Лоу дососал валидол.

Он сделал дыхательное упражнение по системе цигун и восстановил сердечный ритм. С которым едва не распротился из-за этих двух засранцев!

Он сказал, спокойно и величественно:

– Рано радуетесь. Живыми вам все равно не уйти. Сколько там у вас комментариев в этом вашем блоге?

– Четыреста семьдесят восемь, директор Лоу... триста сорок... хе-хе, я выиграла!..

– Чтобы ответили на каждый комментарий! – повелел директор Лоу и глаза его мстительно блеснули. – В нерабочее время!

– Нет! Лоу-лаоши, лучше смерть! А опция насчет сварить

в кипятке еще доступна?

Два неблагодарных щенка рыдали и валялись в ногах у директора Лоу.

Обучение без строгости – лень наставника!*[3]

Директор недрогнувшей рукой выставил их из кабинета и с чувством исполненного родительского долга уселся за стол разглядывать в лупу фрагмент панциря черепахи с тремя интересными иероглифами.

—

[1]* Мелкие старинные китайские монеты имели в центре квадратное отверстие

[2]* ##### – "Жаворонки летят с небес, люблю тебя, Китай!.." Первая строка популярной патриотической песни. Жаворонок – воплощение усердности и сообразительности (союз труда и интеллекта), синее небо – метафора для любящей матери-родины.

[3]* ### ### ### ### – Воспитание без обучения – упущение отца, обучение без строгости – лень наставника. ("Троеслобие", 13 в.)

—

ГЛАВА 3. Пристанище на склоне холма, откуда не хочется уходить

– Кошмарик, хочешь получить много денег? – спросил Чан ЯньЮань.

Круглые доверчивые глаза Бай Юйшу выжидательно уставились на него.

– Преступным путем? – с надеждой спросила Бай Юйшу. Как все в отделе древностей, она была жадиной и страдала легкой формой kleptomании.

– Ответь за меня на комментарии!

Бай Юйшу надулась и сказала:

– У тебя денег не хватит.

(Чан ЯньЮань, подлизывается) – Ну А-Цзюй, ну пожалуйста, я ведь такой симпатичный... на, почитай, все хотят за меня замуж... кроме тебя.

(Бай Юйшу, презрительно выпячивает губу:) – ...

(Чан ЯньЮань, напоминает о далеких счастливых днях:) – Ты же на музейной практике всегда писала за меня карточки на экспонаты!..

(Бай Юйшу, ноль реакции:) – ...

(Чан ЯньЮань:) – Я тебе куплю тако с острым соусом.

(Бай Юйшу, поднимает бровь и смотрит, заинтересовалась) – ...

(Чан ЯньЮань:) – Пойдем, пообедаем?

С горы, с высокой галереи Бай Юйшу смотрела на многоэтажный величественный павильон у входа в долину. Вогнутые крыши золотились на солнце. Расписные карнизы радовали глаз. Там продавали тако.

Бай Юйшу вздохнула.

– Не могу сейчас, – сказала она. – Мне надо к врачу.

– К врачу? Зачем тебе к врачу? С тобой сходить?

(Бай Юйшу, закатывая глаза:) – Обязательно! Ведь без тебя мне не сделают УЗИ матки.

(Чан ЯньЮань, немного растерянный:) – УЗИ матки?.. (мобилизовался) Что я должен буду делать?.. Я только позвоню, отменю планерку...

(Бай Юйшу, кричит и стучит ладонь по лбу приятеля:) – Не сходи с ума! Это просто осмотр в поликлинике! Заведующий Чан, иди на планерку!

Бай Юйшу шагала по деревянной галерее.

Бай Юйшу шагала по Восточному У.

Бай Юйшу шла к гинекологу.

Чан ЯньЮань посмотрел ей вслед, а потом пошел на планерку.

Пышнолиственные ивы склонились в два ряда и тени от них вытянулись на прозрачной воде.

Белки и синицы, весь день выпрашивавшие семечки у туристов, наелись и спрятались в домики.

Служба вещания парка объявляла посетителям, что до за-

крытия остается один час. Они фотографировались на прощание на фоне старинных павильонов и снимали со смотровых площадок панораму вечернего солнца, медленно опускающегося в лазурные воды озера Тайху.

В храмах на холмах зажигались огоньки.

Мао СинЮнь засопела, завозилась на своем стуле и стала засовывать вещи в холщовую сумку с лямками и логотипом "Восточный У – живая история".

Было без пятнадцати шесть.

Пришла Бай Юйшу и включила компьютер у себя на столе.

– Я думала, вас четверговали или сварили в кипятке, – разочарованно сказала Мао СинЮнь. – Видала свои вирусные видео?.. А ты чего такая?

– Нет, ничего. Работы много... много всего.

Бай Юйшу уже была без своей лучезарной юбки – в кофточке с коротким рукавом и джинсах. Она села за рабочий стол.

На столе лежали рядом два тако, завернутые в фирменную бумагу. За ними аккуратно стояли картонка с соком и шоколадный коктейль. Рядом – прозрачный контейнер с салатом и листок с нарисованным человечком, указывающим на салат и означающим "Не съешь огурцы – в следующий раз тако не получишь!"

У человечка был широкий сердитый рот, вроде щели в ящике для жалоб, и он был похож на директора Лоу.

Бай Юйшу очнулась от вечерней печали и улыбнулась.

Мао СинЮнь ухмыльнулась.

Она надела сумку на плечо и пошла домой.

В тишине, среди сотен ящичков с таинственными старинными артефактами, Бай Юйшу подперла щеку ладонью и стала перебирать на экране присланные из 3D-лаборатории модели.

На склоне холма под соснами и акациями, в маленьком дворе, к которому вела каменная лестница, она была как будто в картине Ван Шиминя*[4]: над домиком – горы и скалы, выше – снежные вершины, еще выше – громоздятся облака, и все это – чтобы спрятать любовно выписанную комнатку, где вечером горит на столе лампа.

"Сделав шаг вперед, окажешься в императорском дворце. Шагнешь назад – увидишь озера и горы," – так написал художник на одном из свитков. Чем ближе к небу, тем сильнее дует ветер и громче шумят водопады.

Только здесь, далеко от вершин и ветров, может мыслитель найти душевный покой.

Здесь ей было хорошо.

Отсюда ей не хотелось уходить.

Конечно, здесь было только одно из помещений отдела музейного хранения парка Восточный У, не самое важное.

Под землей были проложены километры галерей с рядами шкафов и камер, где автоматика поддерживала заданные режимы температуры, влажности и освещения. Благодаря под-

держке правительства и финансированию Чан Констракшен Корпорейшн, Восточный У был оборудован по последнему слову музейной техники.

Тематический парк с пешеходными маршрутами, экскурсионными программами, спектаклями и мастер-классами, занимал территорию более 5000 га, и еще почти столько же занимали научные и выставочные корпуса. Там же, на закрытой территории, сезонно работали археологические экспедиции, исследующие могилы царства Чу.

Шесть могил, на которых работы уже закончились, стали экскурсионным объектом: над раскопами водрузили прозрачные купола, а рядом поставили специальный павильон с поднятыми из-под земли экспонатами, стены которого тоже были из прозрачного, как стекло, пластика.

В музее была собственная лаборатория цифрового моделирования, сканировавшая каждый экспонат, поступавший в коллекцию. Восточный У запустил онлайн-проект всекитайского 3D-каталога исторических реликвий и получил правительственный грант. На базе компьютерных моделей изготавливались электронные и материальные реплики артефактов, включая продукты 3D-принтинга и объекты для голографических экспозиций.

Реставрационные мастерские Восточного У, оборудованные всеми возможными приборами для анализа и восстановления предметов старины, включая рентгеновские и ультразвуковые аппараты, химические анализаторы, микроскопы,

спектрометры и другие чудеса техники, напоминали секретные лаборатории в фантастических блокбастерах.

Дата-центры каталога коллекций и отдела научной информации занимали несколько многоэтажных зданий, этажи которых уходили и в небо, и под землю. Программно обучаемые интернет-кроулеры работали в режиме постоянного поиска.

В музейном комплексе имелось собственное издательство, важной частью которого являлись отделы научных и художественных публикаций. Отдел конференций организовывал международные симпозиумы.

В музее развивались также модные направления вроде лаборатории экспериментальной археологии, мастерских исторического костюма и оружейного дела.

Благодаря опыту и связям директора Лоу музей за несколько лет занял место среди крупнейших научно-исследовательских учреждений страны.

Благодаря деловому подходу президента Чана музей агрессивно захватывал рынок научных услуг и информации и нередко был объектом зависти со стороны коллег.

Зависть и происки врагов не пугали директора Лоу и президента Чана. Они были нестигаемыми солдатами социализма и капитализма – в порядке упоминания. Они были рождены для борьбы.

Бай Юйшу некоторое время смотрела на экран рассеянным взором. Потом она встала, подошла к ящикам на стене

и вынула мешочек с крючком из Пэнчэна.

Она осторожно положила мешочек на стол перед компьютером и задумалась.

Потом она достала телефон и нажала контакт на экране.

Ответили не сразу.

– Привет, – сказала Бай Юйшу.

– Что?

– Я задержусь.

Молчание.

– Понятно.

– Я сегодня днем уходила с работы, мне надо доделать.

Усмешка.

– Я понял.

– Джэкунь, я хочу что-то тебе сказать ...

Молчание.

– Что?

– Я приду домой и скажу.

– Ладно.

– А ты... может, ты сходишь в супермаркет, купишь что-нибудь вкусное?... Креветки, может быть... Я дома тебе скажу все.

– Ладно. Посмотрю.

– Я позвоню, когда буду выходить.

– Ладно. Пока.

Отбой.

Бай Юйшу посидела еще с телефоном в руке.

Это ничего. Теперь у них все будет по-другому.

Будет новая жизнь.

Бай Юйшу перевела дыхание, включила подсветку у настольного микроскопа и поместила крючок под увеличительное стекло.

... филигрань периода Воюющих Царств, инкрустация золотом по бронзе... застежка (крючок) для одежды в виде стилизованной головы феникса... глубокая царапина от левого глаза до основания клюва... (она включила лазерный измеритель) глубина 2,5 мм...

Она стала рассматривать экспонаты один за другим и заполнять онлайн-формы на каждый предмет с замечаниями о его состоянии.

Было почти семь часов.

—

*[4] ### Ван Шиминь – кит. художник династии Мин (17 в.). Излюбленный мотив творчества – отшельник в маленьком домике в обрамлении массивных форм пейзажа.

Небо – метафора императорской власти.

—

右丞江山雪霁圖同羊運思評語也
出天機太子造化出後人可能分及後
于忠輝見江干雪意長卷其羊疑不
如視同全屏疑即注述德其意顯處此
圖猶安卷卷能轉轉疑自愧耳
戊申秋日承慶老人王時敏書并識

ГЛАВА 4. Блеск и ужас героев древности

В половине десятого Бай Юйшу вспомнила, что она голодная.

Она сделала несколько увеличенных снимков последнего артефакта, убрала его в специальный футляр и сунула в рюкзак.

Она развернула один тако и нашла в закладках любимую оперу.

Пятнадцать минут больше, пятнадцать минут меньше.

Поесть-то она может, разве нет?

"... Раньше я был силен,

Я мог двигать горы и править миром.

Теперь счастье изменило мне,

И конь мой не скачет.

Конь – это не беда,

Но что же мне делать с тобой, ах, Юй!.."*[5]

Бай Юйшу жевала тако с острым соусом, а по лицу ее катились слезы.

Ее не столько трогало выступление певцов в ярких костюмах, похожих на китайские термосы, сколько вся трагическая судьба героя Сян Юя, победившего тиранов Цинь – только для того, чтобы умереть и отдать Поднебесную трус-

ливому и подлому Лиу Бану. Больше всего ей было жалко Сян Юя из-за того, что у этого могучего человека было такое нежное сердце и он так любил свою младшую жену.

"– Господин,

если вы будете прорываться сквозь войска Хань,

Я буду вам только мешать.

– Нет! Нет!

– Прощайте, господин!"

Закончен танец с мечами, и колокольчики жалобно звенят.

Бедные Сян Юй и Юй-цзи!

Историю их любви люди помнят через сто поколений.

Бай Юйшу вытерла мокрое лицо салфеткой из ланч-бокса и выключила компьютер.

Она попрощалась взглядом со своим уютным пристанищем, поставила помещение на сигнализацию и вышла на высокое крыльцо.

Как в династию Цинь, как в династию Хань, луна вставала над землей.

Ткали без усталости тени воздушное полотно.

Ночь таила темные силы веками в диких горах.

– Ху-ху!

– Аааай!

На сосне ухнула сова, и Бай Юйшу подскочила от испуга.

Шорох у стены.

Она боялась обернуться, замерла, как кролик под кустом.

Она перестала дышать.

Тепло чужого тела приблизилось сзади.

(Чан ЯньЮань:) – Одиннадцатый час! У тебя голова есть?!

(Бай Юйшу, дрожащий выдох:) – Ффуу... Я убью тебя, Чан ЯньЮань! Посмотри, у меня вся голова седая!

(Чан ЯньЮань:) – Дурочка, что ж ты так кричишь?

(Бай Юйшу:) – Ты не мог войти в дом, как нормальный человек?! Обязательно пугать?!

(Чан ЯньЮань:) – Ты там ревела! Как будто я не знаю, как ты начинаешь заливаться слезами каждый раз... (поет надтреснутым голосом, как в китайской опере) "Что мне делать с тобой, Бай Цзюй, что мне делать?"

(Бай Юйшу:) – Ха-ха-ха!

Фамилия Бай Юйшу писалась # (бай, "сто"), но папа Бай, романтическая душа, назвал дочку "Юй" # (нефрит), так что имя ее звучало как "бай юй" ##(белый нефрит). Чан ЯньЮань, конечно, давно переделал его в ## (бай цзюй, "сто кошмаров").

(Чан ЯньЮань:) – Ты огурцы съела?

Пауза, малюсенькая такая.

– Конечно, – честно ответила Бай Юйшу.

– Хм, – сказал Чан ЯньЮань, отбирая у нее рюкзак и вешая его на одно плечо, поверх собственного.

– Чего ты домой не пошел?

– Нужно было прихватить по дороге одну молодую госпо-

жу, которая боится темноты.

– Кто боится?!

Чан ЯньЮань вздохнул.

– Конечно, сова, – сказал он. – Она чуть с дерева не рухнула, когда ты заорала от стра... ой, прости, от радости, что надо топать ночью полтора километра по пересеченной местности.

Бай Юйшу подняла голову и, не вступая в дебаты, пошла вперед, свободная и гордая женщина социалистического Китая.

– Ху-ху!

– Ай!

– Ха-ха-ха!

– Смотри, что сегодня наши раскопали, – сказал Чан ЯньЮань, на ходу показывая снимок в телефоне. – Похоже на шпильку.

– Хм, странно... короткая... Это в какой могиле?

– Номер девятнадцать. Она была среди остатков лакированной шкатулки, так что, есть причины думать, что она из женских аксессуаров, но все равно непонятно, что это...

– Дай сюда... Ну да, юбка-восьмиклинка...

– Похоронена молодая женщина, около двадцати лет...

– ...Брошки, а это...

Находка действительно больше всего по форме напоминала шпильку для волос. Покрытая зеленоватой патиной, безошибочно указывающей, что предмет изготовлен из бронзы,

она была примерно в мизинец длиной и по всей длине украшена выпуклой спиралью. Головка была широкая, округлая, без украшений, только посередине проходила линия, почти скрытая наплывами патины. У Бай Юйшу появилось странное чувство, что она такой предмет уже видела, но сколько она не перебирала в уме бронзу всаднической культуры Сычуани и литье царства Цинь, ничего на ум не приходило.

Он шли вдвоем мимо полей, в которых музейный трактор с включенными фарами допахивал последнюю борозду, чтобы днем студенты изображали трудолюбивых крестьян.

Они шли вдоль берега, там плакучие ивы размахивали в темноте ветвями, как привидения. Редкие фонари искажали очертания деревьев и делали их еще ужаснее. Ветки вытягивались, как пальцы, трогали за плечи и хотели поймать.

Они вошли в бамбуковую рощу, где царил мрак и шелестели листья, как будто призраки шептались. То один, то другой суставчатый ствол начинал противно скрипеть. Отблеск луны пробивался иногда сквозь колышущиеся листья и скользил по стене растений, а потом угасал, словно еще одна живая душа уходила в мир теней.

Чан ЯньЮань в темноте нашел руку Бай Юйшу, пропустил ее пальцы сквозь свои и сжал ее маленькую ладошку. Его ладонь была теплой и широкой. У Бай Юйшу было оправдание не отнимать руки, она же боится темноты.

Они шли сквозь тени, сцепившись пальцами, прижимаясь плечами друг к другу.

(Чан ЯньЮань, продолжает старый спор:) – ... ты как историк должна различать художественный вымысел и выводы на основе реальных событий. Ван-гегемон Сян Юй был извергом своего века, а ты над ним плачешь.

(Бай Юйшу:) – Про императора Цинь Шихуанди* ты забыл? Бай Ци, заготовитель человечины*? Тот же Лиу Бан*[6] разве никогда не устраивал резню в завоеванном городе? ЯньЮань, если бы ты водил войска во время Сражающихся Царств*[7], ты бы тоже резал мирное население, казнил солдат сотнями тысяч, бросал людей в кипяток, хоронил живьем... такая у полководца работа. Современным людям уже не понять.

(Чан ЯньЮань, усмехается:) – Лоу-лаоши очень даже понимает... Наверно, сейчас сидит обиженный, что ему не дали меня сварить!.. Бай Цзюй, хорошо рассуждать о серийном убийце на расстоянии трех тысячелетий. Вот когда он будет резать тебе горло, ты и расскажешь, что в нашем третьем до начала летоисчисления веке все такие, работа, что подделаешь... а в общем, он милейший человек... жену любит...

(Бай Юйшу, смеется:) – ... (толкает приятеля плечом)...

(Чан ЯньЮань:) – Понимаешь, сознание другое. Причины не важны. Это сознание зверя, хищника. Он смотрит на тебя и видит кусок мяса.

(Бай Юйшу, не соглашается:) – Так что, все герои древности, которыми мы восхищаемся, про которых снимают эпопеи, четыре великих генерала*[8] – все, по-твоему, звери?

(Чан ЯньЮань:) – Конечно. Для них живые люди были расходным материалом, тысячи и сотни тысяч... Нет, пожалуйста, восхищайся – только близко не подходи. Как к тигру – смотри на него в зоопарке через решетку. Еще лучше – в кино.

(Чан ЯньЮань, качая головой:) – Страшно представить, что стало бы с Поднебесной, если бы после Шихуанди к власти пришел Сян Юй, который даже читать не умел! Твой великий герой.

(Бай Юйшу, спорит:) – Император Шихуанди умел читать, однако он приказал сжечь все книги в Поднебесной.

(Чан ЯньЮань:) – Сян Юй приказал бы сжечь всех, кто книги написал!

(Бай Юйшу:) – Шихуанди закопал их живыми!

(Чан ЯньЮань:) – Только алхимиков! И не всех, а четыреста шестьдесят человек... тех, что не смогли составить эликсир вечной жизни.

(Бай Юйшу, иронизирует:) – А, ну тогда ладно! Ха-ха-ха! Алхимиков можно... лишь бы не историков... (сердито бормочет) Подумаешь большое дело, 460 алхимиков, никто и не заметил...

(Чан ЯньЮань:) – Твой Сян Юй похоронил живыми двести тысяч циньских солдат! Ты можешь себе представить, сколько это? Население города! После того, как они сдались в плен, между прочим.

(Бай Юйшу:) – Твой Шихуанди половину Поднебесной за

ничтожные проступки сигнал строить Великую Стену и мавзолей, и они там умерли от истощения!

Бай Юйшу начала сердиться и толкаться боком.

– А твой Сян Юй сломал моему Шихуанди мавзолей и разграбил его! – сказал Чан ЯньЮань, чтобы подразнить подругу.

– Так твоему Шихуанди и надо! – заявила Бай Юйшу. – Долой класс кровопийц и эксплуататоров трудящихся!

Второй молодой господин Чан Констракшен Корпорейшн рассмеялся.

– Сян Юй был точно таким же наследственным аристократом, как Шихуанди, – справедливости ради напомнил он. – Жадным, жестоким и алчным до власти.

– Вы все такие! – надменно заявила Бай Юйшу.

Они стояли возле высоких ворот у подъема на гору.

Было уже одиннадцать часов.

– Кошмарик, поздно уже, давай, я провожу тебя до дома? – предложил Чан ЯньЮань.

– Не надо, – опустив глаза сказал Бай Юйшу. – Меня Ван Джэкунь будет встречать у метро. Я ему позвонила.

– Правда?

– Правда.

Бай Юйшу, продемонстрировала последние звонки в телефоне.

– Что ты разводишь панику? Тебе же Мао СинЮнь сказала: поймали главного маньяка и насильника. Сучжоу – ма-

ньяк-фри зон!* (maniac free zone – зона, свободная от маньяков). Можно хоть в трусах по ночам расхаживать.

"Fuck, я же Ван Джэкуню забыла позвонить, когда уходила с работы! – вспомнила она. – Заболталась с Чан ЯньЮанем! Ван Джэкунь, наверно, злится!"

Она вспомнила про новую жизнь, которая у них скоро начнется.

Все будет в порядке, она все исправит.

Ей надо больше бывать дома, они с Ван Джэкунем найдут какое-нибудь интересное занятие, чтобы проводить время вместе. Им ведь было раньше весело и хорошо вдвоем, разве нет?

Съездят куда-нибудь.

Может быть даже, будут на пару играть в его дурацкие шутеры...

У Ван Джэкуня не будет больше причин сердиться на нее и молчать, а она не будет все время чувствовать себя виноватой, как будто сделала что-то плохое.

Жалко, что Чан ЯньЮаню она не могла рассказать.

Не хотела пока рассказывать.

По какой-то причине, она вдруг почувствовала, что начинающаяся у нее новая жизнь отдаляет ее от Чан ЯньЮаня, как будто она теряет его.

Но ведь между ними ничего не изменится?

Чан ЯньЮань всегда будет рядом, не может быть, чтобы не был.

Они дружат столько лет.

Белая луна сияла так ярко, что в ее сиянии бледнели звезды.

Серебряная река* простиралась через все девять небес – так же, как в эпоху Цинь, так же, как в эпоху Хань.

Столько лет. Столько тысяч лет.

Нет пути с одного берега к тебе на другой берег.

—

* (## (инь хэ) – Серебряная река, т.е. Млечный путь)

—

На станции он отдал ей рюкзак, она вошла в вагон, стеклянные двери закрылись. Бай Юйшу на прощанье посмотрела на легкую фигуру Чан ЯньЮаня в синих джинсах и белой рубашке, оставшуюся на платформе.

Почему-то ей стало труднее дышать.

Как будто они прощаются навсегда.

Как будто завтра в перерыве они не будут есть тако и смеяться на деревянной веранде под соснами и кустами акации.

Она села на скамейку в пустом вагоне и достала телефон.

Из Сучжоу она каждый день ехала 50 километров в спальный район на окраине Шанхая, где у них с Ван Джэкунем была своя маленькая квартира в новостройке. Они очень радовались, когда смогли ее купить.

Ответили не сразу.

– А-Кунь! Я уже еду!

– Понятно.

– Ты креветки не купил?

Пауза.

– Черт, забыл. Работы много... Детка, может, ты зайдешь по дороге?

– Ладно, я зайду.

Отбой.

Ей даже знать не хотелось, работа это или "Тотал вар". Или "Озабоченные подружки хентай".

Бай Юйшу посидела немного, поджав губы, но потом лицо ее озарилось вдохновением, она открыла приложение и вошла в музейный блог под аккаунтом Чан ЯньЮаня.

– Хе-хе.

—

*[5] Пекинская опера "Прощай, моя конкурбина" – трагическая история о возвышении и смерти гегемона Сян Юя (3 в. до н.э.)

*[6] Император Шихуанди (основатель династии Цинь) (259 – 210 г. до н. э.) считается самым жестоким императором в истории Китая. Особенно знамениты совершенные по его приказанию сожжение всех книг и погребение заживо более 400 алхимиков.

* Бай Ци (3 в. до н.э.) – считается самым жестоким военачальником в истории, прозвище ## (заготовитель человечины), на его счету документально около миллиона смертей (служил при императоре Шихуанди)

* Лиу Бан (3-2 в. до н.э.) – сначала соратник, а затем –

соперник гегемона Сян Юя в борьбе за свержение династии Цинь и занятия престола. Известен коварством и подкупам. Основатель династии Хань.

*[7] период Сражающихся Царств ## (5-3 в. до н.э.) – время непрекращающихся войн между китайскими древними царствами

*[8] четыре великих генерала – самые выдающиеся полководцы, чьими победами царству Цинь удалось покорить другие древние царства Китая. В их число входил также "заготовитель человечины" Бай Ци.

ГЛАВА 5. Нападение и смерть.

Чан ЯньЮань сунул руки в карманы джинсов и втянул голову в плечи.

Он стоял на платформе под вечной Звездной рекой и смотрел вслед уходящему поезду.

Потом он повернулся и побрел обратно в парк, в свою квартиру в одном из корпусов для сотрудников.

Погруженный в мысли, он не сразу заметил подозрительную вибрацию телефона в кармане.

Он посмотрел на экран.

– На ваше сообщение ответили.

– На ваше сообщение ответили.

– На ваше сообщение ответили.

– На ваше сообщение...

– На мое сообщение... На МОЁ сообще... Что за?!.. Бай Цзюй!!! Ты не Бай Цзюй! Ты – БайВАН Цзюй!* (## бай цзюй – сто кошмаров, ### байван цзюй – миллион кошмаров)

В его блоге шло оживленное общение – он заигрывал с дюжиной новых знакомых и сообщал всем желающим интересные подробности из личной жизни.

Половина Китая уже знала, что детстве он был толстый застенчивый мальчик и что на груди под левой ключицей у него татуировка "Восточный У – живая история".

Чан ЯньЮань как раз заканчивал подробно объяснять

причины, по которым он в жару ходит дома в семейниках, и перешел к агитации за общество возрождения гаремов в Китае, в процессе учреждения которого он находится. Он скрипнул зубами, когда на экран выехал его собственный комментарий "Гарем Чан ЯньЮаня, заведи бесплатный аккаунт!" Несколько посетительниц блога спорили из-за номеров в списке.

– Я же замечательный Чан ЯньЮань, все хотят за меня замуж! – нагло сообщил он дальше.

Где-то он это недавно слышал... Или говорил?!

Где была его голова, когда он попросил Бай Юйшу ответить за него на комментарии?!

Призвать нечистого духа легко, а избавиться от него потом невозможно!* (#####)

Чан ЯньЮань отрешенно посмотрел в потолок и вспомнил, как Бай Юйшу делала за него план детского кружка.

Отдел музейной педагогики предложил сотрудникам прислать идеи, какие практические занятия из цикла "Один день в древнем Китае" можно организовать. У них уже были занятия "Маленький гончар" и "Маленький каллиграф", на которых дети лепили кривые горшки и срисовывали иероглифы древнего шрифта чжуаньшу, они пользовались очень большой популярностью. За хорошие идеи директор Лоу пообещал дать отгулы. Они с Бай Юйшу как раз собирались на выходные слетать в Чжанцзяцзе*[9], полазать по скалам, так что лишний свободный день им бы очень пригодился.

У Бай Юйшу всегда много идей, поэтому Чан ЯньЮань накормил ее тако и отправил писать проекты за них двоих. Бай Юйшу не подвела – составила планы занятий, написала занимательные исторические справки, снабдила веселыми иллюстрациями и сдала все в детский отдел. За себя – программу "Маленькая хозяйка дома", а за Чан ЯньЮаня – "Маленький евнух во дворце".

Хрен какой отгул он получил.

Держа телефон в руке, Чан ЯньЮань занес над экраном большой палец, чтобы позвонить Бай Юйшу и высказать все, что он о ней думает.

Потом он подумал, что она вот-вот доедет до своей станции, а там ее ждет Ван Джэкунь.

Ван Джэкунь его не любил.

Звонить было неудобно.

Был уже первый час ночи.

Магазины уже не работали.

В новом спальном районе на окраине Шанхая было пусто, только высокие башни со всех сторон молча светили квадратиками окон, как сложенные доски для настольной игры.

После окончания застройки осталась голая местность с болезненными саженцами, из которых когда-нибудь здесь вырастет прекрасный зеленый парк.

Брустверы земли и строительного мусора, свезенные бульдозерами, все еще высились кое-где, заросшие травой.

Зато недалеко от метро был ресторан, единственный в

округе, который работал до двух ночи.

Бай Юйшу, с кульками еды и бутылкой белого вина в целлофановой сумке, вышла из ресторана, и на минуту задержалась, обдумывая оптимальный маршрут до дома.

Если вернуться к метро и пойти по улице с тротуаром, будет дальше.

Если через пустырь за жилым массивом, будет короче.

Но там темно и страшно

Разумеется, Бай Юйшу пошла через пустырь.

Бай Юйшу сразу прокляла все на свете.

Ее красные "конверсы" попадали в какие-то бесконечные колдобины и лужи. Скоро ей начало казаться, что на сраном пустыре ночью разверзаются могилы, и костлявые пальцы из-под земли хватают ее за ноги. Над землей иногда проносился потусторонний шелест...

Тут ничего нет кроме обломков бетона! Что тут может шелестеть?!

Даже в рюкзаке что-то мерзко брэнчало, словно на спине у нее пристроился недобрый дух.

Бай Юйшу судорожно ездилла слабым лучом из телефона по неровной земле и боялась, что пятно света вот-вот выхватит из темноты мертвое лицо или руку с окровавленным топором.

Она держала курс на слабый огонек на той стороне поля, там кто-то поставил без разрешения несколько временных гаражей.

Почему он вдруг стал таким большим, этот пустырь?!

Луна светила на пустошь сквозь рваную пелену облаков. Ее свет преломлялся в тумане и образовывал над домами тусклые круги лунного цветения.

Кто сказал, что лунное гало красивое?!

Оно жуткое – когда ты одна на пустыре и покойники хватают тебя за кеды!

Фонарь над дверью гаража был уже совсем рядом.

Правая подошва провалилась в яму, проехала по скользкой грязи на дне, и Бай Юйшу полетела лицом вниз.

Она безнадежно пыталась удержать на весу сумку с жареными креветками и вином.

Она думала, сейчас врежется лицом в землю, но ее падение быстро остановилось. Она наткнулась на чью-то широкую грудь. Запах водки ударил ей в нос.

– Испугалась, маленькая? – сказал кто-то и засмеялся.

В темноте послышался еще смех, сбоку. Оттуда тоже долетел запах водки.

Кто-то обнял ее и прижал к теплому животу.

– Что ж ты одна ходишь, – сказал он и снова засмеялся.

Обнявшие ее руки помяли ей спину и сползли ниже. Она чувствовала, как они надавливают и прижимают ее тело к тому месту, где у мужчины ширинка.

Бай Юйшу забилась и начала вырываться. Руки у нее все еще были заняты сумкой и телефоном.

– Тихо, тихо, – уговаривал ее мужчина. – Тихо... не де-

рись...

Он толкнул ее спиной на металлическую стену гаража.

– Тише вы! – сказали сбоку.

Как будто донесся разговор шепотом. Похоже, там в темноте был еще не один человек.

От удара спиной об гараж ручки у сумки лопнули, и все вывалилось на землю. Слушая чавканье креветок под ногами, Бай Юйшу вдруг поняла – то, что происходит – не остановится и не превратится в шутку. Только теперь она это поняла.

Отвращение от близости пьяного подонка вдруг стало страхом – какого она никогда в жизни не знала.

Она отталкивала от себя лицо мужчины, а он больше не смеялся и шарил по ней руками, и прижимал бедрами, так что его напряженный член надавливал на нее сквозь брюки.

– Что ты возишься? – спросил хриплый нетрезвый голос сбоку.

Мужчина, прижимавший ее, не ответил, только шумно дышал. Он поднял руку, чтобы взять ее за локоть, и в этот момент она лягнула его. Она не смогла ударить его между ног, но он инстинктивно отстранился, и ей удалось вывернуться.

Она бросилась от него, но он, видимо, знал какие-то приемы борьбы, потому что быстро и технично сделал ей сзади подножку. Бай Юйшу рухнула на живот. Мужчина поймал ее за рюкзак, но молния лопнула и из рюкзака на землю начали

вываливаться ее пожитки.

Чан ЯньЮань сел на кухне, положил перед собой телефон и поболтал ложкой в стакане с чаем. Бай Юйшу наконец прекратила хулиганить у него в блоге, но сообщения от пользователей все еще продолжали появляться.

На экране светилось время – 01:12.

Звонить точно было уже поздно.

Он повозил пальцем по экрану.

Он нечаянно нажал на контакт.

Она еще пыталась уползти, но мужчина придавил ее сверху, терся об нее членом и подсунул под нее руки, пытаясь расстегнуть джинсы.

– Блядь, Лю Цзяцзин, ты долго еще?

Кто-то схватил Бай Юйшу за лодыжки и начал разводить ей ноги в стороны.

Она поняла, что она не сможет справиться с ними.

Четыре мужских руки стаскивали с нее джинсы, чужие руки мяли ей ляжки и забирались в трусы.

– Помо!.. – закричала она.

Она только что сообразила, что можно кричать.

– Блядь!

Ее с силой толкнули в затылок, и она ткнулась лицом в грязь, оцарапав висок о кусок бетона.

Она еще пыталась приподняться и крикнуть.

– Помогите, – прохрипела она со ртом, полным земли.

В этот момент зазвонил телефон.

Она все это время сжимала его в руке.

(Испуганный голос:) – Вы что, блядь, совсем ох@ели?!

Выключите на х@й! Выключите на х@й!

В темноте у нее рвали из руки телефон, а она судорожно пыталась нажать на кнопку ответа. Наконец, телефон отняли и послышался удар о металлическую стену гаража и треск ломающегося пластика.

(Испуганный голос:) – Вы ох@ели? Ну вас на х@й!

(Бай Юйшу, пытается кричать:) – Помогите!..

(Другой голос:) – Заткни ее, блядь!

От второго удара в затылок ее лоб врезался в кусок бетона, один из многих, валявшихся вокруг.

Кость с хрустом проломилась.

– Ты что?! Ты что, блядь?! Лю Цзяцзин, ты что?!

– ...

– Ты что...

– Заткнись!

– Не трогай ничего, блядь!

Чан ЯньЮань поспешно нажал на "Отбой" и только потом сообразил, что на том конце кто-то незнакомый хрипло кричал дрожащим голосом "Выключите на х@й!" Голос был полон паники, и паника проникла в сердце Чан ЯньЮаня. Еще страшнее было от того, что кричали приглушенно, как будто боялись привлечь внимание, как будто творилось что-то позорное.

Побледнев, он нажал на контакт Бай Юйшу, но теперь ее

телефон был не в сети.

Чан ЯньЮань секунду без выражения смотрел на экран, а потом набрал номер, по которому не звонил три года.

Никто не ответил.

Он позвонил еще раз.

Соединилось.

Молчание.

– Ван Джэкунь...

Молчание.

– Что тебе нужно?

– Ван Джэкунь, Бай Юйшу дома?

Смешок в трубке.

– Ты сам не знаешь?

– Ты встретил ее у метро?

– Иди ты, знаешь куда.

Отбой.

Снова звонок.

– Что?! Что тебе, твою мать, от меня нужно?!

– Ван Джэкунь, я проводил Бай Юйшу до метро два часа назад. Она сказала, ты ее будешь встречать.

Пауза.

– Ну?

– С ее телефона только что был отрывок разговора мужским голосом... кричали матом... и связь прервалась.

– ... Что ты сказал?!

Из разорванного рюкзака высовывался сложенный попо-

лам листок, ветер трепал его, пока он не выпал наружу. Тогда ветер развернул его и протащил по земле несколько шагов. Листок остался лежать, прилипнув к грязи, – серый снимок крошечного круглого существа, напечатанный на бланке с логотипом "Здравствуй, мама!"

---

*[9] Чжанцзяцзе ### – природный заповедник в Китае, знаменитый красивыми скалами необычайной формы. Вдохновил создателей блокбастера "Аватар".

Группа ВК "Хатка Бобра (aka Kuchka Kiwi)" <https://vk.com/hatkabobra>

ГЛАВА 6. Ритуальное совокупление

Бай Юйшу не могла дышать.

Она инстинктивно выгнулась и схватила ртом воздух.

Большая рука, державшая ее за горло, ослабила хватку, но все тело было прижато к земле, как будто скала придавила.

Очень медленно красная пелена перед глазами отделилась и превратилась в прозрачный занавес над кроватью.

Занавес качался в такт движениям на кровати.

Бай Юйшу обнаружила, что, с задранными юбками, лежит под мужчиной. Та часть его тела, о которой неприлично говорить вслух, находилась у нее внутри!

Голова ее была полна тумана, сквозь который очень медленно начинало брезжить сознание.

Она чувствовала свое тело, чувствовала, как мужчина толкает ее и впихивает в нее свой большой член, но это все почему-то не очень ее волновало.

Страха не было.

Желания бороться не было.

Было только ощущение полной нереальности.

Было такое ощущение, словно она попала в одно из древних ритуальных совокуплений, во время которых пьяный шаман, призвав дух бога-покровителя, совершает с ним или с ней воображаемое соитие.

"...Мой господин сходит с небес в своем величии,

Стремительно пролетает он среди облаков...

Я приправила мясо душистыми кореньями,

Я налила вино из корицы и добавила перца...

Нравлюсь ли я тебе своим видом?

Приятно ли тебе мое обхождение?...

Пять нот звучат в гармонии..." *[10]

Только, твою мать, почему так больно?!

Откуда-то действительно доносилась музыка, как будто играли флейты и барабаны...

Мужчина закончил свое дело и молча приподнялся, облокотившись на руку.

Над ней нависло уродливое широкое лицо с жуткой бородой и маленькими, медвежьими глазами, один из которых смотрел ей в лицо, а второй – в сторону.

Бай Юйшу молча встретила его взгляд.

Он встал, привел в порядок штаны... Юбку! Он был не в штанах, а в длинной юбке, передняя половина которой, как фартук свисала спереди!

Он равнодушно посмотрел на нее полуприкрытыми глазами и опустил взгляд. Потом он нагнулся, протянул руку, и похлопал ее по щеке.

Кивнув на прощание, он вышел из комнаты.

С той стороны двери раздались приветственные мужские голоса и смех.

Растерзанная Бай Юйшу осталась лежать на кровати под красным пологом.

Какой-то бред.

Занавес над ней был соткан из нитей разной толщины с просветами между ними... шелк ша?! Настоящий?!

Далекie голоса звучали непривычно, отдельные слова, долетавшие до ее ушей, были как будто китайскими, и в то же время она не могла их разобрать.

С первой секунды она знала, что это не ее мир.

Ее органы чувств, каждый рецептор на коже, в сетчатке глаза, в ушных раковинах, каждая клетка памяти говорили ей, что все ощущения неправильные. Каждая молекула здесь была чужая.

Даже здешний воздух как будто легче проникал в легкие, и в то же время он был наполнен запахами, для некоторых из которых у Бай Юйшу не нашлось бы названия.

Бай Юйшу повернула голову.

Кровать была отгорожена ширмой из ярких алых лакированных панелей с черными орнаментами.

Роспись киноварью?

Ну, конечно! Они с же Чан ЯньЮанем спорили про царство Чу и древний Китай как раз перед...

Бай Юйшу зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать. Ее глаза были полны ужаса.

Она вспомнила.

И тут волна эмоций накрыла ее: и страх, и боль, и омерзение, и бесполезные сожаления, и отчаяние, и гнев, и злость на саму себя, и тоска по любимым людям, которых она боль-

ше не увидит. Воспоминания были в сто раз живее и ужаснее, чем то, что происходило с ней сейчас.

Она поняла, что это за мир, в котором она находится, — это галлюцинации ее гаснущего сознания.

Те несколько секунд, когда чувства уже отказали, и свет внутри постепенно меркнет.

Несколько секунд, до темноты.

Небытия.

Холодная темная вода поднималась вокруг нее, затопляла душу печалью и бесполезными сожалениями...

Мама, папа... простите меня.

Чан ЯньЮань, прости...

Она закрыла глаза и на прощание представила себе их любимые лица.

Маму... папу... Чан ЯньЮаня... Ван Джэкуня тоже... директора Лоу... Мао СинЮнь... преподавателя по истории китайской иероглифики с 4 курса... тетку-билетершу, которая иногда делала ей замечание, что кеды с короткой юбкой носить — это неженственно...

Гаснущее сознание не торопилось гаснуть.

А еще у нее болело в животе и саднило горло.

Она приподнялась на постели.

На маленьком столике стоял селадоновый*[11] кувшин с водой.

Бай Юйшу преисполнилась уважения к своему сознанию, которое, даже умирая, с такой профессиональной точностью

воспроизводило аутентичную, художественную, выдержанную в духе времени обстановку: селадоновая посуда, резная мебель из самшита, шелковые ткани с геометрической каймой, деревянные хранители с ветвистыми рогами по углам... а! С такими выразительными надменными мордами! Повсюду – лакировка и бронза, украшенная филигранью.

Спальня тонула во всевозможных оттенках красного и малинового цветов.

Судя по обилию красного, воображение занесло ее в древнее царство Чу – без сомнения, в период Воюющих Царств.

Бай Юйшу приняла сидячее положение... ох! Движение отозвалось тупой болью внутри.

Что там творится, в этом ее сознании, если последние минуты жизни она провела, фантазируя, как ее насилует медведь?!

Бай Юйшу протянула руку, чтобы подобрать подол у юбки.

Рука была не ее.

Вместо крепкой загорелой ладони, с мозолями от карандаша и альпинистской веревки, перед глазами маячила белая, мягкая кисть с гладкой кожей, словно изваянная из снежного нефрита. Бай Юйшу сокрушенно покачала головой. Но не все ли теперь равно?

Она подняла подол красного платья.

Я была девственница?! ...?!

Что это вообще за игры разума?!

В детстве она читала очень трогательную сказку Ганса Христиана Андерсена. В ней говорилось, как за душой умирающего ребенка прилетел небесный ангел и потом носил его над землей в своих объятьях, и показывал ему самые дорогие места, чтобы он с ними попрощался и поплакал светлыми слезами. Еще они взяли на небо бедный засохший цветок, и бог прижал его к своему сердцу, поцеловал, и цветок расцвел, засиял, начал петь и славить господу.

Почему у других все красиво, а она сидит в растрепанных юбках на постели, вся грязная, с натертыми интимными местами?!

И с какой-то хренью, которая впивается ей в задницу?

Бай Юйшу сунула руку и вытащила из-под себя крупный красный финик, высохший и твердый.

Она подозрительно поводила глазами.

На полу валялись еще несколько фиников и были раскиданы семена лотоса.*[12]

Она недоверчиво потрогала пунцовый шелк своего платья, украшенный богатой вышивкой.

Это...

Это ее свадьба?!

Какого черта вместо того, чтобы тихо испустить дух, она вышла замуж за непоймикого в потустороннем мире?!

Она вспомнила жениха.

Она содрогнулась.

Она, наверно, уже в аду.

Но если она в аду, какой тогда смысл был украшать ее комнату всеми этими замечательными артефактами? В аду она должна страдать, а не любоваться искусством династии Чжоу, разве нет?

На расписных панно и планках повсюду были характерные обрамления со звериными мотивами: драконы и леопарды держали во рту собственные хвосты или сплетались парами в жестокой борьбе. Подставки светильников были оплетены змеями, что лишний раз свидетельствовало о том, что она находится в царстве Чу. Все убранство испускало ощущение силы и воинственности.

На покрытой алой киноварью спинке кровати были изображены два развесистых дерева со склоненными ветвями. На ветвях висели колючие фантастические плоды. Между деревьями стоял охотник с поднятым луком и отведенной назад рукой, как будто он только что спустил тетиву. С вершины дерева, головой вниз, падала подстреленная птица с растопыренными лапами.

Глаза Бай Юйшу заблестели, она же знала этот сюжет! Она принялась считать колючие плоды.

Раз, два, три, четыре... Конечно, десять!

В те времена, когда на Великом Шелковичном Дереве, поддерживающем небо в Бескрайних Пустошах на востоке, росли десять солнц, которые беспрестанно светили над миром, люди погибали от засухи, голода и жажды. Солнца рождались из крика трехногого ворона У и висели на ветвях,

пока не приходила очередь выходить на небо. Жэнь И* (# #), Герой-лучник, застрелил ворона и своими волшебными стрелами сбил на землю девять лишних солнц. Он спас всех людей и стал легендарным правителем.

Бай Юйшу на четвереньках переползла по кровати поближе, чтобы рассмотреть роспись.

Дверь без предупреждения открылась.

Заняв весь дверной проем, огромный мужчина, молча смотрел на нее. Тот самый, за которого она, кажется, вышла замуж полчаса назад.

Стоя на четвереньках, Бай Юйшу смотрела на него.

– Ты что делаешь? – спросил он низким голосом, подозрительно сузив глаза, как будто не очень им верил.

– Роспись очень красивая, – честно ответила Бай Юйшу. – Я хотела посмотреть.

Он мерил ее тяжелым взглядом.

Он немного пошатнулся, шумно выдохнув некоторое количество алкогольных паров.

И захлопнул дверь.

Ушел.

(Бай Юйшу:) – ???

Она испытывала смесь облегчения и тревоги: а вдруг он разозлился и сейчас вернется, чтобы до конца задушить ее?

С другой стороны, как он может ее задушить в этом нереальном мире?

Однако, в этом нереальном мире ей было очень даже ре-

ально больно сразу в нескольких местах!

Она уселась на кровати, обеими руками ухватившись за деревянный резной столб с обвивавшей его толстой змеей. Она сидела, прижавшись виском к столбу и прислушиваясь к затихавшему шуму голосов и музыке где-то в других комнатах.

Очень скоро она обнаружила, что она к о всему прочему хочет есть! Она была жутко голодная!

Кажется там где-то пировали.

Потом голосов больше не было слышно – может, все уже разошлись? Может, где-нибудь на столе осталось что-нибудь, что она может украсть и съесть?

Бай Юйшу подняла голову от резной змеи.

Бай Юйшу на цыпочках подкралась к двери.

Она тихонько приоткрыла ее.

Она выглянула в коридор.

В коридоре стоял какой-то верзила с небритой рожей, который, сразу побежал на нее.

Бац!

Бай Юйшу спряталась в комнату и захлопнула дверь.

Fuck!

Значит, в коридоре засада.

Несчастливая Бай Юйшу погрызла фиников, которые подобрала с пола, и запила водой из кувшина.

Усталая и голодная, она снова обняла свой прикроватный столбик и прильнула к нему головой. Она подумала, что ни-

когда не увидит больше маму, папу, Чан ЯньЮаня, никого.

Ей было жалко их, ей было жалко себя.

Печаль и бесполезные сожаления...

Слезы полились из глаз.

Она закрыла глаза, и ее сознание наконец угасло.

—

*[10] Строки из "Девяти песней" ## (ритуальные песнопения китайского царства Чу, призывающие духа-покровителя, записанные в 4 в. до н.э.)

*[11] селадон – зеленоватая керамика, часто покрытая сетью декоративных трещин. Техника появилась в Китае в эпоху Шан (2 тыс. до н.э.)

*[12] Кровать новобрачных усыпают красными финиками, семенами лотоса, арахисом и луньянем.

—

ГЛАВА 7. Госпожа, вы не хотите рассердить господина!

Она проснулась от осторожного, но настойчивого стука в дверь.

– Госпожа! Госпожа! Госпожа! – звали с той стороны.

Бай Юйшу открыла глаза.

Она лежала на боку, ноги свисали с кровати. Над головой висел малиновый полупрозрачный занавес из шелка ша. На столе давно догорел светильник со змеей, обвившей подставку.

Твою мать, теперь вспомнила! Я же умерла!

– Госпожа! Госпожа!

Или не умерла?

Я как-то по другому себе это представляла...

– Госпожа! Госпожа! – голос звучал почтительно, в нем слышались нотки мольбы. Видимо тот, кто звал, был на грани отчаяния.

Бай Юйшу, протирая глаза, протопала к дверям и открыла створку.

На пороге стоял тот тип с бандитской рожей, который раньше чуть не набросился на нее в коридоре.

Черт, попалась, как простушка!

Бац!

Дверь захлопнулась.

(Бандит за дверью:) – Э?..

Пауза.

(Бандит за дверью, с мольбой в голосе:) – Госпожа! Госпожа!

Врешь, не обманешь.

– Госпожа, я вам умыться принес!

Дверь открылась.

В руках у небритого типа действительно была большая кадушка с водой.

– Госпожа, меня зовут Хань Синь, – сказал он пропитым голосом, ставя кадушку на стол. – Господин прислал меня пока служить вам.

Освободив руки, он накрыл кулак ладонью и поклонился.

На бедре у Хань Синя висел меч, он был одет в рубаху шань навывпуск, некрашенные штаны, замотанные веревками до колен, и тапочки. Не было похоже, чтобы прислуживать в доме – привычное для него занятие.

– Госпожа, я никак не мог вас разбудить! Господин велел вам приготовиться для родительского визита. Скорее собирайтесь.

– Хань Синь, – доверительно сказала ему Бай Юйшу. – Поди сюда.

Небритый Хань Синь сделал полшага, но ближе подходить отказывался.

Бай Юйшу шагнула к нему.

Хань Синь отпрыгнул.

Бай Юйшу – к нему.

Хань Синь – от нее.

Ты магнит с одноименным полюсом что ли?!

Ты же бандит, ты нападать должен, что ты бегаешь от меня?!

– Хань Синь, – тихо спросила Бай Юйшу. – У тебя поесть что-нибудь найдется?

– Госпожа! – ужаснулся Хань Синь. – Вы сутки почти не ели! Почему вы не позвали меня?

Хань Синь! Ты свою рожу в зеркале видел?! Я тебе чуть все ценности из комнаты не выкинула, лишь бы живой остаться!

– Госпожа, вы скорее собирайтесь, потом поедите. Вы не хотите рассердить господина, – убежденно сказала Хань Синь.

Она не хотела рассердить господина, это точно.

Но соблазн помыться был слишком велик.

Прежде всего, она нашла полотенце, намочила его в кадшке и обтерлась с ног до головы.

Ее тело было белое, плавных очертаний, очень нежное на вид, с полноватыми бедрами. Казалось, что в этом теле совсем не было мускулов, сплошная мягкость.

"Я что, подсознательно, мечтала быть более женственной? – хмуро подумала Бай Юйшу. – Какая-то фигурка из сахарной ваты."

Она с ностальгией вспомнила свои тренированные стройные ноги. И любимые джинсовые шорты. Зато грудь стала больше и круглее, хоть какое-то утешение.

"Сколько мне лет? – подумала еще Бай Юйшу. – Я выгляжу, как старшекласница."

Она поглядела в большое медное зеркало и убедилась, что лицо, по крайней мере, не сильно изменилось – такое же широковатое, с круглыми глазами и плоским носом. Красавицей она не стала.

В лакированных сундуках, стоявших вдоль стены, она нашла одежду, шкатулки с украшениями и мешочки ароматных трав. Видимо, это были ее вещи, с которыми ее привезли в дом к новому мужу. Судя по богатым платьям и украшениям в сундуках, она была из знатной семьи.

Понятно, что в свадебном платье к родителям идти нельзя.

Бай Юйшу нашла пару нижних одежд из легкого шелка и схватила первое попавшееся платье. Развернув платье, она с ужасом бросила его обратно. Это было типичное цюйцзю, допотопное пао с загнутым краем, полой которого надо было обматываться, как смирительной рубашкой в дурдоме. Переворошив вещи и раскидав их из сундуков, Бай Юйшу обнаружила, что все верхние платья у нее такого же фасона.

Черт! Я понятия не имею, как это на себя надевать!

И что делать с этими волосами?!

Она всегда носила короткое каре и даже не представляла,

как обходиться с волосами, которые висят ниже пояса! Если только повесить их на лицо, как в хорроре "Звонок", выставить вперед руки, распугать всех в коридоре и пойти добыть чего-нибудь поесть...

Она торопливо открыла несколько шкапулок. Шпильки, заколки, гребешки, подвески, нитки с бусинами – куда это все втыкать?!.. О, вот это я знаю. Ленточка.

Бай Юйшу завязала себе на макушке конский хвост, но оказалось, что хвост из длинных волос завязать совсем не просто. Все ее сооружение развалилось, как только Бай Юйшу отняла руки.

Тогда Бай Юйшу наклонилась вперед и свесила вниз всю шевелюру. Ого, так гораздо удобнее. .. тэкс... затягиваем... блеск!

Хвост, ты почему на лбу?! Я тебе что, самка единорога?!

После нескольких попыток Бай Юйшу наконец затянула на голове более-менее устойчивый хвост, оставалось только скрутить его и сделать пучок... шпилек в него насовать что ли...

Готовое сооружение было похоже на противотанковый еж времен Второй Мировой войны, но трогать его Бай Юйшу боялась. Лучшее – враг... того, что хоть как-то держится.

Стараясь не шевелить головой, она присела и подобрала из сундука одно из пао*[13]. Она попробовала завернуть полу вокруг себя, но получалось все время криво.

Идея!

Бай Юйшу привязала конец пояса к кровати столбику и отошла, чтобы ткань расправилась.

Я гений.

Медленно вращаясь, она начала заворачивать себя в платье... в это жуткое бесконечное платье...

– Бай-цзи! *[14] – низкий голос, от которого ее парализовало на месте.

Черт, черт, черт! Не развязывается!

– Бай-цзи, я вхожу.

Немая сцена.

Бай Юйшу начала торопливо кланяться. Пояс натянулся и кровать поползла к ней.

Я даже не знаю, как к нему обращаться!

Гунцзы?*[15] Но если он простого происхождения, это будет звучать как издевательство!

Дажэнь?*[16] Слишком казенно и подобострастно.

– Это... Слушаю и повинуюсь, – сказала она, как джинн из "Тысячи и одной ночи".

Полуприкрытые глаза мужчины начали медленно открываться...

– То есть... Почтительно вижу... *[17] – торопливо забормотала Бай Юйшу.

Дальше надо было сказать имя. Она не знала имени!

...и слышу! – мысленно прощаясь с жизнью, закончила она.

– Бай Юй, зачем ты привязала себя к кровати? – спросил

он, глядя на нее холодным немигающим взглядом.

– Да вот... одеваюсь... – промямлила Бай Юйшу.

Он подошел ближе.

Большая рука протянулась к ней.

Могильный холод пробрал Бай Юйшу до самых пяток.

Большая рука миновала ее беззащитную шею и опустилась на шнур, который соединял ее и кроватиный столб.

Бай Юйшу лишилась дара речи от изумления.

Может ли быть, что этот орангутанг поможет ей?

Он, что, умеет не только душить и насиловать?

Мужчина, не отрывая взгляда от Бай Юйшу, взялся пальцами за пояс. Легкое движение – и крученая шелковая веревка порвалась легче травинки. Он разжал пальцы, концы обрывков бывшего пояса печально опали, как мертвые листья в октябре.

– Бай-цзи, я тебя жду, – негромко сказал он.

Его негромкий голос пробудил в сознании Бай Юйшу древний инстинкт, говоривший ей, что вслед за тихим ворчанием из глубины зарослей может последовать дикий рев, прыжок и отрывание разных частей от туловища.

Она несмело перевела глаза с руки, порвавшей ей платье, на лицо мужчины.

Лицо ничего не выражало.

Только жилка на виске дернулась.

Он повернулся и молча вышел.

Твою мать, твою мать! Я точно не хочу сердить господина!

Бай Юйшу, не глядя, схватила другое пао, замоталась в него, как могла – криво, косо, а, плевать! – и побежала к двери мелкой старушечьей рысцой, потому что накрутила платье так туго, что еле двигала ногами.

Блин, забыла!

Она побежала назад к сундукам.

Она схватила шкатулку с амулетами – и застыла с расширившимися глазами.

Она увидела диск би*[18] из жемчужного нефрита. Один раз в жизни она видела талисман из такого материала – за два дня до смерти. Розоватый нефрит переливался, как перламутр...

Не сейчас!

Она подвесила нефрит себе на пояс и опять побежала к дверям.

Черт! Она же в одних носках!

Бай Юйшу побежала назад и пошарила ступней под кроватью.

На свет появилась пара красивых вышитых туфелек со здоровенными декоративными лепестками на мысках. Сесяо* (##, обувь с загнутыми вверх мысками), только вас сейчас не хватало!

Она влезла в туфли и торопливо зашаркала по полу обратно к выходу из комнаты.

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной,

Селезень с уткой слетелись на остров речной...

Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой. *[19]
В новом наряде и юной своей красоте Бай Юйшу явилась
супругу.

---

*[13] # пао – любое длинное сплошное одеяние (платье, халат), в противоположность комплекту юбка + рубашка

*[14] # цзи – супруга, конкубина (наложница)

*[15] ## гунцзы (букв. благородный сын) – обращение к мужчине благородного происхождения, также почтительное обращение к мужу в эпоху Воюющих Царств

*[16] ## дажэнь (букв. большой человек) – господин, почтительное обращение, также почтительное обращение в мужу, особенно, если он старше или супруга занимает низкое положение в гареме

*[17] ## байцзен (букв "Почтительно вижу...") – формула приветствия

*[18] ## юй би – нефритовое кольцо, украшение, имевшее сакральное значение, которое люди знатного происхождения использовали как подвеску на поясе

*[19] "Ши цзин" ## – "Книга песен и гимнов" (11-6 в. до н.э.)

Утка и селезень – эмблемы супружеской жизни.

ГЛАВА 8. Бай Юй, зови меня дядей

В новом наряде Бай Юйшу явилась своему супругу.

Плоское лицо супруга осталось неподвижным. Он только закрыл глаза на несколько секунд, как будто надеялся, что то, что ему явилось, исчезнет само собой.

Потом он большими шагами отправился прочь.

Бай Юйшу, спеленатая, как мумия, еле поспевала за ним, стараясь при этом повыше поднимать свои красивые сесяю, чтобы не грохнуться носом об землю.

Хмурое утреннее солнце неохотно освещало лысый вытоптаный двор.

Усадьба больше напоминала казармы, чем жилище людей.

Из-за ограды доносились мужские голоса и звон железа.

Они вышли в другой двор – и там было дюжины две или три мужчин, занятых разговорами или какими-то делами, в подвязанных бечевками штанах и рубахах, все с мечами.

Бай Юйшу, которая больше заботилась о том, чтобы не упасть в своих вышитых туфлях, тем не менее, уловила общую атмосферу. Разбойничий притон. Кто бы удивлялся.

Ленивые, уверенные позы, грубые голоса, кривые усмешки, многозначительные кивки, прищуренные недобрые глаза – она вся внутренне сжалась, как будто ей надо было идти сквозь стаю одичалых собак. Разговоры затихли. Бай Юйшу почувствовала, что оказалась в центре общего внимания.

Она почти не дышала и боялась, что они почуют ее страх и набросятся на нее.

Она осторожно скосила глаза на мужчин.

Все как один стояли в поклоне, сложив руки перед грудью. Слышно было только, как они бормочут "Господин, госпожа."

Господин равнодушно прошел через двор к флигелю, над которым поднималось утреннее солнце. Он на ходу махнул рукой и что-то сказал подбежавшему мужчине. Мужчина поклонился и убежал выполнять приказание.

Даже не обернувшись на Бай Юйшу, бородач открыл дверь и вошел в дом.

В просторной комнате у окна сидел человек.

Он тоже был бородатым, но борода у него была небольшая, аккуратная, оставлявшая открытым большую часть твердого подбородка. Когда он повернул к ним голову, уголки его широких губ поднялись.

– Шу-фу, – с поклоном коротко сказал вошедший мужчина.

—

* ## шу-фу – младший брат отца (букв. сказано уважительно "дядя – отец")

—

Человек улыбнулся и наклонил голову.

Его лицо было таким же широким и плоским, как у племянника, с небольшими широко расставленными глазами,

но в отличие от бесстрастных, прикрытых веками глаз племянника, его глаза смотрели открыто и в углах залегли добрые морщинки. При этом он совсем не выглядел старым – больше тридцати, но точно меньше сорока.

Он молча смотрел на них и улыбался. При взгляде на Бай Юйшу, на лице его промелькнуло удивление, но он ничего не сказал.

Супруг и повелитель Бай Юйшу неторопливо приподнял верхний чан* (# – мужская юбка) и опустился перед дядей на колени.

Замотанная в цюйцзю пао Бай Юйшу, у которой ноги были практически привязаны одна к другой, жалобно посмотрела на мужчин.

Супруг искоса кинул на нее тяжелый взгляд, не поворачивая головы.

Бай Юйшу помолилась духам предков и тоже встала на колени рядом с мужем.

Когда она, наконец, коснулась пола, не завалившись при этом на бок, торжеству в ее душе не было предела – не меньше, чем у первого человека, высадившегося на Луну!

Старший мужчина жестом показал, чтобы они встали и произнес:

– Мы же одна семья... Бай Юй, зови меня дядей.

Мохнатое чудовище рядом с Бай Юйшу поднялось на ноги и пересело за столик, у которого сидел дядя.

Вы что издеваетесь?!

Я только что села!

И я понятия не имею, как теперь встать!

Очевидный вариант упереться руками в пол и сначала встать на четвереньки вряд ли был бы встречен с пониманием.

Супруг и повелитель с отвращением отвернулся от нее.

– Она хорошая девочка, – добродушно сказал дядя. – Сяо* Цзи, не обижай ее.

—

* # сяо – маленький, родственное обращение к младшим
Сяо Цзи – малыш Цзи

—

Немного посидели в тишине.

Бай Юйшу надеялась, что они займутся своими разговорами и забудут про нее, но все молчали.

Подняв глаза, Бай Юйшу обнаружила что оба мужчины выжидательно смотрят на нее.

– Она растерялась, – наконец, сказал дядя, словно извиняясь. – Ей столько пришлось вынести.

Дядя! Ты один меня понимаешь! Сколько мне пришлось вынести, не передать словами! И еще он мне платье порвал!

Старший мужчина ободряюще улыбнулся ей. Его карие глаза прищурились, и из углов побежали еще морщинки, как будто глаза лучились приветливым светом.

Бай Юйшу почувствовала, что сейчас расплачется. После общения с Сяо Цзи, который в любой момент мог размазать

ее по стенке, малая толика человеческого сочувствия расстрогала ее до глубины души.

Она опустила взгляд, чтобы скрыть выступившие слезы, и посмотрела на стол.

Лакированные чашки с ободками, разогретая медная жаровня и ковшик с ручкой, на блюде – сладости и пирожки с золотистой корочкой, рядом – сушеные фрукты, покрытые медом...

Первая мысль у нее была – черт, как есть хочется!

Вторая мысль у нее была – вот оно что! Я должна налить родственникам чай!

Вот почему мужчины сидели и ждали.

Она должна налить чаю родителям и мужу – это знак ее дочерней почтительности и готовности служить супругу.

Она несмело подняла руку.

Рука не доставала до стола.

Бай Юйшу опустила руку и тяжело вздохнула.

Ее супруг, как обычно, смотрел на нее ненавидящим неподвижным взглядом, безмолвно и безнадежно.

Его дядя немного поднял брови, не очень понимая, что происходит.

Бай Юйшу прикинула на глаз расстояние и начала медленно подползать на коленях к чайному прибору, одна коленка за другой, насколько позволяло стягивающее ее пао.

Все шло хорошо.

Две минуты, полет нормальный.

Почти уже там.

Она только не учла, что ненавистное пао, подол которого был подогнут под колени, натягивалось все больше по мере ее продвижения.

Когда она была уже в миллиметре от цели, ее правое колено двинулось вперед, в то время, как натянутый подол был зажат под левым коленом. Бай Юйшу качнулась, потеряла равновесие и, как неваляшка, нырнула головой в стол, прямо в раскаленную жаровню, сквозь ажурные стенки которой были видны горящие угли.

Ветер, поднятый широкими рукавами Бай Юйшу, когда она, в последней безнадежной попытке удержаться, всплеснула руками, раздул угли, и пламя, дремавшее в жаровне, взметнулось сквозь прорези, как будто морды бронзовых ягуаров вспыхнули хищным огнем.

Бай Юйшу успела вплотную посмотреть в их оранжевые горящие глаза.

Твердая рука поймала ее в последний момент.

Она вцепилась в нее, как в свою последнюю надежду в этом мире.

Леопарды разочарованно зашипели. Пламя опало.

– Бай Юй, – сказали ей тихо.

Бай Юйшу подняла голову.

Шу-фу сидел неподвижно, напряженно опустив взгляд. Одной рукой он держал ее, другая инстинктивно приподнялась и сжалась в кулак. На скулах у него выступили красные

пятна. Может быть, он сильно обжегся?

Племянник сидел как ни в чем ни бывало, с неподвижным лицом.

– Бай Юй, отпусти меня, – тихо сказал дядя, все так же не поднимая глаз.

"Не отпущу!" – подумала Бай Юйшу, хватаясь еще крепче.

Сраная печка была только одним звеном в длинной цепи опасностей и разочарований, преследовавших ее.

Такая большая, надежная рука!

Она не хотела ее отпускать!

– Бай Юй...

Старший мужчина беспомощно посмотрел на племянника. Тот ответил холодным презрительным взглядом.

Что происходит?

У шу-фу как будто виноватый вид.

Твою мать! Я же держу мужчину за голую руку! На глазах у мужа!

Какой позор.

Она, конечно, читала древние тексты, в том числе "Ли цзи", "Книгу обрядов". *[20]

Это же Воюющие Царства! Свободы общения между полами – ноль! Особенно после распространения конфуцианства.

Мужчина не подает руки женщине. Тем более – замужней!

Замужняя женщина даже с собственными родственниками мужского пола не может сидеть на одной циновке, ни с братом, ни с отцом. С мужчинами в семье мужа она вообще не должна общаться без необходимости, не то что хватать их за голые места!

И в первую очередь, в "Ли Цзи" отдельно сказано, следует держаться подальше от младшего брата отца супруга! Которого она уже общупала везде, где только дотянулась, от подмышки до ладони!

Все эти мысли пробежали в голове Бай Юйшу, пока она в панике распрямлялась, напоследок торопливо оттолкнувшись от дядиной руки.

Широкие рукава снова взметнулись,

Пирожки и фрукты полетели в дядю, ковшик с кипятком – в племянника.

После шума и мельтешения в комнате наступила тишина. Только капала вода: кап... кап... кап...

Шу-фу неторопливо отлеплял от рубашки медовые персики и клал их в тарелку.

В его взгляде на младшего мужчину промелькнуло сочувствие.

Бай Юйшу с тихим ужасом посмотрела на мужа.

Он улыбался!

Ее ужас возрос с десять раз.

Это не был обман зрения – его губы растягивались шире и шире!

Из-за растянутых губ послышался скрип зубов.

Равнодушные полуприкрытые глаза стали круглыми, обрели выразительность и почти вылезли из орбит.

Над его коленями поднимался густой пар – это испарялся кипяток.

Он с трудом перевел дыхание, наклонил голову и потер лоб сжатым кулаком. Другой кулак он стиснул на рукоятке меча.

– Она немного растерялась, – не очень уверенно сказал дядя.

Посмотри на себя! У тебя ожог на руке от локтя до кисти, а у меня ошпарены обе ноги! Если она еще немного растеряется, здесь камня на камне не останется! Или она или мы!

Бай Юйшу, конечно не могла услышать внутренний монолог мужа, но общий смысл витал, так сказать, в воздухе. Что ей оставалось делать, кроме того, что сделала бы любая нормальная древнекитайская жена, облившая мужа кипятком?

– Дажэнь! Господин! Простите меня! Простите свою служанку!.. Бум! (удар лбом об пол)

Некоторые люди жалуются, что всю жизнь не могут найти дорогу к своим корням. Просто удивительно, как быстро иногда совершается возвращение к ним на три тысячи лет назад и как легко они находятся. Как будто и не терялись.

Шпильки с жалобным звоном вываливались из растрепанной прически.

Шу-фу сказал с некоторой неловкостью:

– Ладно, ладно, девочка, не надо так... Сяо Цзи, успокой ее.

Бородатый племянник упрямо молчал, только глаза от злости начали косить еще больше.

– Не бойся, ты теперь в нашей семье. Больше тебе ничего не грозит, – сказал дальше дядя.

Слезы полились из несчастных глаз Бай Юйшу.

– И напиши отцу, что у тебя все хорошо...

Дядя ободряюще ей улыбнулся и в уголках его глаз снова засветились добрые лучики.

– А то, что он убил людей Чэнь Ина, пускай не волнуется, я разберусь, – приветливо закончил он.

Кто убил людей Чэнь Ина?! Ее отец преподает рисование в училище!

Добрая улыбка шу-фу вдруг обрела новые оттенки в заплаканных глазах Бай Юйшу. У нее промелькнула догадка что, шу-фу, как и его племянник, тоже был зверем не лучше тигра, но в отличие от младшего – может быть, даже из породы тигров-людоедов.

Все равно!

Этот Чэнь Ин, наверно, очень плохой человек.

С ним давно надо разобраться.

– Шушу, спасибо, – тихо сказала Бай Юйшу.

– А ты наконец побейся, – сказал дядя племяннику.

– Когда победим Цинь, – не слушая его, буркнул бородач, вставая и направляясь к выходу.

Бай Юйшу нехотя поплелась за ним.

В голубом, выцветшем от жары, небе носились ласточки с раздвоенными длинными хвостами. Они ныряли с вышины, описывали резкую кривую и снова устремлялись вверх – как будто мастер-каллиграф сделал взмах кисточкой с черной тушью. Они ловили мошек и учили птенцов летать, чтобы вместе откочевать на зиму далеко за океан. Они были свободные и счастливые.

Может быть, ее душа тоже станет ласточкой, будет нырять в голубых просторах и летать по миру, куда вздумается?

День померк.

Массивная темная фигура затмила солнечный свет и заслонила ей небо.

– Иди к старшей сестре, – коротко сказал супруг и повелитель, поворачиваясь, чтобы поскорее уйти.

– У меня нет старшей сестры, – растерянно сказала Бай Юйшу.

В глазах мужчины уже не было гнева, только усталость.

Он безнадежно посмотрел на лохматое, сопливое, хромое существо, топтавшееся перед ним. Бай Шэнь, похоже, забыл упомянуть, что младшая дочка у него слабоумная. Это было не очень важно, главное, чтобы эта дура поменьше попадалась ему на глаза, иначе он ее когда-нибудь приберет.

– Бай Юй, иди к Ми-фужэнь*[21], – внятно проговорил он.

– А?

Во цао!*[22] Она нарочно!

– Ми-фужэнь, моя жена, – повторил он сквозь сжатые зубы и ушел.

А?

Жена?

А я кто?

Бай Юйшу растерянно посмотрела вокруг себя.

Во цао! Я что, в гареме?!!!

—

*[20] ## "Ли цзи" ("Книга обрядов") – свод правил поведения конфуцианской морали (сост. в эпоху Воюющих Царств и ранний период династии Хань, не позднее 2 в. до н.э)

*[21] ## фужэнь – жена, главная женщина в почтенном семействе, также обращение к знатной женщине (=миледи, госпожа)

В отличии от фужэнь, # цзи имеет более низкий статус несмотря на то, что тоже состоит с супругом в законном браке.

*[22] ## "во цао" – букв "я @бу", ругательство

—

НВУ НВУ

ГЛАВА 9. Ей просто надо полежать под капельницей пару недель

– ##!

– Fuck!

– Твою мать!

Я – наложница убийцы и насильника, главаря бандитской шайки!

Я торчу в гареме, смотрю на небо и завидую тупым ласточкам!

Это для этого я пять лет корпела на истфаке и еще заканчивала аспирантуру?!

Может быть... там, наверху что-то перепутали?

Может, сейчас кто-то вместо нее сидит и беседует с духами отцов истории Геродота и Сыма Цяня и узнает у них, что на самом деле случилось с экспедицией Сю Фу и доплыли ли они до Японии?!*[23]

И при этом жутко мучается, бедняжка, и мечтает попасть в гарем к дикому волосатому орангутангу.

Тут что-то не так!

– Тут что-то очень не так! – решительно сказала Бай Юйшу, сдвинув брови.

(Бандиты во дворе:) – А? Чего?.. (кланяются и кланяются, как только Бай Юйшу подняла глаза) Госпожа... Госпожа...

Бай Юйшу строго взглянула на них и, на всякий случай, бочком, перебралась подальше, за дровяной сарай, где рос одинокий старый клен.

Она не знала, что ей делать дальше.

Она не знала, где ей искать эту Ми-фужэнь.

Она даже не знала, как попасть обратно в собственную комнату!

Она сидела на куче дров, прячась за толстым кленом.

Слишком много всего произошло с ней в этом мире – это было совсем не похоже на предсмертный бред и галлюцинации. За неполные сутки она успела обрасти кучей родственников: муж, дядя, фужэнь, еще какой-то отец, который убил людей Чэнь Ина... Такое впечатление, что она обосновалась здесь надолго!

Бай Юйшу растерянно опустила глаза на вытоптанную землю под ногами.

Когда она их подняла, в них отражались синее небо и возрожденная надежда.

Радостные солнечные блики играли на ее лице, проникая сквозь листья.

Если галлюцинация не кончается, это значит, что она все еще жива!

Это значит, что она лежит без сознания в больнице!

Но это ничего.

Главное – теперь есть надежда вернуться домой!

Может быть, люди в коме создают миры внутри своего па-

рализованного мозга, а после пробуждения они стираются из памяти.

Все, что происходит – это же проекции ее собственных впечатлений, перемешавшиеся с тканью сновидений!

Она прикинула в уме...

Все сходится...

Воюющие Царства – это та эпоха, которую они обсуждали с Чан ЯньЮанем, пока шли до метро. Очевидно, Бай Юй мысленно задержалась в этом времени и продолжает там оставаться.

Древнее царство Чу... Она же смотрела "Прощай, моя наложница" про Сян Юя, ван-гегемона древнего Чу! Вот откуда ее подсознательное "я" почерпнуло вдохновение для создания окружающей обстановки.

Бронза и зооморфные мотивы соответствуют выбранным времени и месту. К тому же, в последний вечер на работе она разглядывала одежный крючок из Пэнчэна, выкованный в виде головы феникса!

Дикий волосатый орангутанг с бородой... хмм... Откуда такое пугало могло взяться в ее подсознании? Но если посмотреть с точки зрения психологии... то станет ясно, что сработало подсознательное желание наказать себя! Она долгие годы винила себя, что не может сделать мужа счастливым, – и теперь у нее такой муж, что только в страшном сне может присниться...

Гарем – это, похоже, тоже голос ее нечистой совести. Не

надо было столько издеваться над Чан ЯньЮанем у него в блоге!

Даже нефритовый диск у нее на поясе был тем же самым, что экземпляр, который недавно принесли ей для оценки и расшифровки надписи.

Ей нужно просто подождать, чтобы врачи вылечили ее, полежать под капельницей пару недель! А до той поры – постараться не высовываться, чтобы не нарваться здесь на неприятности и не устроить себе кровоизлияние в мозг в реальном мире. Кто знает, что с ней там будет, если ее здесь, например кто-нибудь кинет в колодец? Ее лучшая стратегия – это плыть по течению и делать, что ей говорят.

Бай Юйшу энергично потерла ладошки, встала и кое-как привела в порядок свой скособочившийся хвост.

Ми-фужэнь, я иду к тебе!

...

Ми-фужэнь, если бы я еще знала, куда к тебе идти!

Бай Юйшу потерянно обзрела лысый двор. И что теперь делать?

Тут ей на глаза попалась долговязая фигура, стоявшая к ней спиной шагах в десяти. Человек выкладывал что-то из большой корзины к подножью лестницы, кажется, хворост. Он старательно выполнял свою работу, наклонялся и разгибался то над корзиной, то над лестницей, и в какой-то момент повернулся боком к Бай Юйшу, демонстрируя небритый профиль.

Хань Синь!

– Псст... Хань Синь! – шепотом закричала Бай Юйшу, высовываясь из-за клена.

Ее опередили какие-то два гамадрила с коленками наружу. Гамадрилы, с гадкими ухмылками на бандитских рожах, подошли сзади к Хань Синю и один ткнул его кулаком в беззащитную спину. Хань Синь успел выставить руки, иначе он бы упал лицом на деревянную лестницу.

Хань Синь повернулся к хулиганам и с укором на них посмотрел. Он потянулся к мечу у себя на поясе, поправил его, одернул рубаху... и снова занялся своим хвостом. Гамадрилы заржали и снова дали Хань Синю по спине. Хань Синь на этот раз был готов, он только покачнулся. Он обернулся через плечо и что-то сказал хулиганам. Его простое лицо при этом не выражало ни обиды, ни гнева.

Гамадрилы опять заржали и приготовились врезать Хань Синю еще раз. Они были в таком восторге от своей забавы, что не заметили нового участника, подошедшего к ним сзади. Твердый кулак игриво пихнул левого хулигана, так что он своей тупой башкой впечатался в стопку хвороста перед крыльцом, развалил ее и врезался макушкой в крыльцо. Хань Синь посмотрел на раскиданный хворост и печально вздохнул.

Второй гамадрил испугался и начал быстро кланяться и повторять "Хозяин!", пока его приятель барахтался в хворосте. Хань Синь тоже поклонился.

Шу-фу взял его за плечо и что-то доброжелательно сказал.
Хань Синь кивнул.

Дядя ушел.

Гамадрилы разбежались.

(Громкий шепот из-за дерева:) – Хань Синь!... Псст!..

Хань Синь!.. Поди сюда!

– Ты зачем позволяешь этим уродам себя унижать? – спросила Бай Юйшу подошедшего молодого человека. – Ты же здоровый, как лось, и у тебя есть меч!

У нее у самой кулачки чесались надавать негодьям, а Хань Синь был безмятежен, как бревно!

– Разве они мне враги? – апатично сказал Хань Синь и почесался. – Я ничего не вижу от них кроме добра.

У Бай Юйшу глаза вылезли на лоб.

– Разве они могут причинить мне вред? – пожал широко-ми плечами Хань Синь. – Их удары даже мухи не убьют. Зато, обижая меня на глазах у других людей, они создают у них мнение обо мне.

– Что ты трус? – подсказала Бай Юйшу на тот случай, если Хань Синь немножко перепутал, какое мнение о нем имеют другие люди.

– Молодая госпожа правильно мыслит. Это значит, что в опасной ситуации никто не будет ожидать от меня решительных действий, значит, у меня будет преимущество внезапности, как если бы мои враги дрались с завязанными глазами. Это я и называю добром.

Бай Юйшу подивилась такой философии.

Она внимательно посмотрела в молодое простодушное лицо Хань Синя и обнаружила, что брови у него прямые, как мечи, а черты – решительные.

– Если бы они действительно представляли для меня угрозу, самое лучшее было бы их убить, – с готовностью объяснил юноша. – Но если я убью их при всех, меня объявят преступником и казнят. Это я называю причинением вреда себе самому.

Хань Синь глубокомысленно кивнул.

– А почему госпожа прячется за сараем? – спросил он, не в силах сдержать любопытство.

– Понимаешь... Если господин узнает, что я не пошла к Ми-фужэнь, я боюсь, что я от него тогда много чего интересного увижу, – ответила Бай Юйшу, опасливо водя глазами по сторонам. – Поэтому я лучше пока тут посижу. Я это называю... ммм... "прятаться за сараем".

Бай Юйшу глубокомысленно кивнула.

– Хань Синь, ты знаешь, где живет Ми-фужэнь?

– Конечно, госпожа – с поклоном сказал Хань Синь.

Он отвел Бай Юйшу в обширный двор с колодцем и клумбой.

Во дворе Хань Синь остановился в нескольких шагах от раскладной двери большого флигеля и нерешительно переступил с ноги на ногу.

(Хань Синь:) – Госпожа, надо бы, чтоб служанка постуча-

ла к Ми-фужэнь и сообщила, что молодая госпожа изволили прийти.

(Бай Юйшу:) – У меня нет служанки... А ты не можешь сам постучать?

(Хань Синь, морщась:) – Постучать я, конечно, могу... Но только, если сказать по правде... я боюсь.

—

*[23] Сю Фу – придворный алхимик, по приказу императора Шихуанди в 219 г. до н.э. возглавил морскую экспедицию с целью добыть эликсир бессмертия. Пропал без вести.

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 10. Бай Юй, зови меня цзе-цзе

Стоя на коленях в спальном покое, Бай Юйшу клевала носом, выслушивая наставления:

– Жена называет мужа мужем, наложница называет мужа господином... Наложница служит господину в постели ночью, наложница служит жене господина днем... Наложница благодарна господину, она входит в первый круг родства, поэтому в случае смерти господина она три года носит траурное платье из грубой пеньки и достойна чести быть похороненной вместе с господином, по его желанию живой или мертвой... Ты должна показывать послушание и преданность... выполнять приказания жены господина... вставать в час маоши* (## 5 часов утра) [24]...

(Бай Юйшу, под наркозом:) – Да, да... послушная и преданная, это про меня... служить господину... служить жене господина... похоронена живой, нет вопросов... **ВО СКОЛЬКО Я ДОЛЖНА ВСТАВАТЬ?!**

Она думала, хуже уже не будет!

Она еще не знала Ми-фужэнь!

– Бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу-бу-бу...

Бай Юйшу очень старалась вести себя в соответствии с правилами патриархального мира, в котором она застря-

ла, и сделаться достойным членом феодально-рабовладельческого общества. Помня о недавнем родственном визите, она предусмотрительно встала на колени, как только вошла в покои Ми-фужэнь.

Жена господина – ключевая персона для ничтожной наложницы вроде Бай Юйшу. Господин далеко, а его жена близко, от нее зависит жизнь Бай Юйшу.

– Тебя зовут Бай Юй? – спросил резкий голос из глубины покоев.

"А как меня зовут?" – подумала Бай Юйшу с сомнением. Она ни в чем не была уверена. Она задумалась.

"Бай Юй, зачем ты привязала себя к кровати?!.. Бай Юй, ты что делаешь?!.."

Низкий голос, наполненный желанием убить ее на месте, эхом отозвался в ушах.

– Да! – твердо сказала она, поднимая глаза. – Меня зовут Бай Юй. Я почтительно вижу Ми-фужэнь. ("Меня прислал Сяо Цзи," – добавила она про себя.)

– Зови меня "цзецзе" (## старшая сестра), девочка. Мы же теперь одна семья, полная любви, – любезно ответили из глубины покоев.

Эта Ми-фужэнь оказалась совсем не такой страшной, как она себе представляла! И чего ее все боятся? Очень душевная тетка, голос только противный.

– Если ты будешь меня слушаться, то все у тебя будет хорошо, а если ты не будешь меня слушаться...

Но Бай Юйшу уже забыла про Ми-фужэнь.

Она не могла оторвать глаз от внутреннего убранства комнаты.

Стены были сплошь покрыты ярким алым цветом, как в фильме ужасов. Красные стены, красные ширмы, красные двери, красный шелк в окнах, красные полосы света ложатся на пол. На улице полуденное солнце было золотым, в комнате Ми-фужэнь оно было кроваво-красным, как будто в последний день человечества. Все, что можно было покрасить – все покрасили. Пол тоже был красный и лакированный, словно залитый кровью.

Было похоже, Ми-фужэнь очень ответственно относилась к задаче ограждать себя от злых духов.*[25]

Но это было еще не все.

Красные стены были изрисованы черными змеями, которые рядами ползли друг за другом, вытянув длинные тела и высунув раздвоенные жала. Нижний ярус орнамента состоял из гадов, каждый из которых пожирал ползущего впереди, заглатывая его хвост.

...И стаи змей ползут к ночному ложу!..

Отношение к змеям в царстве Чу было непростым. С одной стороны, ползучие гады, конечно, воплощение всякого зла. С другой стороны, многие знатные семейства вели от них свою родословную, так что змеи одновременно считались духами-покровителями. Змеиные мотивы часто использовались при росписи гробниц царства Чу – для отпу-

гивания чужих змей, которые под землей могли забраться в саркофаг, осквернить тело. и навредить душе покойного.

Но это же надо иметь стальные нервы, чтобы заснуть в такой спальне!

Или серьезные психические отклонения...

Бай Юйшу уже начинало казаться, что из углов слышится шипение...

Злобное такое...

И даже жуткие крики...

– Бай!!! Юй!!!

Бай Юйшу хлопнула глазами.

– Ты что, глухая?! Куда ты смотришь?! На меня смотри!!!

Бай Юйшу посмотрела.

– Ааааа!!! Привидение!!!

Белый блин с черными провалами вместо глаз летал в красном полумраке. Жадные малиновые губы, которые хотели высосать ее кровь, разомкнули и произнесли голосом, как из треснувшего кувшина:

– Что ты молчишь, бестолочь?!

– Сгинь! – сказала Бай Юйшу.

– Что ты там бормочешь?! – презрительно сказала Ми-фужэнь. – Ты как со старшими разговариваешь?! Бессовестная девчонка, опусти глаза, когда с тобой разговаривает жена твоего господина!

Бай Юйшу поспешно уставилась в пол.

– Ты куда смотришь?! На меня смотри, когда я с тобой

разговариваю! Ты почему молчишь, как бревно?! Ты должна отвечать "Да, госпожа!" и "Слушаю, госпожа!"

– Слушаю, госпожа!

– Я тебе велела, чтобы ты звала меня "сестрица"! Мы одна семья! Полная любви! У тебя что, тыква вместо головы, ничего не помнишь?!

– Да, сестри...

– Молчать! Где твои манеры?! Ты наложница, ты должна прислуживать старшей сестре, должна... бу-бу-бу... бу-бу-бу...

Уж куры расселись по гнездам в стене,

Склоняется к вечеру день, и с полей

Коровы и овцы бредут в тишине. *[26]

Стоя на коленях, Бай Юйшу клевала носом.

– Посмотри на себя! Разве так должна выглядеть наложница из приличного семейства!

Ми-фужэнь скривилась от отвращения, и с ее напудренного лица отвалился кусок штукатурки.

– Не приходится удивляться, что наш супруг и господин в твою первую брачную ночь бросил тебя и отправился к другой женщине!

"Это мой шанс!" – подумала Бай Юйшу, просыпаясь.

Она постаралась выказать как можно больше безмолвного восхищения и семейной любви, устремив взгляд на тощую, как скелет, фигуру в кроваво-красном цюйцзю, которая тыкала в нее костлявым указательным пальцем.

– Да, сестрица, – умильным голосом пропела она. – Это потому что я не могу сравниться красотой и воспитанием с Ми-цзеце. Господин всегда будет держать в своем сердце только вас одну!

– Ах ты, негодяйка! – заорала Мадам Ми. – Издеваться вздумала?!

"Какая неожиданная реакция! Какая непредсказуемая женщина..." – успела подумать Бай Юйшу.

В следующую секунду она получила такую пощечину, что у нее чуть не отвалилась голова.

Держась за щеку, Бай Юйшу не верила, что с ней такое произошло!

Ее круглые глаза начали наполняться слезами боли и обиды. Еще обиднее было из-за того, что печенина, которую она успела стянуть со стола, вылетела из рукава и укатилась!

И она даже не понимала, из-за чего Ми-фужэнь так разъярилась!

– Ыы... Ыыыы... Ыыыыыыыыы!!!

– Сейчас еще получишь, – предупредила Ми-фужэнь.

Бай Юйшу сжала губы и завесилась рукавом.

Ей хотелось сквозь землю провалиться – только бы не видеть больше Ми-фужэнь.

(Ми-фужэнь, вопит:) – Ты такая неотесанная! За что мне это наказание?! У меня столько дел, а теперь еще придется каждый день тебя... ммм...

(Бай Юйшу, выглядывает из рукава и шепотом интересу-

ется:) – ...бить?

(Ми-фужэнь, устало и безнадежно:) – ...наставлять!.. Уйди с моих глаз.

"Если это мои фантазии, то я конченный мазохист," – решила Бай Юйшу, выбравшись на улицу сквозь красные лакированные двери.

Мой господин – людоед.

У него жена буйнопомешанная.

И я хочу есть!

С каждым часом становится все хуже и хуже!

На этом месте своих печальных раздумий, Бай Юйшу запнулась вышитым носком туфли за кочку и растянулась во весь рост.

– Fuck!

– Ой, госпожа, что ж вы падаете?

Хань Синь сочувственно смотрел, как Бай Юйшу неловко поднимается с земли.

Сранные сесяо с этими лопухами на мысках!

Кеды мне, кеды!

Сранный древний Китай!

– А ты как думаешь? – мрачно спросила Бай Юйшу, отряхиваясь. Не могла же она признаться, что не умеет носить обувь!

Аналитические способности Хань Синя и его практический подход были, как всегда, на высоте.

– Потому что у госпожи одна нога короче другой? – пред-

положил он.

Бай Юйшу долгим взглядом посмотрела в простое и честное лицо молодого человека.

Сранный Хань Синь!

– Ты издеваться пришел? – спросила она.

– Нет, госпожа. Мне шоу дажэнь, господин управитель, велел отвести вас в ваши покои.

Управитель? Не нужно было спрашивать, кого Хань Синь имел в виду – уж конечно, не ее супруга, тот вряд ли стал бы заботиться о ней. В его стиле, скорее, приказать, чтобы ее отвели подальше в лес, привязали к дереву и там оставили.

– Шушу* (## дядя) – управитель? – переспросила Бай Юйшу.

Она, честно говоря, думала, что усадьба принадлежит дяде. Его массивная фигура и добродушное обхождение создавали впечатление, что где он находится – он этим всем владеет. Роль простого управляющего ему не очень подходила.

– Конечно, – кивнул Хань Синь, немного удивленный, что наложница молодого хозяина не знает, кто ее родственники. С другой стороны, женщина, тем более такая молоденькая и глупая, – она может просто иметь общее представление, что семья ее мужа – важные люди, но где ей помнить названия официальных должностей.

– Шушу управляет помещьем? – уточнила Бай Юйшу.

Хань Синь рассмеялся, но тут же зажал себе рот и начал кланяться, чтобы молодая госпожа не разозлилась.

Конечно, она даже разницы не знает! Для нее что поместье, что уезд, что область – все одно и то же.

Если бы Бай Юйшу могла знать мысли Хань Синя, она удавила бы его на месте своими маленькими мягкими ручками – с полным правом. Так сделал бы каждый, кто сдавал профессору Лоу зачет "Административно-территориальное деление Китая в разные периоды раннефеодального этапа"!

– Господин – цзюнь-шоу*[27], управитель области, – терпеливо объяснил Хань Сянь.

Кто?! Шушу – цзюнь-шоу?! Это значит, что выше него стоит только правитель царства! В исторической перспективе эта должность соответствует положению поместного вана (= удельный князь).

– Fuck!

Бай Юйшу от изумления чуть снова не полетела носом об землю.

Мальчик-слуга от ее крика подскочил на месте и выронил керамический горшок, который нес.

Горшок разлетелся на черепки, все содержимое растеклось, но подросток даже не посмотрел, что произошло.

Он смотрел вслед Бай Юйшу.

– Фак! – повторил он удивительное иностранное слово.

—

*[24] ## маоши – "час мао", "начало солнца", третий двухчасный период по древнекитайскому суточному делению, с 5 до 7 часов утра.

*[25] Темные силы боятся красного цвета.

*[26] "Ши цзин" ## – "Книга песен и гимнов" (11-6 в. до н.э.), "Тоска по мужу"

*[27] ## цзюнь-шоу – правитель области, губернатор

—
✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

Ми-фу-жэ-нь

ГЛАВА 11. Госпожа была такая злая, потому что была сексуально неудовлетворенная

– Ты куда меня привел?!

Несмотря на несусветный бардак, который представляла из себя ее жизнь в этом мире, Бай Юйшу все-таки помнила лысый пустырь, в котором находилась ее комната.

– Госпожа, вы провели ночь во дворе молодого господина.*[28] Вот ваши собственные покои. Все ваши вещи уже принесли, отдыхайте, пожалуйста, – с поклоном ответил Хань Синь.

Деревянный домик с кирпичным цоколем был окружен резной галереей. Весь двор создавал ощущение скромного и приличного уюта.

Высокий утун у колодца и птицы, устраивающиеся на ночлег в его ветвях.

И, в завершение картины, стройная девушка в светло-сером платье проплыла по галерее.

Как луна тихо проходит над землей, неспешно ее озаряя. Лицо ее укрыто тенью, только белеет грациозно склоненная шея и мерцают жемчужины в высокой прическе.

Бай Юйшу, как гадкий утенок из болота, смотрит на полет прекрасного лебедя.

Бай Юйшу показалось, девушка по секрету от других улыbnулась ей, – и скрылась за резными дверями павильона.

Устыдившись своего растрепанного вида, Бай Юйшу заправила за ухо свисавшие на лицо волосы.

Она всегда немного комплексовала по поводу своей внешности – из-за маленького роста и скуластого лица с плоским носом. Папа Бай дразнил ее бурундуком и говорил, что они с мамой не родили ее, а нашли в лесу. Понимая, что на королеву красоты она не тянет, Бай Юйшу стеснялась одеваться элегантно и ходила в джинсах и мешковатых рубашках в богемную клеточку – как бомж, по мнению тетки-билетерши.

Бай Юйшу казалось, что подчеркивающее фигуру платье или кокетливая блузочка будут означать, что она пытается показаться красивее, чем на самом деле. Как будто ей больше нечем заняться.

– Хань Синь, – сказала Бай Юйшу, берясь за створку двери. – Ты можешь добыть чего-нибудь поесть?

– Конечно, госпожа! Госпожа хочет жареную утку? Или кролика? Или сладкий бобовый пирожок? Или...

– Хань Синь!

– А?

– Молчи.

Молчи, Хань Синь.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Бай Юйшу продолжала:

– Хань Синь, иди. Тащи все, что найдешь. Только поско-

рее!.. – Возьми побольше, чтобы тебе тоже хватило! – крикнула она ему вслед.

Лети, мой серый гусь! *[29]

Бай Юйшу толкнула дверь и вошла в домик.

Обстановка здесь была попроще, чем в покое для новобрачных, но все равно все было уютно и опрятно.

Наконец-то я могу отдохнуть!

За расписной ширмой стояла большая кровать с распахнутыми занавесками.

На кровати дрыхла какая-то малолетняя нахалка.

...

Кто пустил ребенка в гарем?! Ей даже двенадцати нет!

Девочка была одета в одежду для слуг – темное пао по колено и штаны, перехваченные веревками у щиколоток.

Бай Юйшу вытащила из-под ее круглой щечки подушку – ноль реакции.

Бай Юйшу потыкала в нее торцом подушки – спит и не чешется.

Бай Юйшу стукнула по ней подушкой!

Девочка села в кровати и, не открывая глаз, нагло заявила:

– Я не спала! Я не спала!

Потом она открыла глаза и закричала:

– Моя бедная госпожа! Как же вы были без своей служанки?!

Девочка! Посмотри не меня! Похоже, что у меня есть служанка?!

У Бай Юйшу был такой вид, как будто она только что собственноручно объединила семь китайских царств*[30]: волосы торчат в разные стороны, платье скособочено и все в пыли, на коленке – дырка, на щеке – отпечаток пятерни, лицо чумазое и в подтеках от слез, глаза горят голодным огнем.

– Госпожа! – причитала маленькая нахалка на кровати, устраиваясь поудобнее. – Куда же вы вчера пропали?! Я заблудилась! Я всю ночь вас искала!.. Ой... А что это с вами случилось?

Среди тысяч слов она не знала, где начать...

И не все годилось, чтобы рассказывать детям!

– Айоу! Что у вас на лице?! Кто вас побил?!

– Эта старая карга... Ми-фужэнь, – неохотно призналась Бай Юйшу. – Я даже не знаю, из-за чего она разозлилась.

– Бедная моя маленькая госпожа!.. А вы делайте, как я, когда вам дают оплеуху.

Девочка оживилась, уселась в постели на коленках и радостно предложила:

– Дайте мне по роже!

(Бай Юйшу:) – ?..

(Девочка, полна энтузиазма, подставляет лицо и поворачивает щеку, чтобы по ней удобнее было бить:) – !..

(Бай Юйшу, сбита с толку:) – ... (хлоп легонько по детской щечке)

(Девочка, с нетерпением:) – Не так! Дайте мне как следует, как вы всегда бьете!

(Бай Юйшу, опускает руку, немного смущенная:) – Я тебе много бью?

(Девочка:) – Не много, не много, госпожа! Можно сказать даже... (ищет подходящее слово) недостаточно! Только когда разозлитесь!

"Ничего себе, – подумала Бай Юйшу. – Я не только мазохист, но еще и садист! И бью детей."

– И часто я злюсь? – спросила она.

– По правде сказать, с утра до вечера! Но это ничего, вы же почему такая злая были? Потому что вы были сексуально неудовлетворенная! А теперь вы вышли замуж и сразу добрень начнете!.. Правильно?

(Бай Юйшу, безнадежно думает:) – ... Что с моим мозгом?! Почему я вижу такое?!

Это было еще ужаснее, чем если бы сам доктор Фрейд вышел из стены и строго сказал: "Junge Frau, Sie sind psychisch sehr krank, Sie müssen Pillen trinken."*[31]

(Девочка, заботливо:) – Вы же теперь сексуально удовлетворенная, да, госпожа?

(Бай Юйшу, мрачно, себе под нос:) – На год вперед...

(Девочка, подставляя щеку:) – Давайте, госпожа, бейте! Это ничего, я ловкая и тренированная, сами увиди... (шлеп! не очень сильно) Уя!.. Это я прозевала, давайте еще раз! Размахнитесь пошире!.. (шлеп!)

На этот раз девочка кувыркнулась с кровати.

– Видели, как надо? – победно сказала она, лежа на полу.

– Понимаете, движение вместе с рукой, которая вам дает оплеуху... вместе с рукой...– она показала в воздухе. – Давайте еще раз!

Девочка встала наизготовку напротив Бай Юйшу и пару раз подпрыгнула на месте, как боксер. Юное бестолковое лицо лучилось азартом.

– Хватит, у меня рука уже устала, – сказал Бай Юйшу.

– Давайте тогда я вас стукну! Я легонько... медленно... вот так... чувствуете? Как только ладонь касается вашей щеки, начинайте двигать голову в ту же сторону... двигайте... и тогда больно не будет!

– Я поняла, поняла, – сказала Бай Юйшу, не зная, как унять юный энтузиазм.

– А давайте...

В дверь постучали.

(Хань Синь:) – Госпожа, я поесть принес!

(Хань Синь, открывая огромную плетеную коробку:) – Все, как вы велели госпожа... Собрал все, что мог...

А! Цыплята, жареные воробушки и свиное филе! Соусы в баночках! Лапша, и домашние лепешки, и вареный рис, и еще какая-то липкая каша... просо! Это просо! И паровые булочки с начинкой, пухленькие, хорошие мои! И фрукты с медом! И маринованные ушки! И кувшин со сливовой настойкой... и две банки водки... ?.. Хань Синь!

Хань Синь невинно пожал плечами.

(Бай Юйшу, с набитыми ртом:) – Ммм... Мм... Ммм...

Мм...* (сует в руки Хань Синю кроличью ножку)

—
* Это мне... Это тебе... Это мне... Это тебе...

—
Глаза их встретились.

Не было в ту минуту на свете людей дороже и ближе друг другу.

(Хань Синь, растроганно:) – Госпожа...

(Бай Юйшу, с нежностью:) – Ммм...

(Еще один участник протискивается к корзине) – Это тоже нам... (тащит к себе коробочку с маринованными воробьиными яйцами)

Дневная жара отступала.

Бай Юйшу улыбалась.

Первый раз за все ее время в этом древнем жестоком мире, где никто не может быть уверенным в своей безопасности!

Бай Юйшу улыбалась сытой улыбкой счастливого человека, которого накормили, умыли, одели во все чистое, причесали и усадили отдыхать.

Ловкие пальчики служанки быстро справились с тесемками на нижних рубашках и аккуратно завязали на ней новое платье – сначала внутренние завязки, потом – наружные, потом – пояс. Она умело закрутила на голове госпожи простой высокий пучок, а потом разделила его на пряди с помощью нефритовых заколок. С видом великого художника девочка

оглядывала свое произведение и вносила последние штрихи.

Маленькая служанка была хорошо обучена и с большой серьезностью относилась к своей работе.

Если бы еще знать, как ее зовут!

– Или выпустить пряточки? Или все подобрать? – приговаривала девочка. – Бедненькая моя госпожа, как вы живы остались... (наклоняет голову набок и ладошками выравнивает зачесанные волосы на висках)... весь день ходили... бедненькая...

(Бай Юйшу, горько вздыхает, думает:) – Ты даже не знаешь, какая бедненькая!

(Служанка:) – ...ненакрашенная!

(Бай Юйшу:) – ...

(Служанка:) – Представляю себе, как вы мучились, госпожулечка моя!.. Потрем смолой байхуа, белым цветком?...*[32] Ахх.. (нюхает с удовольствием) Себе тоже помажу... Дайте я вам щечки набелю...

– Дай-ка сюда эту банку, – сказала Бай Юйшу.

Она сунула палец в белую массу и растерла ее в щепотке. Это скользкое шелковое ощущение было ей знакомо. Лучшей краски не найти – ложится ровно и дает легкую просвечивающую белизну.

Свинцовые белила.

– Выкини эту гадость и никогда больше ее не трогай, – приказала Бай Юйшу.

Это не знаю какой век до нашей эры! Через две тысячи

лет 129 человек полярной экспедиции сэра Франклина отра-
вятся свинцом, которым будут запаяны банки с консервами,
и все, что от них останется, – это три ледяные мумии на ост-
рове Бичи. Потому что даже в середине 19 века люди еще не
будут знать, насколько ядовит свинец.

Маленькая Юйшу один раз получила от папы Бая боль-
шой нагоняй за то, что ей лень было менять воду в банке во
время рисования, и она, чтобы не мыть кисточки, облизыва-
ла их. Из воплей папы Бая она узнала про девочку в учили-
ще, которая тоже любила лизать кисточки, наелась свинца и
ослепла!

– Если ты будешь этим мазаться, у тебя лицо станет все в
рытвинах, как у злобного оборотня, – сказала Бай Юйшу. –
Поверь мне, я знаю.

– Госпожа гадала по испарениям? – почтительно спросила
девочка.

Госпожа химию в школе не прогуливала и еще полтора
года каждый день до поздней ночи сидела на межфакуль-
тетском семинаре "Материаловедение для реставраторов"!
И смотрела много видео "Нэшенл джиогрэфикс".

– Испарения – это самое надежное. – кивнула Бай Юйшу,
подняв глаза к потолку. – Конечно, если умеешь правильно
гадать.

– Тогда рисовой мукой? – не отставала девочка. – Будете
беленькая, словно булочка!..

Малышка слазала в сундук и раскрыла на столике пе-

ред зеркалом дюжину коробочек. Она, как пианист, размяла пальчики и повернула лицо Бай Юйшу к свету.

– Реснички подведем... вот тут уголочек доделаю... вот тут еще немножко... вот тут розовым... и немножко бежевого... губки намажем... наши красивые губки...

– А ты можешь сделать не так резко? – спросила Бай Юйшу, косясь в зеркало.

– Тогда видно не будет!

– Зато будет понежнее. Дай я тебе сделаю... смотри... наношу мазок в середину и размазываем... размазываем... плавно... можно добавить светлый контур...

Хе-хе. пять лет косплея не проходят даром!

– Госпожа, а я вам румян добавлю...

– А я тебе реснички подведу... Хочешь, слезки нарисуем? Для выражения внутренней грусти.

– Но у меня нету внутренней грусти, госпожа! Давайте лучше я вам, потому что вы сегодня такая бедненькая...

– А я тебе тогда усы нарисую.

Небольшая вдумчивая пауза.

– Как у кошечки.

– Я думала, с бородой, как у господина... Давайте, как у кошечки.

Бай Юйшу намазала служанке черный носик и усы, как детям на фестивалях. Девочка любовалась на себя в медном зеркале и лучилась удовольствием.

– Госпожа!

Она макнула пятку ладони в коробочку с толченым углем и шлепнула ею в левый глаз.

– Я панда!

– Ха-ха-ха!

– Я вам тоже носик сделаю, будете, как тигренок!.. тигренок... и усики...

вот так...

– Тук-тук-тук! Госпожа! Хозяин велел принести вам приборы для письма!

О! Будет, чем писать и рисовать!

Не дожидаясь, пока служанка откроет, Бай Юйшу побежала к двери.

Она вышла на веранду и протянула руки за подарком.

Шушу, ты самый лучший!

Как будто в детстве ей купили новый набор цветных карандашей!

Слуга держал в руках ящик из темного дерева с бамбуковыми перьями, кисточками и чернилами, под мышкой у него были зажаты несколько свертков бамбуковых дощечек.

– Госпожа... – говорил он с поклоном.

Потом он распрямылся.

Ящик с громким стуком рухнул на доски веранды. Бамбуковые дощечки разлетелись в разные стороны.

– Ааааа! Спасите!!!

—

*[28] Традиционное китайское жилище представляет из

себя не дом, а двор с постройками по четырем сторонам. Дворцы и усадьбы имели несколько таких дворов.

*[29] В Китае дикие гуси считаются вестниками, которые могут отнести письмо и вернуться с ответом от любимого человека, потому что каждый год они совершают перелет с севера на юг и обратно.

Имя # Синь означает "послание", а также "вверять, доверять".

*[30] Годом объединения Китая и создания в нем централизованной власти считается 221 г. до н.э., когда правитель царства Цинь в результате кровопролитных войн покорил остальные 6 царств и провозгласил себя императором Ши-хуанди.

*[31] (нем.) Юная фрау, вы очень больны психически, вам надо пить таблетки.

*[32] ### байхуа-лан (букв. "дерево с белыми цветами") – стиракс бензойный, смола которого имеет пряный вкус, напоминающий ваниль (также ее называют "росный ладан", # ## аньсисян).

Использование духов в виде экстрактов и масел в древнем Китае в эпоху до династии Хань не подтверждено, но есть многочисленные упоминания о ваннах с отварами пахучих трав и ароматных воскурениях. С другой стороны, царство Чу, самое южное из древних китайских царств, было знаменито своими экзотическими товарами и ароматами. Росный ладан часто применялся в курильницах и входил в состав мо-

гих смесей. Представляется вполне вероятным, что в царстве Чу кусочки смолы могли разминать и использовать как духи.

—
✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 12. Слава худая идет о том, что муж мой со мной жесток.

Солнце и месяц, радует нас

Вашим восходом восток!

Слава худая идет о том,

Что муж мой со мной жесток.* ("Ши цзин")

Маленький двор был пустынен и тих – только несколько слуг занимались уборкой.

Они переговаривались негромкими голосами и иногда смеялись. Они думали, вот, мол, сейчас закончим тут работу и пойдем домой отдыхать. Наивные, они забыли, что человек не может знать свою судьбу.

Небо потемнело.

Вороны тревожно забили крыльями на старом утуне.

Собаки завывали от тоски.

Вот что увидели слуги во дворе.

Двери открылись и на улицу вылез злобный дух с телом женщины и головой зверя. У нее был нос, как у собаки, усы – как у тигра, глаза – как у демона, ресницы – как у коровы, рот – как у пиявки. На лбу была нарисована кокетливая ромашка. На щеке был еще один рот, потому что некая начинающая мастерица индустрии красоты тренировалась красить губки, чтобы было понежнее.

Злой дух тянул жадные руки к ближнему прислужнику, потому что хотел человечины.

Все бросились бежать.

Кроме слуг во дворе находился еще один человек, который направлялся к северному флигелю и тоже думал, что после тяжелого дня для него наконец настает вечер отдыха. Он не знал, что его ждет.

Когда все побежали, он нахмурился и повернул голову к источнику беспорядка.

Вот что он увидел.

Умственно отсталая дочка Бай Шэня, на которой дядя заставил его жениться, нарисовала себе усы и пугает слуг во дворе. Она чуть не поймала одного из них, но парень успел убежать, бросив поклажу. Теперь она крутила своей безмозгой головой и искала новую жертву.

У нее из-за спины вылаживала... кажется... панда?!

Бай Юйшу, которая, получив рисовальный набор, совсем забыла про макияж на лице, очень удивилась внезапному переполоху во дворе и начала оглядываться, чтобы понять, откуда надвигается опасность.

Очень скоро, она поняла.

Вот что она увидела.

На нее со скоростью курьерского поезда, угрожающе мотая головой, несется разъяренный носорог с налитыми кровью круглыми глазами. Земля дрожала под его ногами, из раздутых ноздрей вырывался пар.

– Бай!!! Юй!!!

– А?

Он схватил ее одной рукой за платье на спине, поднял в воздух, как щенка за шкурку, и потащил по направлению к колодезю.

– Дажэнь! Господин! Не бросайте меня в колодец! – бедная Бай Юйшу не знала, как ей умолять взбесившегося трицератопса. – Я...

"Я вам еще пригожусь!" – хотела крикнуть она, но уже не успела.

Господин сунул ее головой в кадку с водой, которая стояла у колодца.

Последние пузыри поднялись из воды...

Сознание помутилось...

Грубая рука за шиворот выдернула ее из кадки, а вторая – безжалостно терла ей лицо и царапала мозолями щеки.

Все ее новое платье было залито водой и красками.

– Бай Юй, долго ты еще будешь меня позорить? – такого страшного голоса у него она еще не слышала.

– Ыы... Ыыыыы!

Сколько еще она будет мучиться в этом кошмаре?!

Самое красивое пао из блестящего дамаска цвета морской волны, которое она выбрала для родственного визита, – он у него оторвал пояс!

Второе платье, коричневое, в рубчик, жаккардового плетения – она из-за него прожгла рукав, а потом разодрала на

коленке!

День еще не кончился, а он уже испоганил ей третье платье, которое служанка так красиво надела на нее и завязала!

Испорченные платья стали для Бай Юйшу последней соломой, сломавшей спину верблюда.

– Ыыыыыы!!!

Мужчина смотрел на нее круглыми ненавидящими глазами, парализованный. Обтекающая разными цветами блямба, облепленная мокрыми волосами, с распяленным ртом, издающим жуткий вой, из углов которого струились красные и черные полосы, – это невозможно было вынести. Это было хуже, чем лежать под горой разлагающихся человеческих и лошадиных трупов, придавивших его израненное тело. Хуже, чем голодать в осаде и прятаться в мороз в горах.

– Ыыыыыыы!!!

Чтобы больше не слышать ее рева, он снова сунул ее головой в кадушку.

Маленькая служанка выбежала ей навстречу и с причитаниями увела мокрую рыдающую Бай Юйшу домой.

– Бедненькая моя госпожа! Это все я виновата! – девочка заревела еще громче, чем Бай Юйшу. – Ыыыы!.. Побейте меня госпожа, вам легче станет.

Отчаяние в душе Бай Юйшу было глубже, чем глубины озера Тай, но при виде искреннего личика, жмурящегося в предвкушении трепки, она все равно не выдержала и засмеялась сквозь слезы.

Засмеявшись, она разревелась еще сильнее. Служанка обхватила хозяйку маленькими ручками и плакала вместе с ней.

– Они какие-то маньяки, – рыдала Бай Юйшу. – И он, и его Ми-фужэнь... А Ми-фужэнь... Ми-фужэнь хвасталась, что господин в мою первую брачную ночь сбежал от меня и ушел к неееееей...

– Такого не может быть, – сказала девочка, переставая плакать. – Все знают, что господин давно не принимает любви Ми-фужэнь... Все говорят, – добавила она доверительным шепотом, – что всю свою благосклонность он отдает одной наложнице...

Бай Юйшу от неожиданности даже забыла рыдать и проклинать злую судьбу.

Так вот почему карга Ми-фужэнь так взбеленилась! Муж бросил ее и ушел к другой, а Бай Юйшу с самым добрым видом пела ей про то, какая она несравненная и как он только ее держит в своем сердце! Бедная старая тетка! Понятно, почему она решила, что Бай Юйшу издевается над ней!

Бай Юйшу стало даже жалко костлявую Ми-фужэнь, которая, как вампир в гробу, сидит в своих лакированных поках и медленно сходит с ума от одиночества и обиды. Жена, потерявшая благосклонность господина, – что ей теперь остается, запертой в гареме?

– Поэтому Ми-фужэнь такая злая, – вздохнула служанка, – потому что...

Бай Юйшу уже знала, что последует дальше, поэтому она зажала служанке рот.

– Детям нельзя говорить на такие темы! – строго сказала она.

– Но госпожа, мне в этом году будет двенадцать! Какой же я ребенок? – с достоинством напомнила девочка.

Верно, через два года ее можно уже выдавать замуж.

По местным меркам она уже была вполне зрелой, ответственной особой.

Бай Юйшу рухнула в постель и зарылась лицом в подушку.

Бум!

Ау!

Твою мать!

Подушка имела прямоугольную вытянутую форму и была жесткая, как боксерская груша. Ей повезло, что подушка не была, как это принято в древнем Китае, сделана из ароматной древесины или фарфора!

Тоска и безнадежность.

И лоб болит.

И выпь кричит на болоте.

В темноте зашелестело, и на кровать к Бай Юйшу кто-то забрался. Ее маленькая служанка нахально подлезла к ней под бок и обняла ее.

(Служанка, утешает шепотом:) – Все будет хорошо, моя маленькая госпожа... Вы же из семейства Бай, конечно, ва-

ши элегантность и благородство завоюют сердце господина!

(Бай Юйшу:) – ... (тяжелый вздох)

(Служанка:) – И он отдаст вам все свое расположение.

(Бай Юйшу, про себя:) – Всю жизнь мечтала...

(Служанка:) – Когда вы сделаете то, что обещал ваш отец,

чтобы господин согласился взять вас в гарем...

(Бай Юйшу, настороженно:) – В смысле?..

(Служанка, жизнерадостно:) – Родите ребеночка!

(Бай Юйшу:) – ?!..

Почему, почему нельзя было просто бросить меня в колодец?!

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 13. Что, если я никогда больше не увижу Чан ЯньЮаня?

В ночной тишине слезы лились из глаз Бай Юйшу.

Все ее кошмары в реальной жизни перекочевали в этот мир!

Так ей и надо!

Они с Ван Джэкунем долго не могли забеременеть. Конечно, он ничего ей не говорил, но их семья и без того еле теплилась, поэтому она все равно чувствовала себя виноватой. Она смотрела на сутулую спину мужа за компьютером, и ей казалось, что он своим вечным молчанием осуждает и наказывает ее.

Она была идиоткой.

Она только теперь это поняла.

Ее вина перед Ван Джэкунем была не в том, что она не могла родить ему ребенка. И не в том, что они отделились друг от друга, а как это исправить она не знала. Часто ей было стыдно за свой эгоизм – что она задерживается на работе, просто потому что на работе ей лучше, чем дома, но ведь все равно дома ее ждало только молчание. У них с Ван Джэкунем не было ничего, о чем поговорить в последнее время... очень долгое время, несколько лет.

Ее вина перед ним была в том, что она вышла за него за-

муж.

Мама говорила, вот настоящий мужик, надежный, и Бай Юйшу сама так думала. Она думала, что это и есть взрослая любовь – не детский сад, когда людям вместе весело, а серьезный мужчина, старше нее на три года, который видел в ней настоящую женщину, не стеснялся говорить комплименты и показывать свое влечение к ней.

Ее вина была в том, что она пыталась починить то, чего никогда и не было, и только мучила себя и Ван Джэкуня. И Чан ЯньЮаня тоже.

Чан ЯньЮань, прости меня!

Я виновата перед тобой в десять раз больше, чем перед Ван Джэкунем!

Я все испортила своей трусостью!

Чан ЯньЮань играл совсем в другой лиге. Его легкий веселый характер, симпатичная внешность, ум и начитанность, а также, конечно, деньги его отца делали Чан ЯньЮаня популярным, где бы он ни появился. Где ей, не очень красивой девушке, у которой родители – простые учителя, выдерживать конкуренцию с первыми красавицами и умницами Шанхая.

Мама говорила, что мужчины, избалованные вниманием, непостоянны в своих чувствах. Все эти знаменитости и плей-бои, у них новая жена каждый год, в журналах про это пишут. Понятно, на кого она намекала.

Кто же мог знать, что пройдет одиннадцать лет, и все это

время самым неизменным в ее жизни будет рука Чан ЯньЮаня, которая будет держать ее ладонь в темноте и будет протягиваться к ней со скалы, чтобы помочь во время трудного восхождения.

Человек ничего не может знать заранее.

Поэтому человек поступает глупо и подло, трусит и пре-
дает.

Я предала тебя, Чан ЯньЮань!

Я себя предала.

Я хочу домой!!!

Я хочу к тебе!

Глаза Бай Юйшу устало закрылись, но из уголков выкатились две большие слезы, горькие, как море горечи*[33]. В темной чужой комнате, под редкие крики ночных птиц, душа Бай Юйшу наполнилась таким одиночеством, как будто она сама была птицей без гнезда, плачущей на ветке. Некому было взять ее руку и сжать в теплой надежной ладони.

– Если ты будешь столько есть, то станешь толстая и некрасивая, и на тебе никто не женится... придется мне!

– Я и так толстая и некрасивая, – невозмутимо ответила второкурсница Бай Юйшу, поглощая тако в университетском кафетерии. – Найду себе толстого и некрасивого мужа. Выйду за Ай Вэйвэй!.. Ха-ха-ха!

Ай ВэйВэй, это был парень из их группы, который всегда спал на семинарах.

(Чан ЯньЮань:) – ...

В праздничном зале – музыка и смех, репродуктор перекрывает веселые голоса:

– Дорогие первокурсники! Вчера вы были школьниками, а с сегодняшнего дня вы – наши коллеги, будущее китайской науки! Завтра для вас начнутся дни, полные труда и испытаний, а сегодня – ваш праздник! Звучит вальс, дамы приглашают кавалеров!

(Чан ЯньЮань, после паузы:) – А-Юй, ты будешь кого-нибудь приглашать?

(Бай Юйшу, в клетчатой рубашке и в джинсах:) – Кто со мной пойдет танцевать в таком виде? Еще подумают, что я их граблю!

(Чан ЯньЮань, в клетчатой рубашке и джинсах:) – Может, найдешь кого-нибудь, кто так же одет?

(Бай Юйшу:) – Тебя что ли? Ха-ха-ха!

(Чан ЯньЮань:) – ...

В поточной аудитории – шепот и хихиканье, преподаватель читает из методички и клюет носом:

– Завоевания революции сделали бесправную женщину старого Китая полноправной женщиной нового Китая... отношения полов в свете марксистско-ленинского учения...

(Чан ЯньЮань, подвигается и шепчет в ухо:) – Товарищ Бай, вы как, за отношения полов или против?

Третьекурсница Бай Юйшу поворачивается – на подбородке прилеплена наслонявленная бумажка, разодранная на полоски.

(Бай Юйшу, давясь от смеха:) – Я – Карл Маркс!

(Чан ЯньЮань:) – ...

В археологическом лагере оживление, студенты делятся по парам для выполнения задания.

(Наивная девушка с другого факультета:) – Чан ЯньЮань, хочешь со мной...

(Бай Юйшу:) – Занято!

(Студенты из их группы, безнадежно:) – Вот так всегда.

(Чан ЯньЮань, обнимает Бай Юйшу за плечи:) – Это потому что она без меня жить не может...

(Бай Юйшу, стучит Чан ЯньЮань по лбу ладошкой:) – Это потому что в твоём буржуйском телефоне есть лазерный измеритель! Дурак!

(Чан ЯньЮань:) - ...

Бай Юйшу, которая казалась уже спящей, вдруг широко открыла глаза.

Некоторые люди лежат в коме десять лет и все равно не просыпаются! Что, если я никогда больше не увижу Чан ЯньЮаня?

Я должна вернуться!

Может быть, есть способ заставить себя очнуться?

Она читала "Череп единорога" Харуки Мураками. Там персонаж заблудился в своём подсознании и, чтобы выбраться, ему нужно было найти точку выхода в мире, который он себе представлял во сне. В книге это был пруд, в который надо было нырнуть.

Может быть, в этом мире тоже есть дверь наружу? Надо найти ключи, которые приведут ее к этой двери!

Или, как в компьютерном квесте, может быть, надо выполнить сколько-то заданий и набрать нужное количество очков?

Так... что мы имеем...

Обычно квесты начинаются с простых заданий: одеться, умыться, выйти из комнаты, поговорить с кем-нибудь...

Одеться... м-да... похоже, что все попытки она израсходовала. Миссия невыполнима.

Причесаться... не знаю, не знаю... Интересно, меньше ноля можно получить?

Приходилось признать, ни умыться, ни причесаться она не в состоянии...

Зато теперь у нее есть служанка! Которая очень хорошо умеет одевать ее, причесывать и наносить макияж! Это большой плюс... Зато еще у нее есть буйнопомешанный муж... Который, как только она на себя что-нибудь наденет или причешется, прибегает и все ломает!

Кстати, насчет макияжа... не надо вспоминать о макияже.

Что еще от нее требовалось?

Налить чаю родственникам... незачет. Одна хорошая новость – родственники остались живы.

Визит к старшей сестре... Старшая сестра ее побила.

Дальше... Бай Юйшу покраснела.

Служить мужу в постели... Учитывая, что он сбежал от нее и больше не вернулся, очков за благосклонность господина ей не видать, как своих ушей.

Остались еще какие-нибудь задания?

?..

Твою мать!

Родить ребенка! Э-э... Будем надеяться, что господин передумал. Вон у него сколько женщин, целый гарем, пускай рожают! Почему все я?!

Так... В любом случае, первое, что надо сделать – это собрать информацию о местных порядках. Пока она даже не знала, как зовут ее мужа и служанку!

Придя к решению, Бай Юйшу наконец успокоилась и, измученная, уснула.

Первое, что она увидела, открыв глаза, – это букет хризантем на столе в ногах кровати. Оранжевые и розовые шары цвели, как фейерверки, в лучах солнца, лившихся из окна.

Уже осень?

Она хотела поднять руку, но рука не слушалась. Непреодолимая слабость наполняла все тело. Все вокруг было светлым и белым: и кровать, и стены, и металлические стулья. Чан ЯньЮань, вытянув ноги, спал в кресле в простенке между двумя окнами. За окнами краснели клены, а над ними – синело глубокое небо. Воздух был полон золотым сиянием, как это бывает в октябре.

– Чан ЯньЮань!..

Губы еле шевельнулись. Горло было парализовано.

– Чан ЯньЮань!..

Непонятный шепот вместо слов.

Чан ЯньЮань спал и не слышал.

Почему у нее тело, как будто неживое?! Сколько времени прошло?!

Чан ЯньЮань, я хочу сказать тебе, как сильно я тебя люблю! Как давно я тебя люблю! Даже если ты не хочешь меня, я все равно тебе скажу!

– ... – только стон из непослушных губ.

Чан ЯньЮань открыл глаза.

—

*[33] ## /ku hai/ (букв. "горькое море") – море горечи, пропасть страданий (в буддизме)

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 14. Чэнь Ин, наглый крестьянин

Бай Юйшу проснулась от того, что маленькая служанка тербит ее за рукав:

– Вставайте, госпожа, вставайте!

Крик петуха на улице.

Бай Юйшу бессильно закрыла глаза.

– ... Оставь меня на несколько минут.

– Госпожа, Ми-фужэнь будет ругаться!

– Пускай ругается, – тихо сказала Бай Юйшу.

Ей хотелось еще немного побыть в шанхайском октябре.

Рядом с Чан ЯньЮанем.

Ее сердце было наполнено одновременно сладостью и горечью.

Для нее прошел один день.

Один день, как я не видела тебя, минул, как три месяца!*[34].

Но не было в ее сердце отчаяния.

Я вернусь к тебе.

– Одеваться! – приказала Бай Юйшу.

Сейчас мы будем выяснять, что у вас тут за дела.

Служанка прибежала с чистыми рубашками. Первым делом она сунула Бай Юйшу паровую булочку с ягодной на-

чинкой:

– Подкрепитесь госпожа!

– Милая девочка, а как тебя зо...

Твою мать! Ну я и дура.

Лицо девочки приняло удивленное выражение, она открыла рот, посмотрела на Бай Юйшу, а потом вдруг заулыбалась с хитрым видом.

Попался, коммунистический шпион, проклятый враг нашей любимой феодально-рабовладельческой родины!

Никогда Бай Юйшу не была так близка к провалу.

Ей некого было винить кроме себя самой!

Девочка ухватила с подноса еще одну булочку и радостно заявила:

– Меня зовут Ли Лэ!*[35]

При этом она качала булочкой в воздухе, как будто это булочка разговаривала. Потом она старательно вылепила на белом хлебном тельце две ручки и проткнула пальцем глазки.

(Бай Юйшу:) – ... ?!..

– Здравствуй! А тебя как зовут? – спросила булочка Ли Лэ.

– Конечно, мы уже слишком большие, чтобы так играть, – критически заметила служанка, высовываясь из-за своей куколки.

По ее довольной физиономии что-то не было заметно, чтобы она была слишком большая.

– Меня зовут Бай Юй. А сколько тебе лет? – запищала Бай Юйшу, размахивая своей булкой и размышляя, применялся ли когда-нибудь в истории разведки такой интересный метод.

– Мне почти двенадцать! – гордо сообщила булочка Ли Лэ. – А тебе сколько лет?

Пауза.

– Давай лучше наоборот, – сказала Бай Юйшу. – Я буду ты, а ты будешь я. Так интереснее.

Чувствуя себя немного идиоткой, она тоже проковыряла глазки у своей игрушки.

– Мне в этом году исполнится восемнадцать лет, – похвасталась булочка Бай Юй.

– Какая ты большая! Ты уже замужем? – спросила ее булочка Ли Лэ.

(Булочка Бай Юй, кивает всем тельцем:) – Да, да.

(Булочка Ли Лэ:) – А как зовут твоего мужа?

(Булочка Бай Юй, хихикает:) – Его зовут господин Двухголовый Дракон.

Да, блин!

Ладно, сейчас что-нибудь придумаем...

Булочка Бай Юй в это время важно прохаживалась по столу и здоровалась с чашками.

(Булочка Ли Лэ:) – А почему твоему господину так важно, чтобы ты родила ему ребенка?

– Ах, – вздохнула булочка Бай Юй и горько развела игру-

печными ручками. – Потому что все дети от других жен у него умерли.

Булка вывалилась из руки Бай Юйшу.

– Я больше не играю, – сказала она.

Что тут вообще творится?!

– Ах, я огорчила госпожу! – закричала Ли Лэ. – Не расстраивайтесь, госпожа, уж вашему-то ребенку ничего не грозит, вы ведь из семьи Бай!

Да что это за семья такая?!

– У семьи Бай тоже есть проблемы, – осторожно ответила Бай Юйшу. – Отцу ведь нужна была защита от Чэнь Ина.

Кулачки Ли Лэ грозно сжались.

– Такой негодяй! Вообразил, что может жениться на одной из дочек Бай! Низкий крестьянин, а хочет залезть выше вместе в фениксом!

– Куда катится мир! – поддержала ее Бай Юйшу.

– Стоит человеку завести двадцать тысяч войска, и он думает, что ему все можно!

– А...

"Это меняет дело," – подумала Бай Юйшу.

– Ну и как, женился? – спросила Бай Юйшу.

– Кто?

– Чэнь Ин.

– Так вас же батюшка ваш спас, уговорил господина взять вас в гарем!

У Бай Юйшу отнялся язык.

Это называется, спас?! Отдал в наложницы садисту-гип-попотаму – это, твою мать, он меня так спас?! Да этот Чэнь Ин, он, может, в сто раз лучше?! Может он примерный семьянин и жену не бьет?!

Мало ли что крестьянин, у него, между прочим, двадцать тысяч войска! А вы с вашими отсталыми классовыми пред-рассудками все окажетесь на свалке истории!.. Через две с половиной тысячи лет.

(Бай Юйшу, отрешенно:) – Кошмар какой, я больше не хочу жить.*[36]

(Ли Лэ, с готовностью поддерживает:.) – Кошмар, кошмар. Сколько страху вам пришлось натерпеться, госпожа, все в голове перемешалось!

(Бай Юйшу:) – Э-э... я хотела сказать, а больше он ни на ком из семьи Бай не женился? Я же не единственная дочь в семье.

(Ли Лэ, вдумчиво выпячивает губу:) – Это и вправду странно. Если ему взбрело в голову жениться на знатной де-вушке, так не все ли равно, на какой? Нет, ему возьми вас да подай!.. И умолял вашего отца, и угрожал, и выкрасть вас пытался!..

"Хм. С этим Чэнь Ином что-то не так, надо узнать о нем поподробнее," – подумала Бай Юйшу.

Ли Лэ трудилась над прической госпожи и продолжала возмущенно пыхтеть под нос:

– Какой-то тележник... нахал... пускай найдет себе... те-

лежницу!.. Госпожа, посмотрите, хорошо?

Бай Юйшу оглядела себя в высоком медном зеркале – знакомый облик, она не сильно изменилась, попав в этот мир. Ну и ладно.

И в то же время, ей не очень верилось, что эта элегантная замужняя дама из знатного семейства – она.

Розовато-пепельное цюйцзю пао с белой облачной вышивкой по краям обвивало ее стан и подчеркивало изгиб тела. Широкие рукава – как крылья феникса. Высоко собранные волосы были скручены в несколько жгутов, затейливо переплетавшихся и украшенных золотыми шпильками с жемчужинами. Бежево-розовые тени, в тон пао, эффектно удлиняли глаза.

Тысяча прелестей, сотня кокетств.*[37]

Затмит луну и посрамит цветы.

Бай Юйшу заплакала в душе горячими слезами.

Она чувствовала себя, как мороженое в вафельном рожке!

Она сделала вдох-выдох.

Ну и пусть. Не то чтобы я собиралась играть здесь в баскетбол.

Что у нас дальше по плану?

Половину шичэня (=1 час) *[38] Бай Юйшу тренировалась ходить по комнате в своих красивых сесяо с декоративными мысками, хватаясь иногда за мебель и пиная сундуки. В конце концов она выполнила несколько проверочных кругов мелкими шажками, боковым приставным шагом и бегом

трусой – и осталась в целом довольна результатом.

Вот теперь она была готова выйти в свет!

Она отворила двери и улыбнулась ясному дню.

В небе, высоко над нами,

Ласточки ведут хоровод.

Мы обходим веранду

Западной стороною. *[39]

Она сделала шаг на веранду.

Большая, большая ошибка.

– Бай Юй!!!

Бай Юйшу тяжело вздохнула.

Ми-фужэнь, наверно, прогуливалась у нее перед крыльцом несколько часов и караулила ее.

– Стой, негодница! Не смей прятаться от меня в комнату!

Бац!

– Шшух!

Видимо, наставления маленькой служанки не прошли для Бай Юйшу даром – она машинально увернулась от пощечины.

– Ах ты нахалка!

В результате Ми-фужэнь отхлестала ее по обеим щекам с воплями:

– Ты что устраиваешь?! Ты нас всех опозорить хочешь?! Ты почему не умеешь прилично красить лицо?! Как я?!

Палец, который Ми-фужэнь приставила к носу Бай Юйшу, тряся от злости.

Бай Юйшу собрала все свое мужество и посмотрела в зашпаклеванное лицо фужэнь, которое при дневном свете выглядело еще более жутким. Встретив взгляд разъяренной мегеры, она быстро опустила глаза, но тут же, непроизвольно, снова подняла, как будто не в силах оторваться от фильма ужасов – смотреть страшно, а не смотреть еще страшнее!

Ми-фужэнь яростно пучила глаза, и от этого было видно, что зрачки у нее огромные, сизого выцветшего цвета – не черные, как у всех людей. Радужная оболочка была белесой, с синеватым оттенком и с кровавыми прожилками. Ми-фужэнь с покрашенным красным ртом действительно выглядела, как вампир, которому вредно выходить на дневной свет!

Она что, слепая?!

– Бац!

– Ой!

Нет, не слепая!

– Глаза опусти, когда с тобой старшая сестра разговаривает!

После Ми-фужэнь, как после налета японских бомбардировщиков, местность лежала в руинах. Бай Юйшу тоже лежала в руинах, особенно ее красивая прическа.

Ласточки, мерзавки, продолжали весело кувыркаться в небе над двором.

Никому не было дела до несчастной Бай Юйшу.

– Приложи к щеке ядовитый плющ, – услышала она рядом с собой тихий голос.

И на звук этого голоса соловьи слетелись из окрестных рощ.

—

*[34] ##### Один день не видела, как три месяца, ах! ("Шицзин") Уйду ли, мой милый, на сбор конопли, / Лишь день мы в разлуке, но кажется мне: / Три месяца был ты вдали!

*[35] ## Ли (слива) Лэ (счастливый) – некоторые семьи, приобретая девочек в услужение, давали им новые имена, которые должны были принести в дом удачу ("счастливый", "удачливый" и пр.)

*[36] #### букв. "боль несчастья заставляет желать больше не существовать"

*[37] #### – «тысяча нежностей, сотни кокетств» (об обворожительной манере женщины)

– «затмит луну и посрамит цветы»

*[38] ## шичэнь (= 2 часа) – по древнекитайскому счету времени сутки делились на 12 шичэней

*[39] Синь Цицзы (12 в.)

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 15. За крапивой

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Но долгою сушью и зноем крапиву сожгло.

Покинуть супруга беда заставляет жену,

Его покидая, вздыхает она тяжело,

Его покидая, вздыхает она тяжело,

Увидеть пришлось от супруга и горе, и зло.*{40]

Девушка улыбалась Бай Юйшу – та самая, что прошла
вчера по галерее в северный флигель.

– А?

– Подержи у щеки ядовитый плющ. Она распухнет и господин спросит, что с тобой случилось. Тогда ты ему пожалуешься на Ми-фужэнь, – шепотом сказала девушка.

Бай Юйшу смотрела на нее с открытым ртом.

– А?

Девушка тихо засмеялась.

Она вся была тихая и ясная, как свет луны.

– Зови меня Ваньсин-цзецзе, – сказал она.

Бай Юйшу посмотрела ей вслед.

Ваньсин*[41], вечерняя звезда. Это было хорошее имя для нее. Люди зовут Венеру утренней звездой, но не все знают, что у нее есть и другое название – вечерняя звезда. Венера появляется в небе то в предрассветный час, то в начале ночи. Ваньсин-цзецзе была, как Венера, – прекрасная и да-

лекая, она тихо появлялась и исчезала.

Еще одна старшая сестра?!

Наверно, это та самая наложница, которой господин отдаст все свое расположение. Впервые Бай Юйшу была с ним в чем-то согласна. Но все-таки, когда она представила это волосатое чудище рядом с Ваньсин-цзеце, у нее вырвался безнадежный вздох.

Ли Лэ была занята уборкой, когда дверь открылась и на пороге безмолвно возникла ее госпожа.

Бай Юйшу стыдно было смотреть в глаза служанке.

Она чувствовала себя, как хулиган из пятого "Б", которого отпустили во двор во всем чистом, а вернулся он с синяком под глазом, в разорванных штанах. И соседка орет, что он разбил ей окно мячом.

Каждый раз, когда она выходит на улицу, она как будто попадает в зону военных действий!

Если так дальше пойдет, ей вообще придется сидеть в своих покоях и носа не высовывать.

Где искать этот ядовитый плющ и как вообще он выглядит?!

Я знаю только крапиву!

...

Тоже сойдет!

Солнце опускалось за забор. На заборе сидел кот и лизал лапу. Вдоль забора ходила элегантная молодая госпожа в сопровождении служанки.

– Кис-кис-кис, – сказала госпожа. – Киска, ты не знаешь, где у вас тут растет крапива?

Кот с презрением посмотрел на госпожу, которая ищет крапиву, и начал лизать другу лапу.

Они обошли уже пять дворов и нашли хозяйство в прекрасном состоянии – нигде ни лишней соринки, ни травинки. Ни травинки! Бай Юйшу с гордостью убедилась, что ее дядя цзюнь-шоу поддерживает образцовый порядок в своем поместье и не имеет ни крупицы художественного вкуса. Несколько маленьких клумб и кустов, которые им попались, жались к верандам с не очень уверенным видом, словно сомневались, не ошиблись ли адресом, где им надо было вырасти. Встретившиеся по дороге слуги все были суровыми мужиками с мечами на боку, с метлами и граблями в руках, занятые тем, чтобы сделать территорию еще более лысой и унылой.

Усадьба напоминала скорее военный лагерь, чем жилище зажиточного семейства. Дома имели простую архитектуру, а дворы были похожи на плацы перед казармами.

Бай Юйшу и Ли Лэ обыскали всю доступную им территорию – там, где были женские помещения и хозяйственные постройки. В остальную часть усадьбы Бай Юйшу как наложнице вход был запрещен.

– Госпожа, – шепотом сказала Ли Лэ. – Почему этот юноша ходит за нами?

Они как раз дошли до очередного забора и топтались пе-

ред ним, не зная, куда бы еще пойти.

Мальчик-слуга, увязавшийся за ними, нерешительно остановился в нескольких шагах. Он посмотрел на небо. Он посмотрел на забор.

(Бай Юйшу, шепотом:) – Тихо. Не смотри туда. Идем, как будто ничего не замечаем.

Она с невозмутимым видом, чинно сложив ладони в рукавах, пошла вдоль бамбукового забора и вошла в проход за сараем. Сделав один шаг, она вдруг прижалась спиной к сараю и дернула Ли Лэ к себе:

– (шепотом) Делай как я!

Через три секунды послышались шаги, и мальчик торопливо вошел в проулок. Он действительно следил за ними!

Не успел он сделать шаг, как наткнулся на подножку, выставленную ему поперек пути! Бай Юйшу пришлось импровизировать, но прием она провела успешно: подсекла злоумышленника правой ступней и в то же время схватила его левой рукой за шиворот. Он запнулся и полетел носом в землю!

Бай Юйшу только не учла, что у нее теперь было нежненькое белое тельце семнадцатилетней девочки, а не тренированное тело двадцатисемилетней чемпионки по скалолазанию, покорявшей Богду и Конгур-таг.*[42]

Она не удержала вес противника и рухнула на него!

(Ли Лэ;) – На тебе!

Он стукнула лежащего на земле юношу ногой.

(Ли Лэ:) – Не смей трогать мою хозяйку!

(Бай Юйшу:) – Ой.

Она вообще-то не хотела валить ребенка на землю. Она просто собиралась поймать его и придержать за шиворот, чтобы немножко напугать и поговорить с ним.

(Ли Лэ:) – На тебе!

(Бай Юйшу, поднимаясь на ноги и отгаскивая расшвырявшую Ли Лэ:) – Мальчик, ты не ушибся?

Мальчик, пошатываясь, встал и потер бок.

– Что вы, что вы, госпожа. Ничтожный слуга в порядке. Лучше не бывает, – спокойно ответил он.

Бай Юйшу показалось, что она уловила в голосе иронию, но это было ровно на секунду – на измазанном землей лице подростка не было и следа непочтительности. Его серые глаза смотрели наивно и приветливо. У него было миловидное лицо, совсем детское, с нежным подбородком и по-детски округлыми щеками. Рассмотрев противника получше, Бай Юйшу почувствовала себя неловко. Она опять бьет детей!

Кажется, она вчера видела уже этого юношу во дворе.

– Ты зачем ходишь за нами?! – Ли Лэ трепыхнулась в руках хозяйки и попыталась достать врага кулачком.

Мальчик поклонился и сказал:

– Я просто хотел сказать госпоже, что рад служить ей.

– Госпоже никто не нужен! Я служу госпоже! – надменно ответила Ли Лэ и, подняв голову, с вызовом посмотрела на наивное и приветливое лицо нового знакомого. Его обаяние

никак не действовало на Ли Лэ.

– Ты такая умная и преданная девочка, – согласился подросток.

Он разговаривал с Ли Лэ, как с маленьким ребенком, хотя сам был всего на год или на два старше нее.

– Полная бодрости. Как солнце ранним утром, – добавил он любезно.

Язык у этого средневекового парня был подвешен что надо!

Он бы точно понравился товарищу Мао! *[43]

(Мальчик:) – В цветущей поре жизни.

(Бай Юйшу:) – ???

Точно бы понравился!

(Ли Лэ, надменно:) – Хм.

Она, как курица-наседка, обхватила Бай Юйшу и подталкивала ее подальше от неподобающих знакомств.

(Мальчик, кланяясь им вслед:) – Госпожа, я всегда готов служить вам.

(Ли Лэ, ревниво тесня Бай Юйшу дальше по тропинке, подростку:) – Уходи.

(Бай Юйшу, пытаясь противостоять натиску Ли Лэ:) – Да подожди ты!.. Мальчик, ты можешь достать мне немного крапивы?

Юный слуга приподнял брови и моргнул, не уверенный, что он услышал правильно. Он встретился взглядом с котом на заборе.

– Такие, брат, дела, – безмолвно ответил кот, задрал хвост и спрыгнул с забора по другую сторону. Подальше от идиотов.

– Ага... крапивы... – повторил юноша. – Госпожа ничего не путает?

(Бай Юйшу:) – Крапива! Из нее полотно ткут!

(Мальчик:) – ...

(Бай Юйшу, закатывая глаза:) – Зеленая! С листиками!

(Мальчик, медленно:) – Их еще можно высушить...

Он вообще о чем?!

(Мальчик:) – ... и насыпать, например, в курильницу?...

Разговор становился все более странным.

(Бай Юйшу:) – ...

(Мальчик) -... (выжидательно на нее смотрит)

(Бай Юйшу:) – Да не конопли, а крапивы! *[44]

– А зачем госпоже крапива? – спросил юный слуга, в последней попытке увидеть в создавшейся ситуации хоть какой-то смысл.

(Бай Юйшу:) – А... ... Я хочу выдрать крапивой свою служанку!

(Ли Лэ:) – ???

Таков был авторитет госпожи для Ли Лэ, что в следующую секунду малышка рубанула воздух кулачком и решительно сказала:

– Давно пора!

Они обе энергично кивнули, выжидательно глядя на юно-

го прислужника. Выражение их лиц говорило "Хотим красоты!"

Юноша сдался.

И злорадно посмотрел на Ли Лэ.

– Я знаю одно место поблизости... – сказал он. – Один овраг за усадьбой.

– Но нам же нельзя выходить за ворота!.. И как мы пройдем к выходу, там главный двор, и помещения хозяев!.. А Ми-фужэнь?!.. А этот?!.. – встревоженно зашептались служанка и госпожа.

Предприятие становилось все более безнадежным.

– В северной стене есть калитка, – сказал их новый знакомый. – Ее иногда оставляют открытой...

Он привел их к каменной стене на хозяйственном дворе. Судя по наваленным у строений корзинам и доскам, в этой части поместья располагались склады, поэтому сюда слуги заходили только, если их посылали принести что-нибудь. Обычно двор был безлюдным – как и сейчас.

Калитка была заперта изнутри.

Мальчик-слуга быстро огляделся и вытащил засов из толстых медных скобок.

– Быстро! – тихо приказал он совсем не услужливым тоном.

Вслед за этим он с неожиданной силой вытолкнул их обеих в открытую дверь.

Не успели служанка с госпожой опомниться, они уже были

за стеной!

Бай Юйшу начала жалеть, что затеяла это дело с крапивой. Как ее угораздило связаться в такую авантюру?!

Если ее здесь застукают, от нее мокрого места не останется!

– Госпожа, ничтожный слуга виноват! – сказал милый юноша с поклоном. – Но если бы вас увидели возле двери, нам бы всем не миновать беды!.. Потом меня накажете.

– Ты куда нас затащил? – шепотом начала ругаться Ли Лэ. – Госпожа, не надо было верить ему!

– Вам крапива нужна или нет?!

– Кончайте ругаться! Давайте скорее все сделаем и вернемся!

Они втроем побежали к оврагу, по дну которого тек мелкий ручей. Глинистые склоны были сплошь покрыты зарослями густой, зеленой, волосатой и злой, как собака, крапивы, увидев которую Бай Юйшу сразу забыла про все свои печали. Эта крапива была прекраснее, чем самые изысканные орхидеи! И точно не хуже ядовитого плюща. Даже лучше.

– Fuck!

Юный слуга отдернул руку и засунул обожженный палец в рот. При этом он с интересом смотрел на Бай Юйшу, словно ожидая похвалы.

– Больше так не говори, – строго сказала Бай Юйшу. – Дети не должны говорить такие слова.

– Как прикажет госпожа, – почтительно ответил мальчик,

но в его взгляде промелькнула усмешка, и уголок губ дрогнул, словно Бай Юйшу сказала что-то забавное.

Он опустил голову, взялся за широкий плотный отворот рукава, натянул его на ладонь и за пять секунд нарвал большой пучок крапивы.

В своих покоях после вечернего умывания, Бай Юйшу, в чистенькой белой рубашке до пят, села на кровать и прижала к щеке большой крапивный лист.

– Ой-ей-ей-ей-ей-ей-ей-ей... – завывания над поместьем. Как будто кричали сто тысяч неприкаянных душ.

—

*[40] "Ши цзин", "Песни царской столицы"

*[41] ## ваньсин, вечерняя звезда

*[42] вершины в Синьцзяне (Конгур-таг – 7720 м, Богда – 7445 м – высшая точка восточной части Тянь-Шаня)

*[43] Мао Цзэдун, сборник цитат "Маленькая красная книга":

"Вы, молодежь, полные бодрости и жизненных сил, найдитесь в цветущей поре вашей жизни, как солнце в 8-9 часов утра. С вами все наши надежды."

*[44] Растения, использовавшиеся для ткачества в древнем Китае, это конопля и китайская крапива рами.

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 16. Доктор Фэн изгоняет из Бай Юйшу нечистых демонов

– Аааа... – предсмертный сиплый стон. – Аа...

– Fuck!

Кто же знал, что у этого тела аллергия на крапиву?!

– Ыыыыы!!! Моя бедненькая госпожа-а-а-а!!!

– У вас мозги из головы лезу-у-у-ут!!!

Бай Юйшу хотела подарить своей бестолковой служанке саркастический взгляд, но глаза у нее заплыли так, что осталась только одна узкая щелочка слева, пропускавшая чуть-чуть света, как будто Бай Юйшу пила, не просыхая, три месяца. Красные щеки висели и тряслись, как у индюка, потому что Бай Юйшу безмолвно плакала, но слезы не пролезали наружу. Внутри у нее была вся скорбь мира, а снаружи – самодовольная распухшая рожа с перекошенными в людоедской ухмылке вздувшимися губами, из которых исходило нечленораздельное сипение.

– Топ-топ-топ-топ, – Ли Лэ убегает.

– Топ-топ-топ, – Ли Лэ прибегает.

– Бам-бам-бам... – еще кто-то прибегает.

– А-а-а-а-а!!! Бам-бам-бам! – убегает.

– Топ-топ-топ... Тап-тап-тап... Бум-бум-бум... – куча народа бежит по комнате.

– О небо! Бумц! – кто-то свалился в обморок.

– Шарк-шарк-шарк... – чьи-то шаркающие шаги.

– Где больной? – важный старческий фальцет. – А-а-а-а-а!

– Доктор! И-ши!*[45] Спасите мою госпожу! У нее мозги

из головы вылезли.

– Глупая девчонка, – высокомерно заявил тот же дребезжащий голос. – Как у нее могли вылезти мозги?.. Она же женщина, у нее нет мозгов!.. Дура, разве ты не видишь, что это нечистые демоны исползают из нее через девять отверстий?*[46]

– Аах! – общий испуганный выдох, шум подавшихся назад людей.

Жесткий палец потыкался бедной Бай Юйшу в раздутую щеку:

– Тын-тын...

– Да, исползают, – сухо подтвердил свой диагноз и-ши.

– Идиоты, у меня аллергия! – пыталась сказать Бай Юйшу.

– И злобно шипят, – добавил доктор.

Дайте мне зиртек!

(Доктор, торжествуя:) – Что, испугался, мерзкий демон?!

(Бай Юйшу, крик внутри:) – Да кто тебя испугался, старый хрен!?! Шарлатан!

(Бай Юйшу, звук снаружи:) – Сссс...

(Доктор:) – Твои мольбы о пощаде никого не разжалобят!

Сегодня ты имеешь дело с самим доктором Фэн Цзы!

(Бай Юйшу: крик внутри:) – С кем?!!!*

—
* Имя ## Фэн Цзы (# даровать , # трудолюбивый) звучит как ## "фэнцзы", псих

—
(Бай Юйшу, звук снаружи:) – Сссс...

(Доктор Фэн, пафосно, работает на публику:) – Мне покорен сам повелитель демонов Чжун Квэй, я управляю им с помощью своих амулетов!.. Но сначала надо выманить вас, подлые демоны, наружу!

(Почтительный голос из массовки:) – Почтенный и-ши, как же вы заставите демонов выйти?

(Доктор Фэн:) – Демоны любят все мерзкое. Необходимо намазать пациента...

(Бай Юйшу, думает:) – Мне это не нравится!

(Доктор Фэн:) – ... пометом летучих мышей!...

– Бум! – рядом с кроватью поставили что-то глиняное, судя по жуткому запаху – горшок с мышиным говном.

(Доктор Фэн, развивает медицинскую мысль:) – ... и для воскурения поджечь кошачий хвост!*[47]

– Мммяяяяаааа!!! – кошачий вопль.

– Ссссс!!! – Бай Юйшу начинает отбиваться и, ничего не видя, пихать и толкать что попало.

– Мммяяяяяаааа!!! – кошачий вопль из-под ног.

– Ох! Уя!.. Держите ее! – вопли доктора Фэна.

– Бряк! – звон разбитого горшка.

– Бум!.. Ох-ох-ох! – видимо, упал доктор.

– Топ-топ-топ-топ! – убегают много ног.

Бай Юйшу с раздутой головой, в длинной белой рубашке, вслепую шарила вокруг себя руками. Встать у нее на пути желающих не нашлось.

Она нащупала дверь.

Слуги во дворе привычно бросились врассыпную.

Вороны завывали от тоски.

Собаки в страхе взлетели с деревьев.

Бай Юйшу наощупь продвигалась по веранде. Инстинкт говорил ей "Беги!" Разум говорил "#@*+ -=!!!"

Бумц!

Она врезалась во что-то большое и твердое. Дерево? Когда оно успело вырасти на веранде? Не важно! За деревом можно спрятаться!

Бай Юйшу нащупала ствол ладонями и обнаружила, что он покрыт жесткими чешуйками. Ее утонувший в щеках нос уловил запах кожи. Не дерево? ...? Крокодил на задних лапах? За крокодила можно спрятаться?

Тишина.

Все преследователи вдруг замолчали и больше не топали.

– Бай Юй?... – недоверчиво произнес над нею низкий голос.

Бай Юйшу подняла пузырь, который у нее был вместо лица, на звук голоса и водила из стороны в сторону незрячей головой. В углу деформированных губ раздвинулась маленькая щелочка и оттуда послышалось сиплое:

– Это я...

– ...

Руки Бай Юйшу безнадежно упали, как крылья усталой ласточки. Отчаяние сковало душу. Она поняла, что ей не спастись. Она вжала голову в плечи и только ждала, чтобы один удар окончил ее страдания, но человек, стоявший перед нею, молчал, и молчание это было страшнее горы Тай.

В следующую секунду ее настигли, схватили за обе руки и с торжеством поволокли обратно в спальню.

– Думали уйти от самого Фэн Цзы, глупые демоны?! – кричал Фэн-иши.

– Негодяйка! Позорище! – кричала Ми-фужэнь.

Через три дня отек спал и Бай Юйшу смогла встать с кровати.

Эти три дня... никогда в жизни она больше не хотела о них вспоминать.

Она даже заснуть не могла, потому что доктор Псих беспрестанно бормотал заклинания, раздавал приказы повелителю демонов Чжун Квэю и вел ожесточенные споры с нечистыми духами, которые окопались внутри Бай Юйшу. Иногда прибегала Ми-фужэнь, чтобы поорать и поругаться.

Утром на четвертый день Бай Юйшу села в постели.

В придачу к лекарственным средствам, которыми доктор Фэн обмазывал ее, он обложил всю Бай Юйшу амулетами, которые на самом деле были просто круглыми камушками с нацарапанными непонятными знаками – как будто доктор

был пингвин, только что достигший брачного возраста, который хочет понравиться самке и таскает ей самые красивые голыши с берега.

Амулеты посыпались с Бай Юйшу и покатались по полу во все стороны.

Мыться!

– Идемте на пруд, госпожа, – радостно сказала Ли Лэ, складывая одежду и банные принадлежности в огромную четырехугольную корзину.

– А дома я помыться не могу? – спросила Бай Юйшу, не совсем обретшее нормальный облик лицо которой, сложилось в несчастную гримасу.

Бай Юйшу не любила холодную воду! Разве после всех страданий она не заслужила полчаса в теплой ванне?

– Госпожа, лето на дворе, кто же греет воду, чтобы мыться? – удивилась Ли Лэ.

Конечно, пруд примыкал к усадьбе Ми-фужэнь.

– Нас не заругают? – с опаской спрашивала Бай Юйшу, семена по дорожке.

Если бы подчиненные увидели сейчас всемогущую заведующую сектора музейного хранения, они бы ее не узнали! Заведующая Бай очень естественно двигалась мелкими шажками в древнем цюйцзю пао и матерчатых туфельках с декорированными мысками, чинно сложив ладошки в широких рукавах и скромненько опустив голову. При этом она бросала настороженные взгляды по сторонам, потому что бо-

ялась получить оплеуху ни за что ни про что.

– Не бойтесь, госпожа, – сказала Ли Лэ. – Здесь забор и никого нет. Сюда кроме фужэнь и наложниц молодого хозяина никому нельзя заходить.

– А молодой хозяин... он не может сюда прийти?

Мало ей Ми-фужэнь. Не хватало только еще и на него нарваться!

– Господин третьего дня ушел с войском в Сянчэн, – ответила служанка.

Бай Юйшу резко остановилась, так что Ли Лэ вместе со своей корзиной чуть не врезалась в нее.

Вот это новость!

– Надолго?

– Говорят, может быть, на месяц, – пожала плечами Ли Лэ.

И сразу солнце засветило ярче.

Кувшинки развернули свои белоснежные венчики.

В густых зеленых ивах запрыгали и защebetали счастливые маленькие птички.

Весь мир открылся для радости, никто никого не боялся.

Зеленые и золотые стрекозы сели на теплые камни, сложили-разложили прозрачные крылышки, потом вспорхнули, начали танцевать над прудом, смеяться, обниматься и взблескивать, как драгоценные камушки.

В сердце Бай Юйшу, как на шелковом свитке Юнь Шопупина*[48], тоже расцвели цветы и птички.

Она вдохнула чистый, пропитанный солнцем, воздух, ка-

кого никогда в жизни не пробовала, набрала полные ладони прохладной воды и омыла лицо. Когда она убрала руки, на лице светилась улыбка. Следующая пригоршня воды полетела в Ли Лэ!

Две девочки в белых рубашках брызгались и гонялись друг за другом в маленьком пруду, а вокруг кружились зеленые и золотые стрекозы.

Юнь Шоупин смотрел на них с небес и радовался.

В своих красных сумрачных покоях, в окружении черных змей, красная женщина с закрытыми глазами, похожая на скелет, жгла травы в медной курильнице и качалась вместе с дымом, бормоча непонятные слова.

Она замолчала на полуслове и замерла.

Мутные глаза медленно открылись.

Огромные зрачки начали кататься из стороны в сторону в поисках добычи.

Ей показалось... откуда-то доносится веселый смех?

—

*[45] ## и-ши – почтительное обращение к доктору, т.е. "ученый доктор"

*[46] ## девять отверстий: рот, уши, ноздри, глаза, анус и мочевого канал. Важное понятие древней китайской и даосской медицины.

*[47] Суровые реалии древней китайской медицины.

*[48] Юнь Шоупин, художник 17 в., мастер жанра хуаняо ("цветы и птицы")

❀ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ❀

ГЛАВА 17. Предостережение замужним женщинам от близкого общения с младшим братом отца супруга

Не ведающие об опасностях, которые подстерегают каждого в этом полном жестокости мире, свежие, чистые, Бай Юйшу и Ли Лэ шагали по галерее, полные сил и надежд.

Забыв про три унылые дня на больничной койке, Бай Юйшу почувствовала, как будто заново родилась!

Все будет хорошо... так ей казалось, пока – Бай Юй! Негодяйка! – откуда ни возьмись налетела Ми-фужэнь, влепила Бай Юйшу пощечину и убежала.

Ее стремительный полет сопровождался гудением воздуха, как атака сверхзвукового истребителя. Не успела Бай Юйшу опомниться, как увидела, что Ми-фужэнь, заходит на второй круг!

Бай Юйшу торопливо засеменила через двор, притворяясь, что не слышит криков сзади:

– Стой, негодяйка!

Ми-фужэнь уже дышала наглой девчонке в спину и в азарте погони потеряла бдительность. Она забыла про опасности этого жестокого мира.

Раздался грохот и Ми-фужэнь чуть не кувырнулась через неожиданно прикатившуюся ей под ноги тыкву. Фужэнь успела затормозить и шагнуть назад. Ее нога наткнулась на другую тыкву и подвернулась!

Бай Юйшу нырнула в соседний двор и оттуда исподтишка наблюдала, как дюжина тыкв из разломанной повозки дружно катятся через двор, а Ми-фужэнь скачет между ними и шатается, пытаясь удержать равновесие и в недоумении тараща глаза.

Бай Юйшу показалось, за перевернувшейся повозкой промелькнул знакомый мальчик-слуга.

Бай Юйшу моргнула – и все, он исчез. На том месте, где он только что стоял, была пустота. Бай Юйшу не была уверена, не померещился ли он ей.

Этот пацан...

Со своими детскими глазками...

Бай Юйшу вдруг подумала, лучше с этим парнем не ссориться.

Она огляделась и обнаружила, что забежала во двор, который отделял южную, главную, часть усадьбы от хозяйственных помещений и гарема.

Двор был длинный и узкий, он тянулся поперек усадьбы по всей ширине. Вдоль его южной стороны стояло единственное продолговатое приземистое здание с несколькими дверями и общей верандой перед ними.

Ей нельзя было здесь находиться.

С той стороны дома, как и в прошлый раз, раздавался лязг железа.

Два мужчины с мечами вошли во двор из-за здания, увидели Бай Юйшу, удивленно остановились, поклонились ей и ушли обратно.

Ми-фужэнь в это время с помощью служанок восстановила равновесие, потеряла поясну и хищно огляделась. Глаза ее нашли Бай Юйшу, стоящую с открытым ртом в соседнем дворе и не знающую, что ей делать дальше. Со злобным шипением, плюясь во все стороны ядом, фужэнь устремилась к злосчастной наложнице.

В ту же секунду с противоположной стороны двора появился еще один человек. От его высокой фигуры, облаченной в темный чхан* (мужская юбка) со складками и белую рубашку, заправленную в него, исходило ощущение силы и властности. Он на ходу засовывал меч в ножны.

Солнце остановилось у него над головой и поливало сиянием его загорелое лицо и широкие плечи, натянувшие белое полотно рубашки. Когда он поднял глаза, солнечный свет не отразился от его черных зрачков, а утонул в них, как в колодце.

(Бай Юйшу, складывает ладони и сгибается в поклоне:) – Шушу.

(Ми-фужэнь:) – ... (тормозит и прячется за забором)

(Сян Лян, хмурясь:) – Бай Юй. Ты не должна здесь находиться.

Он торопливо оправил рукава рубашки, которые были до этого закатаны по локоть, и скулы его немного покраснели, как в прошлый раз.

(Бай Юйшу, мнется:) – Дядя, все дело в том, что...

Пауза.

(Бай Юйшу:) – Дядя, у вас нет для меня какой-нибудь работы?

Лицо цзюнь-шоу приобрело уже знакомое беспомощное выражение. Он никогда не мог угадать, что скажет эта девочка в следующую секунду!

(Сян Лян:) – Бай Юй, девочка, ты должна разговаривать со своим мужем, а не со мной.

(Бай Юйшу:) – ... (похоронное выражение на лице при упоминании о муже)

(Сян Лян:) – Сяо Цзи – хороший мальчик, объясни ему...

(Бай Юйшу, сердито думает:) – Я лучше объясню вон тем граблям, больше шансов на успех.

(Бай Юйшу, несчастным голосом:) – Но мой господин уехал и не скоро вернется, а я чувствую себя такой бесполезной! Хочу сделать что-нибудь для семьи. Внести свой вклад, так сказать...

"Смешная девочка, что только ни напридумывает," – подумал Сян Лян.

– Ты – женщина... – начал он успокаивающим голосом.

– ... ты бесполезная, – хотел он сказать, но подумал, что это невежливо.

В конце концов, женщины рожают детей, это их работа. Но от него-то что она хочет?! Пока муж уехал?!

Женщины также ведут хозяйство, но Сян Лян, большую часть жизни проведший в седле и на временных стоянках у костра, давно забыл, какое оно, это хозяйство, и почему его должны вести женщины. Его солдаты вполне справлялись со всеми домашними делами.

– ...ты можешь спросить у Ми-фужэнь, – с облегчением закончил он.

Бай Юйшу скосила глаза на Ми-фужэнь, вылезшую из-за забора и шагавшую взад-вперед мимо входа во двор.

Цзюнь-шоу тоже посмотрел туда.

Он вздохнул.

– Что ты умеешь делать? – спросил он.

– Я... – радостно начала Бай Юйшу и запнулась.

А что она умеет делать?

Рисовать!

Она посмотрела на дядю, который вдумчиво устраивал меч на поясе, и подумала, что его усадьба – явно не Сикстинская капелла, и заказ на росписи она не получит.

Оценить артефакт для аукциона!

Кому это нужно? Вот занять город, сжечь, разграбить и забрать сколько хочешь артефактов – да, годится. Но здесь и без нее это хорошо могут.

Делать красивые оригами... из бумаги... которую изобретут через пятьсот лет.

Пользоваться графическим планшетом... тепловизором... электронным микроскопом... О чем я вообще думаю?

Фотографировать... Водить машину с автоматической коробкой... А еще она была капитаном команды по скалолазанию в университете.

Бай Юйшу вспомнила про уроки резьбы в художественной школе!

– Я умею резать по дереву! Дядя, я могу сделать красивую ширму! Или... вырезать узор на перилах... вот здесь.

Дядя хотел сказать, что вырезать узор на перилах перед комнатой с метлами и граблями, может быть, необязательно, но посмотрел в просиявшее лицо Бай Юйшу – и махнул рукой.

Он сдался.

– Работай старательно. Я потом проверю, – сказал он, подняв одну бровь.

– Шушу, спасибо! Спасибо!

Бай Юйшу кланялась и складывала ручки. При этом она прочувственно уткнулась лбом в рукав, и у Сян Ляна появилось подозрение, что подлая девчонка там хихикает. Как будто он снова растил двоих хулиганов, которые ни в грош не ставили его суровость. Но хулиганов можно было, по крайней мере, отлупить...

Сян Лян вздохнул.

Два круглых глаза наблюдали за ним из-за широкого рукава.

Дядино строгое выражение было испорчено большой царапиной на щеке, из-за которой вид у него был немного мальчишеский. Он пришел в этот двор сразу после практики с мечами. Белая рубашка была измазана землей в нескольких местах, из простого солдатского пучка на лоб упало несколько прядей. Его темные глаза еще блестели после поединков, и он выглядел совсем молодым.

Бай Юйшу в тот момент подумала, что не зря "Книга обрядов" предостерегала замужних женщин от близкого общения с младшим братом отца супруга. Книга знала, что глупая женщина может забыть о том, что дядя из старшего поколения и поддаться его очарованию. Особенно, если он такой всесильный и добрый. И при этом так легко краснеет от смущения...

Бай Юйшу не заметила, как сама начала краснеть.

Сян Лян уже хотел повернуться и уйти, но кое-что вспомнил:

– Бай Юй, ты написала отцу? – спросил он.

– Ой, я забыла, – сказала Бай Юйшу.

Они посмотрели друг на друга.

Сян Лян просто не знал, что сказать.

Она даже не пыталась найти отговорку, взяла и ляпнула, как есть! Насколько он знал женщин, они так себя не ведут. Женщина всегда будет стараться оправдаться и спрятаться за красивыми ласковыми речами. А дочка Бай...

Он почувствовал, что уголки губ у него поднимаются

вверх против его воли и сжал губы, чтобы не поощрять такое безответственное поведение племянницы.

Он снова хотел уйти, но опять кое-что вспомнил.

Он спросил:

– Бай Юй, зачем ты пьешь так много водки?

(Бай Юйшу, столбняк:) – ...

(Бай Юйшу, крик внутри:) – !!! Твою мать! Хань Синь!

Чертов алкаш!

(Бай Юйшу, обретает дар речи:) – Ни-ни, дядя, что вы, что вы!.. Это, понимаете... все для обтираний... лечебные ванны с водкой... народное средство...

Сян Лян немного помолчал.

А, – сказал он и ушел.

Бай Юйшу отправилась со двора с намерением убить Хань Синя.

На ее счастье, Ми-фужэнь уже уползла в свое логово, только вездесущий юный слуга ошивался неподалеку.

– Мальчик, – позвала его Бай Юйшу.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда мальчик подошел.

Он поклонился и сказал, не сводя с нее преданных глаз:

– Госпожа, меня зовут Мао Цзэдун.*[49]

– Это... – Бай Юйшу ненадолго потеряла дар речи.

Когда она пришла в себя, она сказала:

– Послушай, Мао Цзэдун, ты знаешь Хань Синя?

Мальчик-слуга тоже потерял дар речи. Он открыл рот, хотел что-то сказать и безмолвно его закрыл.

Потом покачал головой и медленно проговорил:

– Сестричка, что ж ты такая тупая?

—

*[49] Мао Цзэдун ### – 1й Председатель ЦК компартии Китая, 1й Председатель Китайской Народной Республики (Великий кормчий)

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 18. Сестричка, мы мертвые!

Юный прислужник чуть не свалился на землю от смеха.

– Fuck! – стонал он. – (передразнивает) Детям нельзя такие слова говорить... ой... я сейчас умру... ох, ты меня до инфаркта доведешь!.. Я тебе сто раз пытался намекнуть, все бесполезно! Как в танке!.. Больше всего... Ха-ха-ха! (он доверительно склонился к ней) Больше всего мне понравилось, как ты первым делом принялась искать травку, чтобы покурить... Ха-ха-ха! Самым первым делом!.. Умная такая. Не успела умереть, уже косяк ищешь!...

Он утер слезы, которые от смеха лились по его симпатичному лицу и постарался принять серьезный вид.

– Жалко, что тебе нужна была просто крапива, – покачал он головой. – Пффф!..

Он снова согнулся пополам от смеха.

– Мальчик, поди сюда. Как тебя зовут... – простонал он, издевательски имитируя голос Бай Юйшу. – Меня зовут Мао Цзэдун!.. Ха-ха-ха!

Он наконец поднял взгляд на Бай Юйшу.

Ее лицо было мертвенно-бледным, даже губы побелели, только огромные черные глаза, страшные и неподвижные, были как провалы.

Юноша перестал смеяться.

– Сестричка, – сказал он. – Да тебя только что дошло? Мы мертвые.

Бай Юйшу следила за полетом стрекозы.

Стрекоза то зависала в воздухе, вибрируя крылышками, то начинала кружиться над лужей, а потом опять замирала на весу, только крылья чертили размытое золотистое облако.

Солнце все так же беззаботно освещало усадьбу и проникало на задний двор, где они прятались за сараем. Не проникало оно только в душу Бай Юйшу.

Ее душа застыла.

Время остановилось.

Мир лишился красок.

Конечно, прожив здесь столько дней, Бай Юйшу знала, что это никакой не сон, а реальность – такая же как ее жизнь в Шанхае. Но признаться себе в этой реальности означало распрощаться с надеждой вернуться в свою прежнюю, настоящую жизнь.

Она цеплялась за эту надежду, пока могла.

Больше не могла.

– Что ты сказал? – спросила она, еле двигая побледневшими губами.

– Мы мертвые.

Я мертвая...

Иволги песнь,

Ласточки песнь,

Тянется день бесконечно.

Двор опустел, и царит тишина,

Я в этом мире совсем одна

С душой, угасшей навечно! *[50]

– Эй, сестричка, – сказал мальчик, беря ее руку и ободряюще пожимая. – Умереть – это, конечно, не очень приятно. Но посмотри на светлую сторону: нам дали второй шанс!

Я умерла...

Зачем мне второй шанс, если я никогда больше не смогу увидеть тех, кого люблю? Мне не нужна эта жизнь.

Слез не было, но сердце болело так, словно умерла не она, а все ее любимые, оставшиеся в Шанхае. Они все превратились в бесплотные тени, затерявшиеся в глубинах истории.

В сакральных текстах, хрониках, в мифах и фольклоре Бай Юйшу встречала десятки упоминаний о переселении душ. Значит, Тиень дао, Небесный дао*[51], продолжает вершить судьбы, и он так жесток, как люди про него говорят...

Сранный Небесный Дао, не соответствующий марксистско-ленинскому мировоззрению и научному атеизму!

– В каком мы году? – безжизненно спросила она.

– Что?!

Мальчик не ожидал такого вопроса.

– Понятия не имею.

Бай Юйшу оторвалась от созерцания стрекозы, кружившей над лужей, и посмотрела ему в лицо:

– Ты знаешь, какой император сейчас правит?

– А...

Мальчик почесал в затылке.

– Шихуанди...

Шихуанди?!

Самый жестокий император в истории Китая?!

Не просто жестокий император – фанатик из царства Цинь, который сначала завоевал шесть древних царств, а потом объявил себя императором Поднебесной! Это время непрекращающихся войн и уничтожения сотен влиятельных семей! Это время четырех великих генералов! Жизнь человека не стоит ни гроша.

В исторической перспективе объединение Китая положило конец усобицам между царствами и принесло мир в Центральные Равнины. Без исторической перспективы – не дай бог оказаться поблизости! Для того, чтобы объединить Китай, Шихуанди сначала убил половину его жителей и казнил половину из тех, что остались. И все равно – впереди многочисленные восстания и новые войны, а дальше – сто лет нищеты и упадка.

– Шихуанди... умер сколько-то лет назад, – закончил юноша.

Это еще хуже! Это даже не Воюющие Царства! Это значит, войны идут внутри царств, свои режут своих. Несколько десятков претендентов ведут армии, чтобы занять трон Шихуанди! В Поднебесной нет ни клочка земли, ни угла, чтобы

спрятаться от беды! Население городов вырезается от стариков до младенцев, деревни вытаптываются конницей.

Неудивительно, что что поместье полно солдатами, даже феодалы не чувствуют себя в безопасности.

– Послушай, ты знаешь, как зовут нашего хозяина?

Мальчик с удивлением посмотрел на нее.

– Сян Лян, конечно. Разве ты не знала?

Бай Юйшу схватилась рукой за стенку, чтобы не упасть.

Сяо Цзи!

Она же знала, что детское имя Сян Юя – Цзи! Она так запуталась во всем, что с ней происходило, и была в таком расстройстве чувств, что не учла этот простой факт.

Сян Юй, величайший герой и убийца, – вот кто ее господин, а добрый шушу – Сян Лян, его дядя, который был Сян Юю вместо отца. Она давно должна была сама догадаться! Где были ее мозги?!

Достаточно посмотреть на солдат – они только что не молятся на Сянов, как и все остальное царство Чу.

– Область, в которой мы находимся, это Куайцзи? Куайцзи?*[52]

– Да... Кажется... Не тряси меня так... – с испугом отвечал мальчик.

Ну конечно! Дядя Сян Лян – Куайцзи-шоу, начальствующий над областью Куайцзи.

Бай Юйшу знала, как дядя Лян стал правителем. Она читала "Основные записи о деяниях дома Сян Юя" в "Истори-

ческих записках"*[53]...

Как дядя Лян стал правителем

Правителя области Куайцзи звали Тун. В девятой луне 209 года до н.э. он позвал к себе Сян Ляна, который имел очень большой авторитет, и сказал ему:

– Небо решило уничтожить дом Цинь, поработивший китайские царства. Все земли охвачены восстаниями. Пора и области Куайцзи примкнуть, потому что запоздавшему придется потом подчиняться, а тот, кто успевает вовремя, становится во главе. Я хочу, чтобы вы и Хуань Чу командовали восстанием.

Хуань Чу – это был приятель Сян Ляна, который в то время скрывался на болотах, потому что был не в ладах с законом.

Сян Лян ответил, что надо пригласить Сян Цзи, его племянника, потому что только он знает, где скрывается Хуань Чу, а Сян Цзи (т.е. Сян Юй) уже стоял за дверями с мечом наготове. Сян Лян моргнул ему и сказал ### "Теперь можно действовать!" Сян Юй отрубил голову правителю Тун. Сян Лян взял голову Тун-шоу в руки, спокойно отложил ее в сторону, нашел печать правителя области и повесил ее на пояс.

Слуги и охранники Тун-шоу хотели отомстить за своего господина и обнажили мечи, но Сян Юй убил их, одного за другим.

Сян Лян разбирал вещи покойного правителя Куайцзи и не волновался: Сяо Цзи – хороший мальчик, он все сдела-

ет правильно. В кабинет долетали предсмертные крики. Это продолжалось довольно долго – Сян Юй не остановился, пока не убил несколько десятков человек. Все остальные, кто находился в резиденции Тун-шоу, пали перед ним на колени и долго не осмеливались встать.

Все стали подчиняться приказам Сян Ляна. Он сделался правителем области Куайцзи, а племянника Сян Юя назначил помощником с обязанностями генерала, приносящего мир.

"Генерал, приносящий мир," в древнем Китае – это была очень интересная работа. Мир приносился путем усмирения восстаний и убийства населения. Войска, приносящие мир, были, по сути, карательными формированиями наподобие зондеркоманд SS.

Третьего дня, вспомнила Бай Юйшу, ее господин Сян Юй ушел с войском на Сянчэн.

Сянчэн! Это слово наполнило грудь тяжестью. Она знала, что там произойдет. Защитники города откажутся подчиниться Сян Юю, он возьмет город и истребит их всех до единого.

Бай Юйшу склонила голову, невидящим взором скользя по земле.

Потом она вдруг вернулась к реальности и схватила юного слугу за рукав:

– Нам надо бежать!

—

*[50] Ван Фэнсянь (16 в.)

*[51] ## тиень дао (небесный дао, небесный путь) – рок, судьба, божественный закон в даосизме

*[52] ## Куайцзи – область, учрежденная в царстве Чу в период правления Шихуанди после объединения Китая

*[53] ## "Ши цзи" ("Исторические записки") – труд придворного историографа Сыма Цяня, каноническая летопись древней истории Китая

—

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 19. Она вошла в их семью, но никого из них скоро не будет в живых

Пацана, на самом деле, звали Цуо Су и он не хотел никуда бежать.

– Если везде так опасно, как ты говоришь, нам повезло, что мы оказались в усадьбе Сян. Здесь столько солдат, нас кормят, мы под защитой, – что тебе еще надо?

Бай Юйшу не ожидала, что человек из 21 века согласен остаться слугой в чьем-то поместье. Она точно не собиралась всю жизнь торчать в гареме, но не в этом было дело.

Вся жизнь может подождать. когда прямо под ногами – гора из ножей и море из огня!* (####)

– Скоро начнется военный конфликт между царствами Чу и Хань, – сказала он мрачно.

– Пускай начинается.

– Хань победит!

– Ну и что?

– Идиот! Мы с тобой в Чу! Мы не на той стороне! Сян Юй погибнет и от всей семьи Сянов никого не останется!

По расширившимся глазам парня было видно, что до него, наконец, дошло.

– Сколько у нас еще времени?

– Дай подумать... Осада Гайся в 202 году... а сейчас... Сян Лян уже правитель Куайцзи, значит следующей осенью его убьют в бою с войском Цинь... сейчас лето...

Холод проник в сердце Бай Юйшу.

– Сейчас 2008 год до нашей эры... Примерно через два месяца Сян Лян должен погибнуть, – растерянно сказала она.

И ей стало больно внутри.

Она была там, в Шаньдуне, в том месте, где он был похоронен. Они ездили вместе в Чан ЯньЮанем. Там был лес, сосны и небольшая памятная доска на земле, усыпанной сосновыми иглами. Они с Чан ЯньЮанем достали бутерброды и сидели в осеннем лесу на поваленном дереве. Начался месяц холодной росы.*[54] Прозрачный воздух был, как вода в ручье, но солнечные пятна на древесине нагревались под прощальными лучами.

Холод, тепло и солнце остались в душе Бай Юйшу.

Так она запомнила тот день.

Сян Лян тогда был для нее исторической фигурой, вожакom мятежников, погибшим две с половиной тысячи лет назад. Про него была статья в Википедии.

А сейчас это был ее шушу, который говорил, что она хорошая девочка и что ее не надо обижать! Может быть, он казался ей семьей, просто потому что больше у нее никого не осталось... Какая разница?

Весь этот второй шанс и перерождение были злой шут-

кой Небесного Дао – вместо того, чтобы спокойно умереть и больше не мучиться, она тоскует по родителям и Чан ЯньЮаню, которые навсегда остались в Шанхае в 21 веке, сердце у нее болит при мысли о том, как они ее оплакивают, а теперь она должна лишиться единственного человека, который стал ей дорог в этом мире!

В 3 веке до нашей эры мужчины часто погибали на войне. Женщины провожали их и не знали, вернутся ли они домой. Им оставалось только ждать и надеяться.

Бай Юйшу знала, что шушу не вернется. Она знала, что он будет лежать где-то под соснами, и осенью они будут ронять на землю свои пожелтевшие иголки.

Человек не должен знать судьбу!

Тогда остается хоть какая-то надежда.

Бай Юйшу закрыла лицо руками.

Как будто это помогало ей заслониться от горя.

Столько всего обрушилось на нее, как будто гора придавила.

Она лежала под завалом, беспомощная.

Мальчик рядом с ней понял ее состояние по-своему.

– Эй, ну ты чего? Получается, у нас еще шесть лет. Мы все успеем решить, – сказал он.

– Нет у нас никаких шести лет, – глухо проговорила Бай Юйшу. – Через год начнется война с Ханем, а следующей зимой Хань вторгнется в Чу и захватит столицу. О семье Сянов в исторических хрониках с тех пор больше нет упоминаний,

понимаешь?..

Цуо Су, наконец, перестал веселиться.

– Но куда мы пойдём? – спросил он.

Куда им идти?

Ответить было непросто.

Вернувшись к себе, Бай Юйшу обнаружила, что Ли Лэ потеряв хозяйку, бежит взад-вперед по двору в большом волнении.

– Молодая госпожа! – закричала, девочка, бросаясь ей навстречу.

– Молодая госпожа? – она остановилась перед Бай Юйшу и не знала, что ей думать, глядя на безжизненное лицо хозяйки.

– Кто вас обидел?! – спросила дальше Ли Лэ, сжимая кулачки.

Бай Юйшу не смогла не улыбнуться.

Она была права, когда думала, что привязалась в этом мире только к одному человеку. Что бы она тут делала без Ли Лэ?

– Скушайте булочку, – предложила маленькая служанка. – Пойдемте, сейчас сладенького поедим... – уговаривала она, подталкивая Бай Юйшу к их покоям.

Бай Юйшу на ходу обняла девочку одной рукой и сказала:

– Наша Ли Лэ – лучше всех. Находится в цветущей поре жизни.

Ли Лэ поразмыслила и сказала:

– Это так.

– Но вы госпожа, тоже еще молодая, – добавила она.

– Ли Лэ, ты думала, что ты хочешь делать в жизни? – спросила Бай Юйшу, свернувшись несчастным калачиком на постели.

– Служить вам, госпожа! – как само собой разумеющееся ответила Ли Лэ, раскладывая на подносе булочки и закуски.

У Ли Лэ все было просто.

Бай Юйшу вздохнула.

– До самой старости? – спросила она.

– До самой старости! – радостно отвечала Ли Лэ, без смущения забираясь к хозяйке на кровать и утаскивая с подноса булку. – Я начала о вас заботиться, когда вы были совсем крошкой. Как же я вас оставлю? Все равно что бросить своего ребенка.

– А сколько же тебе было лет, когда ты начала служить мне? – спросила Бай Юйшу, как бы пытаясь припомнить.

– Мне в тот год исполнилось семь, – сообщила Ли Лэ, не видя никакой иронии в ситуации.

– Это значит, я была такой же крошкой, как ты сейчас? – поймала ее на слове Бай Юйшу.

Не тут-то было.

– Вы – совсем другое дело, госпожа, – рассмеялась девочка. – Вы – госпожа, конечно, вы не умеете всего, что могу делать я! Мой опыт и умения делают меня взрослее вас!

Ну, нахалка!

Бай Юйшу не удержалась от того, чтобы потрепать девочку за круглую щечку.

– Разве ты не хочешь иметь свою жизнь?

– Выйти замуж? – спросила Ли Лэ.

– Хотя бы и выйти замуж. Ты бы хотела поменяться со мной местами, например?

Ли Лэ перестала хихикать и опустила глаза.

– По чести говоря,.. – сказала она. – ...не очень. Где мне мечтать о таком важном гунцзы, как ваш господин. Мне бы... Мне бы попроще, какого-нибудь торговца или охранника со свои домиком... чтобы всего хватало... но не обязательно, чтобы был богатый...

– Не хочешь богатого? – удивилась Бай Юйшу.

– У богатых много женщин, – со знанием дела ответила девочка. – Когда им

жена надоедает, они себе молодую берут, а на старую и смотреть не хотят. А бедный – кто ему отдаст дочку в наложницы? Будет только меня обхаживать!

Может быть, в ту минуту у какого-то торговца или охранника по спине пробежал холодок, предвещающая его счастливую судьбу.

Бай Юйшу спросила:

– А если ты не выйдешь замуж? Ты не хочешь сама магазин открыть или мастерскую?

– Нет, что вы, госпожа, – испугалась Ли Лэ. – Еще начнут говорить, что ко мне чужие мужья ходят! Пожалуй, могу и

камнями закидать! Как можно молодой и красивой женщине без мужа? Кто же меня будет защищать?

Бай Юйшу в ту ночь долго не могла заснуть.

Она думала, как плачут мама с папой. Как они остались одни, с седыми волосами, похоронившие единственную дочь.*[55]

Она думала о Сян Ляне, Сян Юе и Вансинь-цзеце.

Она вошла в их семью, но никого из них скоро не будет в живых.

Она думала о Чан ЯньЮане.

Прости меня, Чан ЯньЮань.

Между ними были столетья и династии. Будут войны, будут восстания, придут новые императоры, царства будут подниматься и рушиться, реки будут менять течение, моря станут тутовыми лесами *[56].

Нет пути с одного берега на другой.

Только одна луна будет светить над нами, как в эпоху Цинь, так и через три тысячи лет.

Бай Юйшу зажмурилась и хотела во сне увидеть Чан ЯньЮаня.

Ей ничего не снилось той ночью.

—

*[54] ## "ханьлу", месяц холодной росы, 17й из 24 солярных периодов (вторая и третья недели октября)

*[55] ##### /bai fa ren song hei fa ren/ (букв. "люди с белыми (седыми) волосами провожают людей с черными воло-

сами") – о родителях, которые хоронят сына или дочь

*[56] ##### /cang hai sang tian/ (букв. "синее море – шелковичное поле") – метафора о том, что с течением долгого времени мир изменится, т.е. моря высохнут и на их месте вырастут посадки шелковицы

—

Военная сводка:

:: **22 года назад, в 221 году до н.э.**, правитель царства Цинь закончил объединение китайских земель и стал первым императором Шихуанди.

:: **210 г. до н.э.** (т.е. за два года до переселения души Бай Юйшу) – император Шихуанди умер. Его смерть развязала руки многочисленным силам, продолжавшим сопротивляться циньскому режиму, а также желавшим самолично властвовать над Поднебесной. Сын Шихуанди, унаследовавший отцовский трон, не имел в руках большой власти.

:: В царстве Чу лидером повстанцев стал Сян Лян из дома Сян, боковой ветви царского дома Ми. Остальные вожаки признали его главенство.

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 20. Дорогой отец, я живу хорошо...

Одинокая комната с пустыми стенами.

Еще один день, который надо прожить, хочешь или не хочешь.

Окна забраны переплетом из частых реек, на которые натянут светлый желтоватый шелк. Здесь полумрак даже в солнечный день. В углах – два деревянных божка с длинными ветвистыми рогами, охраняющие дом от злых духов. Выражение на их мордах показывало, что они заняты серьезным делом.

Бронзовые светильники, жаровня, курильница.

Комната немного похожа на музей.

Такой была теперь ее жизнь.

Жизнь Бай Юй, наложницы Сян Юя, генерала, приносящего мир.

– Дорогой отец, я живу хорошо...

Бай Юй поерзала на коленях и посмотрела на потолок.

Надо было что-то написать незнакомому отцу.

– Мой господин... он...

Она задумалась.

Мда.

Она посмотрела на пять слов, которые написала.

Но это ведь...

Во цхао!

Эх, Шихуанди, что ты был за император?! А еще великий зачинатель! Кто ж так делает?! Ты объединил все системы письма Поднебесной, неужели так трудно было заодно перейти на современный шрифт?

На дворе 3 век до н.э.! До изобретения новой каллиграфии еще триста лет! Они же еще пишут да-чжуанем, шрифтом большой печати!*[57] Я помню только двести или триста значков!

Почему мне так не везет?!

(Бай Юй:) – Ли Лэ, ты писать не умеешь?

(Ли Лэ, тоном оскорбленной барышни, которой предлагают ругаться матом:) – Конечно нет, госпожа! Как будто вы не знаете!

Надписи на да-чжуане... Бай Юй пыталась воспользоваться своей зрительной памятью художника и вспомнить какие-нибудь древние тексты. Проблема была в том, что бамбуковые дощечки быстро гниют и до третьего тысячелетия новой эры дошло очень мало оригиналов эпохи Воюющих Царств – в основном только поздние копии, переписанные новым шрифтом.

Единственное, что пришло на ум, это эпитафия из могилы жены одного уездного управителя. Эпитафия была выбита на каменной плите, ее фотография висела в комнате, в которой занимался кружок "Маленький каллиграф".

Конечно, Бай Юй не весь текст помнила и не была уверена в значении некоторых слов.

– Так... "послушная" или "почтенная"?.. Ладно, – решила Бай Юй. – Если ошибусь, все равно значение не так уж сильно отличается... Ваша послушная дочь... или жена? Или это было "пять"?..

Она трудилась с большим старанием, пока в дверь не постучали.

– Молодая госпожа! – крикнул с той стороны Хань Синь.

Он продолжал время от времени снабжать Бай Юй дополнительной провизией.

– Ты можешь отвести меня к правителю Сяну? – поинтересовалась Бай Юй, завязывая бечевку на своем послании. Оно уместилось на двух дощечках.

– Хань Синь, – сказала она на ходу. – Ты берешь на кухне водку, а сваливаешь на меня!

– Госпожа! Ничтожный слуга виноват!

Хань Синь постарался изобразить раскаяние на небритой роже.

– Госпожа, вы слышали про стратега под названием "Увести овцу, попавшуюся под руку"? – спросил он потом рассудительным голосом. – Если есть возможность, зачем же ее упускать?

– А ты слышал про болезнь под название "алкоголизм"?!.. Мне пришлось сказать дяде, что я устраиваю себе купания из водки!.. Хань Синь!

Хань Синь забыл о ней, мечтательно устремив глаза в небесную вышину, где собирался небольшой дождик.

– Прекрати высчитывать, сколько банок водки уместится в купальне!

Строго говоря, ей было не за что даже отругать его – на дворе разгул конфуцианства*[58], все претензии надо излагать на белой бумаге черными буквами.*[59] Она же сама разрешила ему брать еду на его долю, а про водку она ему ничего не говорила, что ее брать нельзя.

– Хань Синь, – спросила Бай Юй. – Почему ты не пошел на Сянчэн вместе с моим господином?

– Я – человек Сян-вана*[60], – сказал Хань Синь.

– Молодой хозяин все равно никого не слушает, – вполголоса добавил он как бы сам себе.

Странно было слышать такие замечания от слуги.

Бай Юй не в первый раз подумала, что Хань Синь непростой человек.

Ей нельзя было заходить в комнату к мужчине.

Окинув взглядом двор, как всегда полный солдат, она решила, чтобы лучше она туда вообще не пойдет, и попросила Хань Синя привести дядю.

– Шушу, – сказала она, когда дядя пришел. – Вот. Я написала письмо отцу.

Она, подняв лицо, смотрела на Сян Ляна, который, как обычно, был одет в белую рубашку и имел очень опрятный, почтенный вид. Волосы у него, по привычке, были аккуратно

собраны в солдатский пучок. Из-под темно-зеленого чхана на ширину ладони виднелась еще одна, нижняя юбка, белая, как рубашка.

Кто бы мог, глядя на него, сказать, что последние годы он провел в бегах и по тюрьмам? Из-за столкновения с циньским законом, Сян Ляну пришлось покинуть родное поместье, забрав с собой осиротевших племянников. Потом им не раз приходилось скрываться и переезжать с место на место, потому что Сян Лян иногда убивал кого-нибудь.

Бай Юй посмотрела на хорошие морщинки у глаз мужчины. Она знала историю, но она не могла заставить себя относиться к нему как к бандиту и убийце. Это был ее шушу!

Он должен погибнуть через два месяца.

Сян Лян хотел что-то сказать, но остановился и тоже молча смотрел на нее.

Бай Юй казалось, как будто горы встают между ними. Ей казалось, если она протянет руку, она не дотянется до Сян Ляна.

Историю изменить нельзя. Ею движут силы слишком большие, чтобы люди могли влиять на них. Все, что должно произойти, все произойдет – сколько ни старайся. Какая разница как это называть, исторической закономерностью или Небесным Дао?

Какая разница, если она все равно не может его спасти?

Она почувствовала себя чужой и одинокой в этом мире. И бесполезной.

– Бай Юй... – позвал он.

– Дядя...

– Бай Юй, тебе необязательно было нести письмо. Ты могла прислать его со слугой.

Ба Юй вспомнила, зачем она пришла.

– Дядя, – сказала она с поклоном. – Я хочу вас попросить.

– Дядя, – сказала она дальше. – Мне нужен инструмент для резьбы по дереву. Мне нужны круглые стамески и напильник.

У Сян Ляна появилось ощущение, что он сам вырыл себе могилу, когда связался с этой девчонкой.

– Можно я закажу у кузнеца? – спросила Бай Юй.

– Нет, – сказал Сян Лян.

Если дать ей палец, она откусит руку!*[61]

Если бы она стала упрашивать или показывать, какая она несчастная, на этом разговор бы и закончился.

– Понятно, – сказала Бай Юй и с достоинством поклонилась.

Сян Ляну подумал, что он был слишком резок.

– Бай Юй, – сказал он. – Девочка. Ты недавно вышла замуж и ты еще совсем молодая, тебе нельзя выходить из усадьбы, пока тебе не исполнится 20 лет.

– Я знаю, – сказала Бай Юй. – Но если бы я поехала с кем-нибудь из старших, тогда было бы можно?

– Если бы ты сопровождала цзецзе, старшую сестру, тогда можно.

– Спасибо, шушу, – вежливо сказала Бай Юй.

Сян Лян смотрел ей вслед, и ему казалось, что-то он упустил. Такое чувство, как когда противник действует слишком открыто, и начинаешь понимать, что тебя сейчас обходят с флангов.

Через неделю в уезде Дунъян Бай Шэнь читал вслух письмо от своей замужней дочери:

"Я пример добродетели и усердия, мать пятерых детей, опора благодарной семьи и всего уезда. Скончалась в возрасте семидесяти трех лет, оплакиваемая всеми."*[62]

Седеющий Бай Шэнь утер счастливую отцовскую слезу и сказал своей другой дочери:

– Ты видишь, какие прекрасные устремления у твоей сестры! Я всегда знал, что все ее капризы и истерики, это все детское... все детское... а на деле у нее золотое сердечко!.. Я признаюсь, сомневался насчет этого замужества. Сян Юй, конечно, имеет большой авторитет, но говорят, человек он жестокий, необузданного нрава. Теперь моя душа спокойна!.. Что-то буквы все как будто кривые... Хо-хо! Нету даже сил перо держать! Чем они там занимаются, хотел бы я знать?!

—

*[57] ## да-чжуань (букв. «великая печать») – разработан в 8 в. до н.э.

ли-шу ("официальное письмо") – письмо, легшее в основу современной китайской письменности, появилось в

конце периода Воюющих Царств (3-2 в. до н.э.), но приобрело популярность только в конце династии Хань (2 в н.э.)

*[58] Конфуцианство – моралистическое учение, достигшее в древнем Китае статуса религии. Одна из основных особенностей – точное следование правилам, изложенным в конфуцианских канонах.

*[59] ##### /bai zhi hei zi/ – "белая бумага, черные буквы", т.е. буквально

*[60] # (ван) – правитель, царь. В эпоху Воюющих Царств этот титул начали употреблять по отношению к поместным правителям. Хань Синь употребляет "ван", говоря о Сян Ляне из уважения к его знатному происхождению

*[61] ##### букв. "Получит цунь (палец, мера длины) – будет требовать чши (фут, ступня, мера длины)"

*[62] Время китайского глагола можно определить только по дополнительным словам, если они есть в предложении.

—
✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 21. Кузнец Суэй и его непутевый старый отец

Ночью у окна осторожно постучали.

Бай Юй не сразу проснулась.

Она села в постели и тихо спросила:

– Кто это?

Она некоторое время прислушивалась. Потом решила, что ей все приснилось и улеглась обратно.

Опять:

– Тук-тук. Тук-тук...

Потом в дверь:

– Тук-тук. Тук-тук...

Бай Юй вылезла из постели и босиком пошлепала к дверям.

– Кто это? – спросила она. – ... Цуо Су?

Тишина.

Потом:

– Тук-тук. Тук-тук...

Бай Юй попятилась.

Настойчивый стук без слов был очень страшным.

Дверь дернули.

Как будто ледяная лапа схватила ее за горло.

Бай Юй наткнулась на сундук в темноте. Она шарила во-

круг себя дрожащими руками и пятилась на подгибающихся ногах. Под ладонью оказалось что-то теплое.

– Ли Лэ, Ли Лэ! – шептала Бай Юй. – Ли Лэ!

Она трясла спящую Ли Лэ, она не хотела быть одна в темноте.

Ей уже казалось, что в комнате кто-то стоит, прислонившись к запетрой двери.

– Ли Лэ!

Бай Юй замерла, обнимая наполовину вытащенную из одеяла служанку. Ли Лэ вздохнула во сне и поудобнее устроилась у нее в руках.

Тишина, только дождь шумит.

Бай Юй не шевелилась, и долго слушала в темноте с бьющимся сердцем.

Было или не было?

Приснилось?

Бай Юй втиснулась на сундук к Ли Лэ и прижалась к ней.

Она не думала, что сможет уснуть, но очень скоро отупение и непреодолимое забытие охватили ее. Вокруг нее была как будто темная вода. Бай Юй смотрела вверх и видела звезды, как со дна колодца. Черные контуры ветвей безмолвно колыхались над ней. Сердце болело от непонятной тоски.

– Госпожа! Госпожа!

Бай Юй с трудом разлепила веки.

– Ох, ну и спите вы, госпожа! – с восхищением сказала Ли Лэ. – Я думала, вашу душу забрали злые демоны!

Бай Юй с трудом села на сундуке и потеряла лицо ладонями.

Она смутно помнила страх минувшей ночи.

Она прислушалась. Дождя больше не было слышно. На улице чирикали воробьи.

После дождя выглядывает солнце.

После ночи приходит день.

После печали приходит радость.

– Ли Лэ, мы идем в гости!

Юй Ваньсин подняла голову от вышивания. Она удивленно подняла соболиные брови. В дверь стучали.

Служанка открыла дверь. На пороге стояли Бай Юй и Ли Лэ.

– Юй-цзи*[63], – церемонно поклонилась Бай Юй.

Юй Ваньсин встала от пялец и вежливо ответила с поклоном:

– Бай-цзи.

Потом она улыбнулась и сказала:

– Юй-мэймэй, не нужно церемоний. Я же говорила, что ты можешь звать меня цзецзе, старшая сестра.

– Ваньсин-цзецзе, тебе уже есть 20 лет? – спросила Бай Юй, с готовностью оставив церемонии.

Юй Ваньсин немного растерялась.

– В этом году мне двадцать один, – ответила она.

– Значит, ты можешь выезжать из усадьбы? – спросила Бай Юй.

– Если мне разрешат, – сказала Юй Ваньсин.

– Разрешили! – с торжеством сообщила Бай Юй.

Хе-хе. Конфуцианство – очень удобная штука для тех, кто понимает.

Что сказано, то сказано. А что не сказано, можно с полным правом истолковать в собственную пользу.

Дядя забыл, что у Бай Юй есть не только злая Ми-цзеце, у нее еще есть добрая Ваньсин-цзеце!

Наблюдая, как на лице Бай Юй сменяют другу друга все оттенки коварства, Юй Ваньсин медленно спросила:

– Что именно сказал тебе Сян-ван?

Выслушав Юй-мэймэй, Юй Ваньсин на некоторое время замолчала.

Потом она опустила глаза и кивнула.

Соблазн прокатиться в город был слишком велик!

В месяц сяошу, малой жары, дни длинные и безмятежные. Рыбы в маленьком прудике выскакивают из воды. После дождя вся зелень умыта, бамбук тянется вверх, влажная земля парит прозрачной дымкой.

– Что? Что вам нужно, молодая госпожа? – в третий раз спрашивал пожилой кузнец.

Он никак не мог понять, как может острое орудие быть при этом закругленным? Серп что ли? Меч дао? Молодая госпожа, наверно, все перепутала и кто вообще отпустил женщину заказывать инструмент у кузнеца, – думал он.

Потом в глазах его зажегся свет.

– Понял? – не веря в свое счастье, спросила Бай Юй.

– Понял, госпожа, понял... Я все понял! Вам надо к Суэй Тиеню, госпожа, он все сделает! Идите, идите, госпожа. Идите, к Суэй Тиеню. Вон туда!.. Туда!

– Далеко ехать?

– Чем дальше, тем лучше, – буркнул себе под нос кузнец, проворно закрывая ворота изнутри и притворяясь, что ничего не слышит.

Улицы города, по которым ехала повозка, были далекой окраиной Учжуна и больше напоминали мирное сельское поселение – с одноэтажными деревянными домами, садами и воротами многочисленных дворов.

Бай Юй из окошка разглядывала прохожих – здесь было совсем не такое настроение, как в усадьбе Сянов, где ей приходилось все время бояться, что она сделает что-нибудь не так, и с каждым раскланиваться, а то и вставать на колени. Люди были одеты в простые рубашки, штаны и юбки. Некоторые встречные кланялись друг другу, но чаще – хлопали друг друга по плечу или вместе смеялись. Так что даже зубы были видны! Ми-фужэнь всех бы отхлестала по щекам, если бы увидела!

Большинство горожан даже читать не умели, поэтому имели очень отдаленное представление, что там написано в книгах обрядов, по которым люди в далеком будущем будут составлять свое мнение о порядках в древности. В особенных случаях они обращались к ученым даосам или в город-

скую администрацию, но в обычной жизни были открыты и просты. Хань Синь, правивший повозкой, спросил дорогу у нескольких прохожих, которые все указывали в одну сторону за городскую черту, а потом, с интересом подняв брови, смотрели им вслед.

Юй Ваньсин и Бай Юй взяли с собой служанок, и двух солдат для охраны. Все они шли пешком за повозкой, которая везла наложниц генерала Сяна.

Суэй Тиень, увидев, сколько народу к нему приехало, немного растерялся.

Он был простым сельским кузнецом и жил с семьей на отшибе.

Через несколько минут он понял, что от него требуется и предложил гостям подождать, пока он сделает образец инструмента. По всему было видно, что кузнец сметлив и готов попробовать любой заказ.

Он позвал жену и велел ей предложить гостям чаю.

Его жена, дородная улыбчивая женщина, привела Бай Юй и Юй Ваньсин на веранду, усадила в тени и принесла чай и закуски, которые подала им с почтительным поклоном. Они попросили хозяйку сесть за стол, но было видно, что та испытывает неловкость в присутствии важных посетительниц.

– Скажи, Чун Хуа (так звали женщину), почему мне кажется, что в городе к твоему мужу особенное отношение? – спросила Бай Юй, которой вечно все нужно было узнать.

Чун Хуа безнадежно почесала лоб.

Она не знала, как объяснить и при этом не опозориться перед гостями.

– Потому что он... черепаший сын,*[66] – сказала она наконец и стоически сжала губы.

Сдержанная Юй Ваньсин застыла с чашкой в руке и не знала, что думать. Бай Юй подавилась печеньем.

Чун Хуа отрешенно смотрела в небо и продолжала:

– Отец моего мужа воевал на границе, его несколько лет не было дома. Вернулся он с маленьким мальчиком на руках и с тех пор всем рассказывал, что волшебная речная черепаха влюбилась в него и по ночам оборачивалась прекрасной девушкой, чтобы навестить его... А когда у них родился сын, черепаха уплыла, оставив мальчика возлюбленному.

Она вздохнула.

– Сколько моему мужу пришлось вынести в детстве из-за этих сказок, я даже сказать вам не могу!..

– Зато у меня была отважная защитница! – со смехом сказал кузнец Суэй, выходя на веранду. Он поклонился, подал Бай Юй наскоро изготовленный образец, а потом подмигнул жене.

В это время из-за хозяйственных построек во двор вышел старик с круглым пузом и кривыми ногами. Его седая борода задорно топорщилась во все стороны. Он почесал свое круглое пузо и по-хозяйски огляделся.

В глазах улыбчивой женщины сверкнул злобный огонек.

В это же время с другой стороны выбежала большая пят-

нистая свинья и начала деловито копать пяточком и передними копытцами под деревом в центре двора.

– Отец! – закричала дородная Чун Хуа. – Свинья опять бегает, где хочет.

Старик поднял вверх указательный палец, прося всеобщего внимания.

– Она знает, – сообщил он. – что ее предки были дикими свободными кабанами. Вот почему эту свинью невозможно удержать в загоне...

Не успел он договорить, как с дерева упал мальчик лет пяти, очень похожий на круглолицего Суэй Тиеня. Он свалился прямо на пятнистую свинью. Свинья завизжала, побежала и сбила с ног старика Суэя. Старик Суэй шлепнулся на задницу – прямо в лужу.

(Маленький Суэй:) – Дедушка, дедушка! Правда, я летал?! Как ворона!

Старик, сидя в луже, поднял палец, прося внимания.

(Старик Суэй:) – А вы слышали, как эта свинья только что кричала человеческим голосом "Цюйси! Цюйси! Цюйси!"*("Изыди!") *[67]

(Кузнец Суэй, держась за бока:) – Ха-ха-ха!

Дородная Чун Хуа давно забыла про свое стеснение перед гостями.

(Чун Хуа, сердито:) – Эти Суэй!... Все трое! Сил моих нет!

Старый Суэй встал, помотал задницей, чтобы отряхнуть

воду, и вразвалочку пошел к веранде, на которой сидела невестка.

– Все четверо! – сказал он, ухмыльнувшись, и ткнул ей пальцем в живот.

(Кузнец Суэй, держась за бока:) – Ха-ха-ха!

(Чун Хуа:) – Р-р-р-р!

(Бай Юй:) – Ха-ха-ха!

Старик с интересом посмотрел на присутствующих дам и поклонился, не без изящества.

– Я вижу, – сказал он, любовно озирая дородную фигуру невестки, – Наша маленькая А-Хуа уже поведала вам печальную историю моей молодости и несбывшейся любви... А между тем, бывали случаи и поинтереснее... Позвольте спросить почтенных гостей, слышали ли они про "посмертные свадьбы"?..

(Чун Хуа:) – ... (фейспалм, тихий стон)

– Да... Вот я вам расскажу про нашего соседа, который тогда служил сторожем в уездной управе... это было, еще когда мы жили в старом дворе.. Ловил он один раз рыбу в реке, и вдруг образовался водоворот и утащил его на дно!.. Он сам рассказывал про это не раз. И многие видели, как он барахтался, так что все, что я вам говорю, – чистая правда. Внизу его встретил сам Хэ-по, Речной Старейшина.*[68] Он выдал за него замуж свою младшую дочь. Молодожены прожили в согласии три года, пока Хэ-по не отпустил соседа домой. Муж и жена горько плакали, когда расставались,

и на прощанье жена преподнесла соседу богатые дары из золота и нефрита... И что вы думаете? Когда он потом пошел на рынок продать кое-что из этих драгоценных вещей, слуги одного зажиточного дома опознали предметы из могилы дочери хозяина, которая утонула три года назад!..

Старик Суэй сделал драматическую паузу и со значением посмотрел на слушателей, рты у которых были открыты, а глаза – доверчиво распахнуты:

Суэй-младший (5 лет),

Ли Лэ (11 лет),

Бай Юй (17 лет),

Юй Ваньсин (20 лет),

Кузнец Суэй Тиень (31 год),

Служанка Юй Ваньсин (51 год).

Чун Хуа (26 лет) – злобно прищуренные глаза выражают смысл "Старое трепло!"

Старик важно расчесал бороду растопыренной пятерней изнутри, так что она у него стала торчать еще хуже.

– Да... Так вот... Соседа, конечно, притащили к судье и казнили за разграбление могилы...

Бай Юй готова была сидеть и слушать сказки старого Суэя до поздней ночи, но им нужно было возвращаться домой. Она обсудила с Суэй Тиенем, как лучше сделать стамески и какого размера они будут. Они договорились, что кузнец принесет заказ завтра в усадьбу Сян.

Проезжая мимо незакрытых ворот, можно было видеть во

дворе сердитую Чун Хуа, которая стояла, уперев руки в объемистые бока, и ругалась на мужчин, и троих Суэев, которые хохотали вокруг нее.

– Давайте пообедаем в городе! – предложила Бай Юй. – Полчаса всего! Поесть-то мы можем?!

Все нерешительно посмотрели друг на друга.

(Бай Юй:) – Хань Синь! ###! Можно действовать!

—

*[63] ## Юй-цзи – наложница Юй

*[64] # мэй – младшая сестра, удвоение обращения делает его более сердечным

*[65] ## сяошу ("малая жара") – один из 24 солнечных месяцев (середина июля). В древнем Китае год делился на солнечные месяцы и на лунные месяцы

*[66] ### (ванбадан) – буквально: "черепашье яйцо" (распространенное ругательство в Китае, по смыслу – "ублюдок", "сукин сын") Черепахи в Китае считались уродливыми похотливыми созданиями, готовыми спариваться с любым, кто согласится.

*[67] ## – "Изыди!", часто встречается в даосских чтениях при изгнании злых духов

*[68] ## Хэ-по (Речной Старейшина) – изначально божество реки Хуанхэ, позже приобретшее власть над всеми реками. Известно, что он набирал красивых утопленниц себе в гарем, а также выдавал своих многочисленных дочерей за утонувших мужчин.

✿ Благодетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! ✿

ГЛАВА 22. Если ты родишь господину детей, он сделает тебя фужэнь

Слуги принесли обед из придорожной гостиницы, Хань Синь отогнал повозку к роще на опушку, и все устроились, как положено: генеральские наложницы – в повозке, у открытой двери, мужчины – на траве в отдалении.

Месяц малой жары был полон травой и цветами, ромашками и колокольчиками. Их белые, желтые и голубые головки покачивались в теплом воздухе. Янтарные бабочки опускались на лепестки и взмахивали, пошевеливали крылышками. Иногда на луг набегала тень от облака, а потом он снова вспыхивал зеленым и золотым, отражая солнечные лучи.

Юй Ваньсин с задумчивой улыбкой смотрела на цветы, как всегда, молча. Ее глаза, изогнутые словно листья ивы, тоже наполнились солнцем.

И все равно, облик ее дышал затаенной грустью, как будто судьба уже накрыла ее своим черным крылом.

Ветер играл с волнистой мягкой прядкой, спускавшейся по ее стройной шее.

Бай Юй незаметно вздохнула, глядя на шелк волос Юй Ваньсин – ее собственные волосы были прямые и жесткие, и в той, и этой жизни. Она их ненавидела.

– Вансинь-цзеце, – сказала она. – Ты такая красивая...

Наш господин, наверно, очень скучает по тебе.

Юй Ваньсин искоса посмотрела на нее и вздохнула.

– Ты не знаешь мужчин, – тихо сказала она и снова замолчала.

У Бай Юй сжалось сердце, столько печали услышала она в голосе девушки.

Она знала, что, когда войска Сян Юя будут разбиты, в последний безнадежный момент она перережет себе горло мечом, чтобы дать ему возможность бежать.

О ней останется одна-единственная строчка в "Деяниях дома Сян": "У Сян Юя была красавица Юй, которую он везде возил с собой".

А пока... надеяться, что господин не лишит ее своей благосклонности ради другой наложницы, ждать его из походов, истратившегося, уставшего от убийств и насилия над женщинами, радоваться его вниманию, когда он вспомнит о ней среди домашней скуки... Об этом ничего не было в исторических книгах.

Красавица немного посмотрела на нее, а потом сказала с улыбкой:

– Я все равно не могу сравниться с тобой.

(Бай Юй:) – ?..

– Как это? – спросила она, обретя дар речи.

– Ты – дочка Бай, – прошептала Юй Ваньсин, опустив глаза. – Твое происхождение не такое, как у меня. Ты будешь

ему хорошей женой. А я... только позорю его.

(Бай Юй:) – А... это...

"Ваньсин, ты что с ума сошла?! – хотела она сказать. – Твой господин – дикий неандерталец, только ты и можешь его терпеть! У меня одна мечта – поскорее оказаться как можно дальше от него!"

(Бай Юй, с жаром:) – Ваньсин-цзеце, зачем ты говоришь такое?! Если уж кто позорит нашего господина, так это я! Он сам сказал!.. Ты такая достойная и скромная... Несравненные манеры, утонченная натура. Затмишь луну и посрамишь цветы!*[69]

– Отец собрал последние деньги, чтобы дать мне воспитание, – безучастно сказала Юй Ваньсин.

– Наверно, потому что он очень заботился о тебе?

– Потому что он хотел продать меня в проститутки, – так же безучастно сказала Юй Ваньсин.

О том, как отец хотел продать Юй Ваньсин в проститутки

Семья Юй Ваньсин надрывалась на тяжелой работе, ее старшая сестра осталась вдовой в молодом возрасте и тяжело болела. У сестры было два маленьких ребенка. Семья покойного мужа не хотела их кормить, поэтому их отправили обратно в дом к отцу.

Маленькая Юй Ваньсин уже в детском возрасте поражала всех необыкновенной красотой. У нее были изогнутые глаза с длинными ресницами, необычайного голубого цвета, ко-

торый она унаследовала от предков с западных гор. Девочку можно было в раннем возрасте продать в хороший дом для услужения, избавившись от лишнего рта и обеспечив Юй Ваньсин безбедную жизнь. Однако, ее отец смекнул, что за нее можно получить больше денег, если подучить и продать в бордель. В конце концов, такую красивую служанку все равно рано или поздно опозорит кто-нибудь из хозяев, так не все ли равно, один или много.

Собрав все сбережения, отец нанял дочери учителя – престарелого чиновника, который жил в соседней деревне. С одиннадцати лет Юй Ваньсин училась писать, рисовать, играть в ци, петь, играть на цине, а также вести себя пристойно и читать наизусть из "Книги песен", "Книги обрядов" и "Установлений Чжоу". Она все время проводила дома за занятиями и рукоделием, потому что дети в деревне обзывали ее непотребными словами, прознав, для чего к ней ходит учитель.

Когда ей исполнилось четырнадцать, отец приготовился отвести ее в город, где он уже договорился с содержательницей публичного дома. Днем накануне Юй Ваньсин послали стоять перед воротами двора и продавать фрукты и лепешки.

В это время по улице не спеша проехал отряд всадников. Молодой широкоплечий всадник, остановил перед воротами своего жеребца и смотрел на девочку полуприкрытыми холодными глазами. Все другие тоже остановились и ждали его.

Юй Ваньсин поприветствовала господина, как полагается, и уже подумала, что это ее первый клиент. Наверно, отец нашел кого-то в городе, пока ходил. Она стояла, опустив голову, и была скорее мертвая, чем живая.

Мужчина спешил, толкнул ворота и прошел во двор.

Через некоторое время он вышел, сел на своего огромного коня, мельком посмотрел на нее еще раз, ничего не сказал и уехал.

Юй Ваньсин узнала, что господин поговорил с ее отцом и заплатил за нее в два раза больше, чем было обещано хозяйкой борделя.

Шли месяцы, а за ней никто не приезжал. В деревне все держались от нее подальше, потому что боялись оскорбить господина, купившего ее, только мерили ее злобными взглядами. Отец иногда бранился, что приходится ее кормить и что теперь он не знает, куда ее деть. Юй Ваньсин по ночам мечтала, как господин приедет и заберет ее, и как она будет преданно служить ему.

В это время Сян Юй с Сян Ляном часто скрывались от закона. У них не было постоянного дома и им было не до Юй Ваньсин. Когда они обосновались в Учжуне, Сян Юй через некоторое время послал кого-то привезти ее и поселил у себя в хозяйстве. Это было через год после того, как он отдал ее отцу деньги.

Еще долгое время она жила в усадьбе, и Сян Юй не трогал ее, пока наконец в тот год, когда ей исполнялось семнадцать,

он не сделал ее своей наложницей. Через два года он женился на Ми-гунян*[70] из дома чуских правителей Ми.

Закончив свой рассказ, Юй Ваньсин сидела, опустив глаза.

Среди ромашек и колокольчиков, Бай Юй как будто услышала сказку о Золушке, которая дождалась своего принца! Головорез Сян Юй для Юй Ваньсин был ее спасителем. Она не претендовала на место фужэнь в благородном семействе, все, чего она хотела – это быть рядом со своим господином и служить ему. В усадьбе Сянов она вела тот же замкнутый образ жизни, к которому привыкла дома. Она была накормлена, одета, ей не приходилось выполнять тяжелую работу, у нее даже была служанка – все девушки в ее родной деревне, наверно, уже лопнули от зависти.

Бай Юй подумала, как непохожа Юй Ваньсин на штампованный образ древней забитой китайской жены. Нежная и прекрасная, она при этом была полна достоинства и ни на что не жаловалась. Если бы судьбой ей был отмерен срок подольше, несомненно, любящие дети и внуки поместили бы в ее гробнице эпитафию, полную восторженных и благодарных слов.

Бай Юй вдруг почувствовала, что двадцатилетняя Ваньсин-цзеце из 3 века до нашей эры мудрее и взрослее, чем она, прожившая 27 лет, окончившая университет и защитившая Ph.D. по истории Китая.

Бай Юй подумала еще о шушу Сян Ляне. Его идеалами

были сила и страх, который он внушает. Он был такой же грабитель, убийца и насильник, как Сян Юй, – Бай Юй не питала иллюзий. И при этом он вырастил двух мальчиков, которые почитали его и во всем старались быть на него похожими. Много ли родителей в 21 веке смогут такое сказать о своих сыновьях? После разгрома Чу войсками Циня в разоренном, потерявшем единство, царстве Сян Лян стал силой, к которому примкнули все восставшие против циньских захватчиков.

Сян Лян и Юй Ваньсин – они были людьми своего века, В глазах Бай Юй они были полны красоты, как древние артефакты. За ними стояли поколения и традиции. Они знали, где их место в этом мире.

Не то что Бай Юй, заблудившаяся во времени.

– Ваньсин-цзеце, а ты потом навещала своего отца? – спросила она.

Красавица покачала головой.

– Наш господин не позволил.

– Ты, наверно, очень сердита на него за то, что он хотел тебя продать?

Юй Ваньсин подняла голову и на ее лице расцвела светлая безмятежная улыбка:

– Почему? Ведь все, что отец сделал, оказалось к лучшему.

Бай Юй вдруг не выдержала, обняла вторую наложницу и сказала:

– Ваньсин-цзецзе, как человек может быть таким хорошим?!

Бай Юй очень хотелось сказать Юй Ваньсин, что Сян Юй не покинет ее до их последнего дня и что он, по-своему, очень любит ее, но как она объяснит, откуда ей это известно?

Юй Ваньсин улыбнулась и погладила Бай Юй по голове, как маленькую.

Бай Юй еще подумала о Ми-фужэнь... Она, оказывается, была дочерью правящего дома Чу!

– Ваньсин-цзецзе, а почему у Ми-фужэнь нет детей? – спросила она.

Юй Ваньсин прикрыла рот рукой и предостерегающе посмотрела на Бай Юй большими глазами.

– Потому что Ми-фужэнь такая старая? – спросила Бай Юй, не реагируя на большие глаза Юй Ваньсин.

Глаза закатились к потолку повозки.

Юй Ваньсин поняла, что Бай Юй не отстанет.

Она наклонилась к уху младшей наложницы и прошептала по секрету:

– У Ми-фужэнь был ребенок, но он болел и скоро умер.

Бай Юй тоже наклонилась и прошептала:

– А зачем наш господин на ней женился, на такой старой?

Юй Ваньсин скосила глаза на Ли Лэ, сидевшую на коленях позади хозяйки, которая тоже нагнулась вперед, так что чуть не врезалась в них лбом, и подслушивала.

– Почему ты говоришь, что Ми-фужэнь старая? Ей два-

дцать шесть лет, – сказала Юй Ваньсин.

Сколько?! Бай Юй думала, ей лет пятьдесят! Такая тощая и морщинистая, и руки трясутся!

– Я думала, ей пятьдесят! – громко сказала Бай Юй.

– Юй-мэймэй, ты не должна так говорить, – наставительно сказала Юй Ваньсин.

– Я думала, ей сто! – сказала Ли Лэ.

(Юй Ваньсин:) – ...

– А зачем он женился на такой уродине? – спросила дальше Ли Лэ.

Служанка Юй Ваньсин дала ей сзади тычок в затылок, но на Ли Лэ это не произвело впечатления. Бай Юй про себя подумала, что Ми-фужэнь и Сян Юй – пара, созданная на небесах. Подходят друг другу и по внешности, и по характеру.

– Она была очень красивая, но потом стала... стала сохнуть, – сказала Юй Ваньсин и неловко замолчала, надеясь закончить разговор.

Ее служанка, женщина седая, в годах, чопорного вида, не выдержала и тоже подползла поближе.

– И глаза стали, как у покойника, – сказала она громким шепотом.

(Юй Ваньсин, делая строгие глаза:) – У Маогэнь!*[71]

У Маогэнь почтительно кивнула госпоже, чтобы показать, что она с ней во всем согласна.

Три секунды.

(У Маогэнь, еще более страшным шепотом:) – Наверно, в ней сидит злобный демон!

(Юй Ваньсин:) – Сплетни – большой грех!

(У Маогэнь, ханжески опустив глаза:) – Простите бедную служанку, я уж все как есть говорю.

Стало понятно, что за суровым фасадом У Маогэнь билось горячее сердце истинной сплетницы.

(Ли Лэ, всовывая голову в кружок заговорщиков:) – А Ми-фужэнь всегда была такая злая?

(Юй Ваньсин:) – Ли Лэ!

(У Маогэнь:) – ... (тык сердито Ли Лэ в затылок!)

(У Маогэнь:) – Сколько ее помню. Свирепа, как дракон, и кровожадная, как тигр!* (#####)... Что? Я неразумная служанка! Говорю все, как есть!

Бай Юй представила себе иссохшую Ми-фужэнь, которая сидит одна в красной комнате и теряет красоту и молодость, всеми нелюбимая. Какая болезнь уродует и убивает ее? Ей, наверно, страшно, она пытается понять, за что Небесный Дао наказывает ее, и безуспешно прячется от темных сил в своей камере. Бай Юй и Юй Ваньсин обменялись печальными взглядами.

Какой бы ужасный характер ни был у Ми-фужэнь, нельзя было не пожалеть ее.

Бай Юй поняла положение в семье Сянов.

Амбиции Сян Юя были немаленькие. С помощью жены он должен упрочить свое положение и связи со знатными се-

мействами. С Ми-фужэнь ему не повезло, поэтому ему нужна была новая жена из влиятельной семьи. Со временем наложница может занять такое место. Из истории она знала его аппетиты, ему мало было стоять наравне с остальными помещными правителями, он метил занять трон и основать династию. Ему нужны были наследники. Видимо, семья Бай была очень почтенной. Теперь понятно было, почему у нее была свадьба с праздничным платьем и покоем для новобрачных, которые, по обычаю, не полагалась наложнице, – Сян Юю надо было показать отношения с семейством Бай и со всеми, кто его поддерживает.

– Ваньсин-цзецзе, – сказала Бай Юй. – Если ты нарожаешь господину детей, он, может быть, потом сделает тебя фужэнь. Он ведь сам из рода Ми, у него достаточно лица, его и так все боятся.

Юй Ваньсин только улыбнулась:

– Нет, он всегда будет стыдиться моего низкого происхождения... Я даже не чистой крови, мои предки были Да-ся*[72], они пришли из-за гор.

Юй Ваньсин, с ее голубыми глазами, волнистыми волосами и прямым точеным носом, действительно была похожа на персидскую княжну из "Тысячи и одной ночи"!

– И потом... у меня была неудачная беременность* (## – букв. "неудача"), и я больше могу носить детей.

Бай Юй замерла.

Вот, значит, как было дело.

Она знала, что Сян Юй не оставит потомства. Роду Сянов, роду военачальников, много поколений служивших царству Чу, суждено угаснуть через несколько лет.

И это значит, что у нее тоже не будет детей от Сян Ляна. Или будет, но их всех убьют, когда Хань захватит Чу.

—

*[69] #####

*[70] ## гунян – молодая госпожа, обращение к незамужней знатной девушке

*[71] ## ("маогэнь") – лютик (служанкам при смене имени также давали имена цветов и растений)

*[72] ## Дася (букв. "Великое Ся") – древнее царство на территории совр. Афганистана и Таджикистана. Все народы в западу от царства Цинь считались в древнем Китае некультурными варварами.

—

(будет продолжено)

Гид персонажей

«Это было в царстве Чу», гид персонажей 1

СЕМЬЯ СЯН

Сян Иень

командующий армией Чу,
погиб в сражении против царства Цинь

1

Сян Бо

Сян Лян

Сян
Чао

Ми-фужэнь

Сян
Чжуан,
гений меча

Сян
Юй,
бог войны

у
Маогэнь
(служанка)

Юй-цзи
имя:
Ваньсин

Ли Лэ
(служанка)

Бай-цзи
имя: Юй

Чжу Чжу
(служанка)

Иллюстрации нарисованы автором новеллы Хаткой Боб-ра.

Кроме следующих:

1) Ван Шиминь, "Снег на реках и горах"

источник:

Репозиторий свободно распространяемых медиафайлов

From Wikimedia Commons, the free media repository

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wang_Shimin-After_Wang_Wei%27s_Snow_Over_Rivers_and_Mountains.jpg

2) Юнь Шоупин, Пионы, источник:

Репозиторий свободно распространяемых медиафайлов

From Wikimedia Commons, the free media repository

<https://commons.wikimedia.org/wiki/>

File:Peonies,_Yun_Shouping.jpg

Группа ВК "Хатка Бобра (aka Kuchka Kiwi)" [https://](https://vk.com/hatkabobra)

vk.com/hatkabobra